Герритсен Тесс

Умереть снова

Левине посвящается

* * *

1

Дельта Окаванго[1]*, Ботсвана*

В косых лучах рассвета виден след, едва заметный, словно водяной знак, вдавленный в проплешину на земле. Будь это середина дня, когда жаркое и яркое африканское солнце нещадно палит с зенита, я бы ничего не разглядела, но ранним утром даже малейшие впадины и ямки образуют тени, и, когда я выбираюсь из нашей палатки, этот единственный отпечаток лапы привлекает мое внимание. Я сажусь рядом с ним на корточки и покрываюсь холодным по`том от внезапного осознания: пока мы спали, единственной нашей защитой был тонкий палаточный брезент.

Распахивается клапан палатки, и появляется Ричард, он довольно кряхтит, распрямляется и потягивается, вдыхает запах росистой травы, дымка́ и завтрака, который готовится на костре. Запахи Африки. Это путешествие – мечта Ричарда, и только Ричарда, мне ничего подобного и в голову не приходило. Я всегда потакаю бойфренду в его желаниях. Режим по умолчанию: «Конечно, я согласна, дорогой». Даже если это подразумевает двадцатичетырехчасовой полет на трех разных самолетах: из Лондона в Йоханнесбург, оттуда в Маун[2], а потом в буш, причем последний самолет – рахитичная этажерка, за штурвалом которой сидит пилот, еще не протрезвевший после вчерашнего. Даже если это означает две недели жизни в палатке, постоянные сражения с комарами и необходимость справлять нужду за кустиком.

Даже если это означает, что я могу умереть; а именно об этом я и думаю, глядя на след, оставленный в земле всего в трех футах от того места, где спали ночью мы с Ричардом.

– Нет, ты почувствуй, какой воздух, Милли! – радостно вопит Ричард. – Нигде больше нет такого душистого воздуха!

– Здесь был лев, – говорю я.

– Хорошо бы собрать в бутылочку и привезти домой. Вот это был бы сувенир! Запах буша!

Он меня не слушает. Он слишком опьянен Африкой, слишком захвачен этой своей великой фантазией: белый искатель приключений на Черном континенте, где все великолепно, все блестяще, даже вчерашний ужин – консервированная свинина с бобами, которую он объявил «самой замечательнейшей едой на свете».

Я повторяю громче:

– Здесь был лев, Ричард. Рядом с нашей палаткой. Он мог запросто порвать брезент.

Я хочу, чтобы он начал волноваться, чтобы сказал: «О боже, Милли, это серьезно».

Но вместо этого он беззаботно кричит ближайшим нашим соседям:

– Эй, смотрите-ка! Ночью сюда приходил лев!

Первыми к нам присоединяются две девицы из Кейптауна, их палатка рядом с нашей. У Сильвии и Вивиан голландские фамилии, которые я не могу ни произнести, ни написать. Им обеим за двадцать, они загорелые длинноногие блондинки, и поначалу я их с трудом различала, пока Сильвия не заявила раздраженно: «Слушайте, Милли, мы с ней вроде не близнецы! Разве вы не видите, что у Вивиан голубые глаза, а у меня – зеленые?» Девицы присаживаются по обе стороны от меня и разглядывают след лапы, и тут я замечаю, что они и пахнут по-разному. Голубоглазая Вивиан пахнет травой-зубровкой, это свежий, без малейшей горечи запах юности. Сильвия пахнет как лимонный лосьон, которым постоянно мажется, чтобы отгонять комаров: «Репелленты ведь ядовиты, вы знаете?» Они сидят по бокам от меня, как две светловолосые богини при входе в храм, и я, конечно, тут же замечаю, что Ричард снова заглядывает в низкий вырез майки Сильвии, откровенно демонстрирующий ложбинку между грудей. Девушке, горячо возражающей против применения репеллентов, не следовало бы обнажать столь большие поверхности лакомой кожи.

Естественно, Эллиот немедленно присоединяется к нам. Он всегда рядом с блондинками, с которыми познакомился всего несколько недель назад в Кейптауне. С тех пор он не отходит от них, как верный щенок, надеющийся, что ему уделят капельку внимания.

– Это свежий отпечаток? – взволнованно спрашивает он.

Слава богу, хоть кто-то разделяет мое беспокойство.

– Вчера я его здесь не видел, – говорит Ричард. – Вероятно, лев приходил прошлой ночью. Только представьте: вышли вы по естественным надобностям и столкнулись с ним!

Он рычит и, согнув пальцы как когти, замахивается на Эллиота, который тут же отшатывается. Ричард и блондинки смеются, Эллиот – это для всех разрядка смехом, озабоченный американец, чьи карманы набиты салфетками и баллончиками от насекомых, кремами от загара и дезинфицирующими средствами, антиаллергенными пилюлями, таблетками для очистки воды и всеми прочими возможными средствами выживания.

Я не смеюсь вместе со всеми.

– Кстати, чья-нибудь жизнь вполне могла бы здесь и закончиться, – замечаю я.

– Но именно так и случается на настоящих сафари, разве нет? – весело говорит Сильвия. – Вы ведь в буше со львами.

– Похоже, это не самый большой лев, – говорит Вивиан, вглядываясь в отпечаток. – Может, самка, как думаешь?

– Самец или самка – сожрет и не поперхнется, – бормочет Эллиот.

Сильвия игриво шлепает его:

– Ой-ой. Неужели испугался?

– Нет. Я, вообще-то, думал, что Джонни преувеличивал, когда проводил с нами беседу в первый день: «Оставайтесь в джипе. Оставайтесь в палатке. Иначе смерть».

– Слушайте, Эллиот, если хотите абсолютной безопасности, то надо было идти в зоопарк, – говорит Ричард, и блондинки хохочут, слыша его колкое замечание.

Все кричат «ура» Ричарду, настоящему альфа-самцу. Подобно героям написанных им романов, он тот самый человек, который берет на себя ответственность и спасает положение. Или думает, что спасает. Здесь, в этих диких местах, он на самом деле всего лишь еще один бестолковый лондонец, однако ему удается создать впечатление, будто он специалист по выживанию. И сегодня утром меня это ужасно раздражает, как будто мало того, что я голодна и не выспалась, а теперь меня еще и гнус нашел. Комары всегда меня находят. Стоит мне выйти наружу, им словно кто-то сигналит колокольчиком: обед готов. А я начинаю хлопать себя по шее и лицу.

Ричард зовет нашего африканского следопыта:

– Кларенс, идите-ка сюда. Взгляните, кто к нам ночью приходил в гости.

Кларенс, попивавший кофе у костра с мистером и миссис Мацунага, неторопливо идет к нам с жестяной кружкой и присаживается рядом с отпечатком.

– След свежий, – заявляет Ричард, новый специалист по бушу. – Лев прошел здесь, вероятно, прошлой ночью.

– Не лев, – говорит Кларенс. Он, прищурившись, смотрит на нас, его черное лицо поблескивает в лучах утреннего солнца. – Леопард.

– Откуда вы знаете? По отпечатку одной-единственной лапы?

Кларенс рисует пальцем в воздухе над отпечатком:

– Видите, это передняя лапа. Форма круглая, как у леопарда. – Он поднимается и оглядывает местность. – И это только одно животное, значит охотится в одиночку. Да, это леопард.

Мистер Мацунага снимает отпечаток своей гигантской камерой «никон», у которой телеобъектив похож на какой-то космический аппарат. На нем и его жене одинаковые куртки для сафари, брюки хаки, легкие шарфики и шляпы с широкими полями. Одежка у них одинаковая вплоть до малейшей детали. В облюбованных туристами местах по всему миру можно найти такие пары, облаченные в одинаковые чужеземные одеяния. Когда смотришь на них, то кажется, что они проснулись утром и подумали: «А не насмешить ли нам сегодня мир?»

Солнце поднимается все выше, размывая тени, так четко очерчивавшие отпечаток лапы, и, спеша опередить его, остальные туристы щелкают камерами. Даже Эллиот достал свой карманный фотоаппарат, но, похоже, лишь потому, что то же самое сделали все остальные, а он не хочет быть белой вороной.

Только я не стала фотографировать. Ричард нащелкал столько, что хватит нам обоим, а он снимает на «кэнон» – «ту самую камеру, которой пользуются фотографы „Нэшнл джиографик“!» Я прячусь в тень, но даже там, где солнце меня не достает, чувствую, как из-под мышек текут ручейки пота. Жара усиливается. В буше каждый день – пекло.

– Теперь вы понимаете, почему я требую, чтобы вы по ночам не выходили из палаток? – говорит Джонни Постьюмус.

Наш проводник и старший группы приблизился так тихо – я даже не заметила, что он вернулся с реки. Джонни стоит теперь прямо у меня за спиной, и я поворачиваюсь к нему. Фамилия у него более чем мрачная – Постьюмус[3], но она довольно широко распространена среди поселенцев-африканеров[4], чьим потомком он является. В его лице – решительные черты предков-голландцев. У него светлые, выжженные солнцем волосы, голубые глаза, загорелые до черноты ноги в шортах хаки, похожие на древесные стволы. Комары, как и жара, совсем его не тревожат, и он не носит шляпы, не пользуется мазями или репеллентами. Он вырос в Африке, а потому у него закаленная кожа, нечувствительная к местным неудобствам.

– Она пришла сюда перед рассветом, – говорит Джонни и показывает на кусты по краю лагеря. – Вышла из зарослей, пошла на огонек и заглянула мне в глаза. Красавица, большая и здоровая.

Его спокойствие удивляет меня.

– Вы что, видели ее?

– Я вышел из палатки, стал разводить костер к завтраку, тут она и появилась.

– И что вы сделали?

– Ровно то, что советовал делать и вам в подобной ситуации. Встал во весь рост. Чтобы она хорошо разглядела мое лицо. У травоядных животных, вроде зебр или антилоп, глаза по сторонам головы, а у хищников глаза смотрят вперед. Всегда нужно показывать кошке лицо. Пусть увидит, где у вас глаза, поймет, что вы тоже хищник. И тогда дважды подумает, прежде чем напасть. – Джонни оглядывает семерых клиентов, которые платят ему за то, чтобы остаться живыми в этих диких краях. – Хорошо запомнили? По мере того как мы будем уходить глубже в буш, будем встречать больше крупных кошек. Если увидите какую-нибудь, встаньте во весь рост и постарайтесь казаться как можно крупнее. Смотрите им в глаза. И ни в коем случае не убегайте. Если вы стоите на месте, ваш шанс выжить выше.

– Вы столкнулись с леопардом, – говорит Эллиот. – Почему не воспользовались этим? – Он показывает на ружье, которое всегда на плече у Джонни.

Джонни отрицательно качает головой:

– Я не стану стрелять в леопарда. Не хочу убивать больших кошек.

– Но ружье – разве оно у вас не для этого? Не для того, чтобы защищаться?

– Их слишком мало осталось в мире. Эта земля принадлежит им, мы здесь пришельцы. Если бы леопард напал на меня, не думаю, что я убил бы его. Даже ради спасения собственной жизни.

– Но к нам это не относится, верно? – с нервным смешком спрашивает Эллиот, оглядывая нашу группку. – Чтобы защитить кого-то из нас, вы застрелите леопарда?

Джонни ответил с иронической улыбкой:

– Посмотрим.

К полудню мы собрали вещички и приготовились двинуться глубже в буш. Джонни садится за руль, Кларенс – на место следопыта, выступающее над бампером. Мне это место кажется опасным: он сидит там и болтает ногами, легкая добыча для любого льва. Но Джонни уверяет нас, что, пока мы держимся машины, – мы в безопасности, потому что хищники считают, будто все мы – часть огромного животного. «А выйди из машины – и ты готовая закуска. Все поняли?»

Да, сэр. Мысль ясна.

Здесь совсем нет дорог, только чуть примятая трава, где проезжавшие прежде машины спрессовали мягкую землю. Шрамы, которые оставляет единственный проехавший автомобиль, могут залечиваться месяцами, говорит Джонни, но я думаю, что так глубоко в дельту заезжают не многие. Мы уже в трех днях езды от посадочной полосы в буше, на которой приземлился наш маленький самолет, а так еще и не видели ни одной машины в этих диких местах.

Дикие места… Еще четыре месяца назад, сидя в лондонской квартире и слушая, как дождь стучится в окно, я даже не верила в их существование. Когда Ричард подозвал меня к компьютеру и показал сайт о сафари в Ботсване, где он хотел провести вместе со мной отпуск, я увидела фотографии львов и бегемотов, носорогов и леопардов – всех животных, знакомых нам по всевозможным зоопаркам. Именно так я себе это и представляла – гигантский парк с бесклеточным содержанием зверей, удобными домиками и хорошими дорогами. Как минимум с дорогами. На сайте говорилось «палаточный лагерь в буше», но я представляла себе большие симпатичные палатки с душем и цивильными туалетами.

Никак не думала, что буду платить деньги за удовольствие сидеть с голой задницей за кустиком.

Ричарда отсутствие удобств ничуть не волнует. Он в таком восторге от Африки, что ничего не замечает. Мы едем, а он без устали щелкает фотоаппаратом. Камера мистера Мацунаги, сидящего позади, издает звуки не менее интенсивно: щелчком он отвечает на щелчок, вот только объективчик у него получше. Ричард не хочет этого признавать, но стоит ему увидеть хороший объектив, как его разбирает зависть; уверена, когда мы вернемся в Лондон, он сразу полезет в Интернет, чтобы прицениться к такому объективу, как у мистера Мацунаги. Вот как сражаются современные мужчины – не копьями и мечами, а кредитными карточками. Моя платиновая бьет вашу золотую. Бедняга Эллиот со своей жалкой «минолтой» повержен в прах, но, думаю, он не особо возражает, потому что опять втиснут на заднее сиденье вместе с Вивиан и Сильвией. Оглядываюсь на эту троицу и перехватываю взгляд миссис Мацунаги. Она тоже явно покорилась воле своего мужчины. Уверена, что ее представление о хорошем отдыхе тоже не включает в себя отправление нужды за кустиком.

– Львы! Львы! – кричит Ричард. – Вон там!

Камеры начинают щелкать быстрее, а мы подъезжаем так близко, что я вижу мошек, оккупировавших бок самца. Рядом с ним три самки нежатся в тени комбретума. Внезапно за моей спиной начинаются разборки по-японски, я поворачиваюсь и вижу, что мистер Мацунага вскочил на ноги. Жена схватила его за куртку, отчаянно противясь попытке мужа выскочить из машины, чтобы сделать фото получше.

– Сесть! Быстро! – Голос Джонни звучит так, что никто – ни человек, ни животное – не может ослушаться. – Немедленно!

Мистер Мацунага падает на сиденье. Даже львы, кажется, испуганы, все они смотрят на механическое чудовище с восемнадцатью парами рук.

– Помните, что я говорил, Исао? – жестко произносит Джонни. – Вышли из машины – вы покойник.

– Я так возбудился, что забыл, – бормочет мистер Мацунага и склоняет голову в знак извинения.

– Слушайте, я всего лишь пытаюсь обеспечить вашу безопасность. – Джонни испускает глубокий вздох и продолжает спокойным тоном: – Извините, что накричал. Но в прошлом году один мой коллега был на фотоохоте с двумя клиентами. Он не успел их остановить, и они

выпрыгнули из машины, чтобы сделать снимки. Львы быстро бегают – они тут же оказались на месте.

– Вы хотите сказать, они их съели? – говорит Эллиот.

– Львы для этого и рождены, Эллиот. Так что прошу вас, наслаждайтесь видами, но из машины. Договорились?

Джонни издает смешок, чтобы снять напряжение, но мы все еще напуганы – стайка непослушных детишек, которым устроили головомойку. Камеры щелкают реже, снимки делаются лишь для того, чтобы скрыть одолевшее нас чувство неловкости. Мы все потрясены тем, как Джонни обрушился на мистера Мацунагу. Я смотрю в спину Джонни – она прямо передо мной, и мышцы на его шее напряжены до предела. Он снова заводит машину. Мы оставляем львов и едем дальше, к месту следующей стоянки.

Перед заходом появляется выпивка. После пяти палатки уже расставлены, костер горит, следопыт Кларенс открывает алюминиевый ящик с напитками, который весь день трясся в багажнике машины, и вытаскивает джин и виски, водку и «Амарулу». К последнему я особенно прикипела – это сладкий ликер на основе африканского дерева марула. Вкус у него как у тысячи пьянящих калорий кофе с шоколадом – нечто такое, что любой ребенок отхлебнет незаметно, стоит только матери повернуться к нему спиной. Протягивая мне стакан, Кларенс подмигивает, словно я в этой компании самое проказливое дитя, ведь все остальные попивают взрослые напитки типа теплого джина с тоником или неразбавленного виски. Если задуматься, то понимаешь, что это часть программы пребывания в Африке: «Нет, вы посмотрите, как здесь хорошо». Хорошо, когда все неудобства дня, все насекомые и напряжение между мной и Ричардом растворяются в приятном головокружении, я могу усесться на складной стул и созерцать закат. Кларенс готовит простой ужин из тушеного мяса, хлеба и фруктов, Джонни огораживает лагерь по периметру проводом с маленькими колокольчиками, которые должны нас разбудить, если к нам забредет кто-нибудь непрошеный. На фоне заходящего солнца я вижу, как Джонни неожиданно замирает с поднятой головой, будто принюхиваясь и воспринимая тысячи запахов, о которых я даже не подозреваю. Он словно одно из существ буша – чувствует себя как дома в этих диких местах, и я ничуть не удивлюсь, если он раскроет рот и заревет на львиный манер.

Я поворачиваюсь к Кларенсу, который помешивает мясо в котелке.

– Вы давно работаете с Джонни? – спрашиваю я.

– С Джонни? Первый раз.

– Вы прежде никогда не были у него следопытом?

Кларенс щедро сыплет перец в варево.

– Следопыт у Джонни мой двоюродный брат. Но на этой неделе Авраам в деревне на похоронах. Он просил меня заменить его.

– А что Авраам говорил о Джонни?

Кларенс усмехается, его белые зубы сверкают в сумерках.

– Ну, он рассказывает про него много историй. Много историй. Он считает, что Джонни должен был родиться тсонгой[5], потому что похож на нас. Только лицо у него белое.

– Тсонга – так называется ваше племя?

Он кивает:

– Мы из провинции Лимпопо. В Южной Африке.

– Это на языке тсонга вы иногда говорите между собой?

Он виновато смеется:

– Когда не хотим, чтобы вы поняли о чем.

Его слова звучат не очень-то лестно, мне кажется. Я смотрю на других сидящих у костра. Мистер и миссис Мацунага прилежно просматривают на камере сделанные за день фотографии. Вивиан и Сильвия сидят в своих декольтированных маечках и излучают феромоны, отчего бедный неловкий Эллиот, как обычно, рассыпается перед ними мелким бесом, пытаясь привлечь внимание: «Вам, девчонки, не холодно? Свитеры не принести? Джин с тоником будете?»

Из нашей палатки появляется Ричард в свежей рубашке. Его ждет стул рядом со мной, но он проходит мимо. Садится подле Вивиан и начинает заливаться соловьем:

– Как вам сафари? Бываете ли вы в Лондоне? Когда выйдет роман «Блэк-джек», буду рад послать по экземпляру с автографом вам и Сильвии.

Они, конечно, знают, кто он такой. Не прошло и часа с момента знакомства, как Ричард ненавязчиво сообщил всем, что он – Ричард Ренуик, автор триллеров, создатель Джекмана Триппа, героя из МИ-5. К сожалению, никто не слышал ни о Ричарде, ни о его герое, а потому первый день сафари оказался довольно нервным. Но теперь Ричард вошел в прежнюю форму и занят тем, что у него получается лучше всего: очаровывает публику. Впрочем, мне кажется, что тут он хватил через край. Слишком уж через край. Но если я потом посетую на это, он ответит как обычно: «Милли, этим и должны заниматься писатели. Мы должны общаться, находить новых читателей». Забавно, что Ричард никогда не бывает общительным со старушками – только с молодыми. Предпочтительно с хорошенькими девушками. Помню, как он так же обаял меня четыре года назад, когда в магазине, где я работаю, ставил автографы на свою книгу «Варианты убийства». Сопротивляться Ричарду, когда он садится на любимого конька, невозможно. Он засовывает в рот сигарету «Голуаз», наклоняет голову к пламени зажигалки из чистого серебра, прикрыв ее от ветра сложенными в чашечку ладонями. Именно так, с мужской рисовкой, и делал бы его герой Джекман Трипп.

Пустой стул рядом со мной – словно черная дыра, куда затягивает всю мою радость. Я уже собираюсь удалиться в палатку, когда рядом со мной неожиданно усаживается Джонни. Он ничего не говорит, только оглядывает нас, словно оценивает. Я думаю, он постоянно нас оценивает, и мне интересно знать, что он видит, когда смотрит на меня. Похожа ли я на других отставных жен и подружек, которых мужчины вытащили в буш, чтобы ублажить свои охотничьи фантазии?

Его взгляд приводит меня в замешательство, и я вынуждена нарушить молчание.

– Эти колокольчики по периметру действительно работают? – спрашиваю я. – Или они лишь для нас, чтобы мы чувствовали себя защищенными?

– Они служат первым сигналом тревоги.

– Прошлой ночью, когда в лагерь приходил леопард, я их не слышала.

– Я слышал. – Он подается вперед, подкидывает еще несколько веток в огонь. – Вероятно, мы услышим их снова.

– Вы думаете, тут бродят другие леопарды?

– На сей раз гиены. – Он указывает в темноту за кругом света от костра. – Они сейчас наблюдают за нами, их с полдюжины.

– Что?

Я вглядываюсь в темноту и только теперь замечаю сверкающие глаза, направленные на нас.

– Они терпеливые. Ждут, не достанутся ли им объедки. Прогуляйтесь в ту сторону – и от вас останутся одни кости. – Он пожимает плечами. – Поэтому меня и нанимают.

– Чтобы мы не достались кому-то на обед.

– Мне бы не платили, если бы я терял чересчур много клиентов.

– Слишком много – это сколько?

– Вы были бы всего лишь третьей.

– Это шутка, верно?

Он улыбается. Хотя он ровесник Ричарда, годы, прожитые под африканским солнцем, оставили у его глаз морщинки. Он успокоительно кладет ладонь на мою руку, и я вздрагиваю – ведь он не из тех людей, что без нужды прикасаются к другим.

– Да, это шутка. Я не потерял пока ни одного клиента.

– Мне трудно понять, когда вы говорите серьезно, а когда шутите.

– Вы почувствуете, когда я буду говорить серьезно. – Он поворачивается к Кларенсу, который только что сказал ему что-то на тсонга. – Ужин готов.

Я скашиваю взгляд на Ричарда – видел ли он, что Джонни говорил со мной, что положил свою руку на мою? Но нет, Ричард поглощен Вивиан, я для него как будто исчезла.

– Этим писатели и должны заниматься, – предсказуемо говорит Ричард, когда мы лежим в нашей палатке той ночью. – Я всего лишь завоевываю новых читателей. – Мы разговариваем шепотом, потому что ткань тонкая, а палатки стоят одна подле другой. – И потом, у меня к ним

немного покровительственное отношение. Они тут одни, две девушки в буше. Довольно смело, когда тебе всего двадцать с небольшим, правда? За это они достойны восхищения.

– Эллиот явно ими восхищается, – замечаю я.

– Эллиот будет восхищаться всем, что имеет две Х-хромосомы[6].

– Так что они тут не совсем одни. Он отправился в это путешествие, чтобы составить им компанию.

– Они, наверное, от него уже с ума сходят. Ошивается все время рядом, смотрит на них преданными глазами.

– Эти девицы сами пригласили его. Так Эллиот говорит.

– Пригласили из жалости. Он завязал с ними знакомство в каком-то ночном клубе, узнал, что они собираются на сафари. Наверное, они сказали ему: «Слушайте, вам тоже хорошо бы подумать о путешествии в буш!» Я уверен, у них и в мыслях не было, что он за ними увяжется.

– Почему ты всегда стараешься унизить его? Он кажется довольно милым. И очень много знает о птицах.

Ричард фыркает:

– Это всегда так привлекательно в мужчине.

– Что с тобой? Откуда такое дурное настроение?

– То же самое я могу сказать и тебе. Я всего лишь разговариваю с молодой девушкой, а ты уже выходишь из себя. Девчонки, по крайней мере, умеют хорошо проводить время. Им здесь все нравится.

– Я и в самом деле пытаюсь наслаждаться жизнью. Просто я не думала, что здесь будут такие суровые условия. Я ожидала…

– Махровые одеяла и шоколадки на подушке.

– Но тем не менее я ведь здесь, разве не так?

– И каждый день я слышу от тебя одни жалобы. Я мечтал об этом сафари, Милли. Не надо мне портить впечатление от него.

Мы уже перешли на повышенные тона, и другие нас наверняка слышат, если еще не уснули. Я знаю, что Джонни не спит, потому что у него первое дежурство. Я представляю себе, как он сидит у костра и

прислушивается к нашим голосам, к растущему напряжению в них. Конечно же, он в курсе нашей ссоры. Джонни Постьюмус из тех людей, мимо которых ничто не проходит, поэтому-то он и остается на своем месте, где человеческая жизнь зависит от того, насколько чуткое у тебя ухо, уловит ли оно звон колокольчика. Какими бесполезными, пустыми людишками мы, вероятно, ему кажемся. Сколько он видел распавшихся браков, сколько заносчивых людей было унижено Африкой? Буш – это не просто пункт назначения для отпускников. Это место, где ты узнаешь, что ты за букашка.

– Извини, – шепчу я и нахожу руку Ричарда. – Не хочу портить тебе сафари.

Он не отвечает на пожатие. Его рука в моей словно мертвая.

– Ты все время портишь мне настроение. Я знаю, это путешествие не отвечает твоим представлениям об отпуске, но прошу тебя, бога ради, хватит этого постного выражения на лице. Посмотри, как радуются жизни Сильвия и Вивиан! Даже миссис Мацунага не показывает вида, что ей не все по вкусу.

– Может, это из-за противомалярийных таблеток, что я принимаю, – пытаюсь оправдаться я. – Доктор сказал, они способствуют депрессии. Он говорил, что некоторые даже с ума от них сходят.

– Меня вот мефлохин ничуть не беспокоит. Девушки его тоже принимают, и заметь, всегда веселы.

Опять девушки. Вечно он сравнивает меня с этими девушками, которые на девять лет моложе меня, на девять лет стройнее и свежее. Если женщина четыре года делит с мужчиной одну квартиру, пользуется одним с ним туалетом, то как она все еще может казаться свежей?

– Мне нужно перестать принимать таблетки, – говорю я ему.

– И что, заболеть малярией? Очень умно!

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? Ричард, скажи, чего ты хочешь?

– Я не знаю.

Он вздыхает и отворачивается от меня. Его спина как холодный бетон, стена, за которой спрятано его сердце, и мне теперь до него не дотянуться. Через несколько секунд он говорит тихим голосом:

– Не знаю, куда мы движемся, Милли.

Но я знаю, куда движется Ричард. Он удаляется от меня. Вот уже несколько месяцев он удаляется от меня. Потихоньку, постепенно. Правда, до сего дня я отказывалась замечать это. Списывала на счет того, что мы оба слишком заняты в последнее время. Он продирался через редактуру своего «Блэк-джека». Я с трудом пыталась закончить годовой переучет в магазине. Наши отношения наладятся, когда минует этот трудный этап. Я все время убеждала себя в этом.

За стенками нашей палатки ночь живет звуками дельты. Наш лагерь находится близ реки, где мы недавно видели бегемотов. Кажется, я слышу их сейчас вместе с кваканьем, криками и хрюканьем бесчисленных других животных.

Но в нашей палатке царит только тишина.

Вот, значит, куда уезжает умирать любовь. В палатку, в африканский буш. Находись мы сейчас в Лондоне, я бы поднялась, оделась и отправилась к подружке за бренди и сочувствием. Но тут я в палатке, словно в ловушке, в окружении тварей, жаждущих меня сожрать. От одного лишь ощущения закрытого пространства мне отчаянно хочется выбраться наружу и с криком броситься в ночь. Вероятно, противомалярийные таблетки разрушают мой мозг. Я хочу, чтобы дело было в таблетках, потому что тогда я тут ни при чем и надежда остается. Нет, я правда должна перестать их принимать.

Ричард спит как мертвый. Как он может спать и мирно похрапывать, когда я с ума схожу? Я слушаю, как он посапывает, очень ровно, расслабленно. Этот звук свидетельствует о том, что я ему безразлична.

Когда я просыпаюсь на следующее утро, он все еще крепко спит. Сквозь швы в палатке начинают просачиваться робкие лучи рассвета, а я с ужасом думаю о предстоящем дне. Снова придется испытывать неловкость в машине, где мы сидим бок о бок, стараясь быть вежливыми друг с другом. Снова придется лупить себя, убивая комаров, и присаживаться за кустиками. Снова придется наблюдать за тем, как Ричард флиртует, и чувствовать, как у тебя разрывается сердце. По-моему, хуже отпуска и придумать было нельзя.

А потом я слышу женский визг.

2

Бостон

Эту новость принес почтальон. Четверть двенадцатого утра, неуверенный голос в сотовом телефоне: «Я на Сэнборн-авеню в Уэст-Роксбери,

ноль-два-один-три-два. Собака… я видел собаку в окне…» Вот так об этом и стало известно бостонской полиции. Целая серия событий, толчок которым дал бдительный почтальон, один из армии рядовых сотрудников, работающих по шесть дней в неделю повсюду в Америке. Они являют собой глаза народа, и иногда только они замечают, какая из пожилых вдов не вытащила письмо из ящика, какой старый холостяк не ответил на звонок в дверь и на каком крыльце скопилась кипа желтеющих газет.

Первым свидетельством того, что в большом доме на Сэнборн-авеню, почтовый код 02132, что-то случилось, стал переполненный почтовый ящик – именно это и заметил на второй день разносчик почты Луис Мунис. Скопившаяся за два дня в ящике почта сама по себе еще не была поводом для тревоги. Люди, случается, уезжают на выходные. Случается, они забывают позвонить на почту и попросить задержать доставку на день-другой.

Но на третий день Мунис забеспокоился.

Когда Мунис открыл ящик на четвертый день и обнаружил, что тот все еще набит каталогами и счетами, ему стало ясно: пора действовать.

– И вот он стучит в парадную дверь, – сказал патрульный Гэри Рут. – Никто не отвечает. Он собирается поговорить с соседкой, узнать, не известно ли ей чего. Потом заглядывает в окно и видит собаку.

– Вон ту собаку? – спросила детектив Джейн Риццоли, указывая на мирного с виду золотистого ретривера, привязанного к почтовому ящику.

– Да, это он. Согласно бирке на ошейнике, его зовут Бруно. Я вывел его из дома, а то он там еще… – Патрульный проглотил слюну. – Наделает дел.

– А почтальон? Он где?

– Отпросился на остаток дня. Наверно, захотел выпить чего покрепче. У меня есть контактная информация, но он вряд ли скажет больше, чем сказал я. В дом он не заходил. Сразу позвонил девять-один-один. Я приехал первым. Парадная дверь оказалась незапертой. Я вошел и… – Он покачал головой. – Лучше бы не заходил.

– Говорили с кем-нибудь еще?

– С соседкой – милая такая дама. Она вышла, когда увидела полицейские машины. Хотела узнать, что происходит. Я ей сказал только, что ее сосед мертв.

Джейн повернулась лицом к дому, где несколько дней провел мирный пес Бруно. Это был старый двухэтажный дом на одну семью, с крыльцом, гаражом на две машины и высокими деревьями перед фасадом. Дверь в гараж была закрыта, а черный «форд-эксплорер», зарегистрированный на владельца дома, припаркован на подъездной дорожке. Сегодня утром ничто не отличало бы это жилище от других ухоженных домов на Сэнборн-авеню, ничто не привлекло бы внимания полицейского и не заставило бы подумать: «Постой-ка, что-то тут не так». Но теперь у тротуара стояли две полицейские машины, мигали проблесковые маячки, и любому прохожему было очевидно: да, что-то здесь не так, очень даже не так. И с этим «что-то» уже готовы были разбираться Джейн и ее напарник Барри Фрост. На другой стороне улицы собралась толпа соседей, они стояли и глазели на дом. Заметил ли кто-либо из них, что хозяин не появлялся вот уже несколько дней, не выгуливал собаку, не вынимал почту из ящика? Теперь они, вероятно, говорили друг другу: «Да, я знал – что-то тут не так». Все крепки задним умом.

– Проводите нас в дом? – спросил Фрост у патрульного Рута.

– Знаете что? – сказал Рут. – Я бы предпочел этого не делать. У меня только сейчас запах в носу прошел, и мне не хотелось бы снова этим дышать.

Фрост сглотнул:

– Что, такой сильный дух?

– Я пробыл там секунд тридцать максимум. Мой напарник продержался и того меньше. Там нет ничего такого, на что мне нужно было бы обратить ваше внимание. Вы сами все увидите. – Он посмотрел на золотистого ретривера, и тот ответил игривым лаем. – Бедняга, проторчал там столько времени без еды. Я знаю, выбора у него не было, но все же…

Джейн взглянула на Фроста, который уставился на дом, как осужденный преступник на виселицу.

– Что ты ел на завтрак? – спросила она его.

– Сэндвич с индейкой. Чипсы.

– Надеюсь, тебе понравилось.

– На пользу мне это не пойдет, Риццоли.

Они поднялись по ступеням крыльца и остановились надеть перчатки и бахилы.

– Знаешь, – сказала Джейн, – есть такие таблетки, называются компазин.

– Ну?

– Хорошо помогает при утренней тошноте.

– Отлично. Буду иметь в виду, когда забеременею.

Они взглянули друг на друга и вдохнули поглубже. Последний глоток чистого воздуха. Рукой в перчатке Джейн открыла дверь, и они вошли внутрь. Фрост попытался зажать нос и не пустить туда запах, с которым они были слишком хорошо знакомы. Как его ни называй – кадаверином, или путресцином, или каким другим ученым названием, все сводилось к одному: тошнотворному запаху смерти. Но не запах заставил Джейн и Фроста остановиться у входа, а то, что висело на стенах.

Со всех сторон на них смотрели мертвые глаза. Новых пришельцев встречала целая галерея мертвецов.

– Господи Исусе, – пробормотал Фрост. – Он что, охотник на крупную дичь?

– Да, это уж точно крупная дичь, – сказала Джейн, глядя на висящую на стене голову носорога и спрашивая себя, какая же пуля могла свалить такого зверя. Или африканского буйвола по соседству. Джейн медленно прошла мимо ряда трофеев, шаркая бахилами по дощатому полу. Головы зверей смотрели на нее, словно живые. Такие живые, что казалось – вот-вот раздастся львиный рык. – А это законно? Кто в наши дни стреляет в леопардов, черт побери?

– Слушай, пес не единственное домашнее животное здесь.

На деревянном полу виднелись рыжевато-коричневые отпечатки разных лап. Самые крупные, видимо, принадлежали золотистому ретриверу Бруно, но по всей комнате были также следы меньших размеров. Детективы увидели коричневые грязные пятна на подоконнике в том месте, куда поставил свои передние лапы пес Бруно и где его заметил почтальон. Но набрать 911 Луиса Муниса заставил не вид собаки в окне, а скорее то, что торчало из собачьей пасти.

Человеческий палец.

Джейн и Фрост двинулись по следам лап под взглядом стеклянных глаз зебры, льва, гиены и бородавочника. Этот коллекционер не брезговал никакими тварями – даже мелкие животные находили на стене свое унизительное место, включая и четырех мышей, расположившихся с четырьмя фарфоровыми чашечками вокруг миниатюрного стола. Безумное чаепитие Болванщика[7].

Когда они прошли через гостиную в коридор, запах разложения усилился. Еще не видя его источника, Джейн слышала зловещее гудение любителей такого душка. Жирная муха с жужжанием описала несколько неторопливых кругов над головой Джейн и вылетела в дверь.

«Всегда следуй за мухами. Они знают, где подают обед».

Дверь была приоткрыта. Когда Джейн распахнула ее пошире, изнутри выскочило что-то белое и проскочило мимо ее ног.

– Черт возьми! – завопил Фрост.

Чувствуя, как колотится сердце, Джейн оглянулась на пару глаз, сверкнувших на нее из-под дивана в гостиной.

– Это всего лишь кот. – Она облегченно хохотнула. – Вот тебе и объяснение меньших следов.

– Постой-ка, слышишь? – спросил Фрост. – Кажется, тут еще один кот.

Джейн вздохнула и шагнула через порог в гараж, примыкающий к дому. Откуда-то прибежал серый полосатый кот и принялся тереться шелковистыми боками о ноги Джейн, но та не обратила на него внимания. Ее взгляд был прикован к тому, что свисало с потолка. Мух здесь было столько, что их жужжание отдавалось у нее в костях. Они роились вокруг своего зловонного лакомства, которое для их удобства было вскрыто, и плоть, кишевшая теперь личинками, оказалась выставлена напоказ.

Фрост отпрянул, подавляя приступ тошноты.

Обнаженный человек висел головой вниз, его щиколотки были связаны оранжевой нейлоновой веревкой. Как у свиной туши на бойне, его живот был вспорот, все органы вывернуты. Обе руки болтались свободно, и пальцы почти касались бы пола, если бы они все еще оставались на

месте. Если бы голод не заставил ретривера Бруно (а может быть, и котов) начать обгрызать плоть хозяина.

– Теперь нам известно, откуда взялся этот палец, – сказал Фрост; голос его звучал приглушенно из-за рукава. – Господи боже, ничего хуже и в страшном сне не приснится – чтобы тебя сожрал твой собственный кот…

То, что было подвешено с помощью лебедки, вполне могло сойти за еду для трех голодных домашних питомцев. Они уже отгрызли пальцы, а с лица содрали столько кожи, мяса и хрящей, что одна глазная орбита смотрела на мир белой костью: из-под разодранной плоти выглядывало надбровье. Лицо было изгрызено до неузнаваемости, но карикатурно вспухшие гениталии не оставляли сомнений в том, что это мужчина. Пожилой мужчина, судя по серебристым волосам на лобке.

– Подвешен и разделан, как дичь, – произнес голос за спиной у Джейн.

Она вздрогнула, повернулась и увидела в дверях доктора Мауру Айлз. Даже в таком месте, где произошло изощренное убийство, Маура умудрялась выглядеть элегантно, ее черные волосы были гладкими, как блестящий шлем, а серая куртка и брюки отлично сидели на стройной фигуре. В ее присутствии Джейн чувствовала себя бедной родственницей с растрепанными волосами и в обшарпанных туфлях. Маура не затыкала нос, она прошла прямо к телу, не обращая внимания на мух, которые пикировали ей на голову.

– Это очень неприятно, – сказала она.

– Неприятно? – фыркнула Джейн. – А я-то думала, это полный абзац.

Серый кот отошел от Джейн к Мауре и принялся тереться теперь о ее ноги и громко урчать. Вот вам и вся кошачья преданность.

Маура, не отрывая глаз от тела, оттолкнула кота ногой.

– Брюшные и торакальные органы отсутствуют. Рассечение сделано очень решительно – от лобковой кости до мечевидного отростка. Так поступает охотник, убив оленя или кабана. Подвешивает, потрошит и оставляет для вызревания. – Она посмотрела на трос лебедки. – А это похоже на устройство для подвешивания охотничьей добычи. Дом явно принадлежит охотнику.

– Этим охотник тоже мог пользоваться, – сказал Фрост.

Он показал на гаражный верстак, где на магнитном стеллаже крепилось с дюжину охотничьих ножей. Все они казались чистыми, лезвия

сверкали. Джейн уставилась на обвалочный нож. Представила, как острое лезвие входит в плоть, словно в масло.

– Странно, – заметила Маура, глядя на туловище. – Непохоже, чтобы эти раны были нанесены ножом. – Она показала на три разреза, раскромсавшие грудную клетку. – Они идеально параллельны, словно лезвия были соединены.

– Напоминает следы когтей, – сказал Фрост. – Это не могли сделать животные?

– Кошка или собака не сумели бы нанести такие глубокие раны. Думаю, это посмертные ранения, кровотечение минимальное… – Маура выпрямилась, посмотрела на пол. – Если его кромсали здесь, то кровь, вероятно, смыли. Видите дренажное отверстие? Если он подвешивал здесь туши для вызревания, то ему требовался дренаж.

– А что насчет вызревания? Я никогда не понимал, зачем подвешивают мясо, – сказал Фрост.

– Посмертные энзимы действуют как естественный молоток для отбивания мяса, но обычно это делается при температуре чуть выше точки замерзания. А здесь у нас градусов десять, да? Достаточно для разложения. И появления личинок. Хорошо, что сейчас ноябрь. В августе запах был бы сильнее. – Маура взяла пинцет и ухватила одну из личинок, положила на руку в перчатке и принялась разглядывать. – Похоже, у них третья возрастная стадия. Значит, смерть наступила около четырех дней назад.

– Столько голов на стенах гостиной, и хозяин кончает, как одно из убитых им животных, – сказала Джейн. – По-моему, тут есть о чем задуматься.

– Убитый – хозяин дома? Его личность уже установлена?

– При отсутствии рук и лица установить личность трудновато. Но возраст вроде бы совпадает. По документам, владелец дома – Леон Готт, шестидесяти четырех лет. Разведен, жил один.

– Но, умирая, он явно был не один, – сказала Маура, разглядывая вскрытое туловище, ставшее теперь всего лишь пустой оболочкой. – Где они? – спросила она, неожиданно поворачиваясь к Джейн. – Убийца подвесил здесь тело. А что он сделал с внутренними органами?

Несколько секунд в гараже раздавалось лишь жужжание мух, пока Джейн припоминала все страшные истории о похищенных органах.

Потом она заметила в дальнем углу мусорный бачок. Она приблизилась к нему, и запах разложения стал еще сильнее, мухи кружили вокруг бачка голодным роем. Скривившись, Джейн приподняла крышку. Один быстрый взгляд – и вонь разложения заставила ее отшатнуться, к горлу подступила тошнота.

– Насколько я понимаю, ты их нашла, – сказала Маура.

– Да, – пробормотала Джейн. – По крайней мере, кишки. Что касается полного описания, то это я доверю тебе.

– Отлично.

– О да, ты получишь массу удовольствия.

– Нет, я говорю о том, что преступник отлично знал дело. Рассечение. Внутренние органы.

Похрустывая бумажными бахилами, Маура подошла к мусорному бачку. Джейн и Фрост отпрянули, когда Маура сняла крышку, но даже в противоположном конце гаража они почувствовали страшную, выворачивающую наизнанку вонь гниющих органов. Этот запах явно понравился серому коту, который принялся еще энергичнее тереться о ноги Мауры и мяукать, привлекая ее внимание.

– Смотри-ка, ты обзавелась новым другом, – заметила Джейн.

– Типичное кошачье поведение. Он объявляет меня своей территорией, – объяснила Маура, запуская руку в перчатке в мусорный бачок.

– Я знаю твою дотошность, Маура, – сказала Джейн. – Но может, лучше разбираться со всем этим в морге? В какой-нибудь биозащищенной комнате?

– Мне нужно удостовериться…

– В чем? Ты и так нюхом знаешь, что они там.

К отвращению Джейн, Маура склонилась над бачком и еще глубже погрузила руку в груду кишок. В морге Джейн нередко видела, как Маура рассекала тела, снимала скальпы, сострагивала плоть с костей, спиливала черепные кости, делая все это с точностью лазера. Точно такая же сосредоточенность появилась на лице Мауры, когда она копалась в сгустившейся массе в мусорном бачке, не обращая внимания на мух, ползающих по ее модно подстриженным темным волосам. Кто

еще, кроме нее, мог бы с таким изяществом делать нечто столь отвратительное?

– Да брось, не делай вид, будто в первый раз видишь кишки, – сказала Джейн.

Маура запустила руку еще глубже.

– Ладно. – Джейн вздохнула. – Мы тебе для этого не нужны. Мы с Фростом проверим остальную часть…

– Тут слишком много, – пробормотала Маура.

– Слишком много чего?

– Это ненормальный объем внутренних органов.

– Ты же сама вечно говоришь о бактериальных газах. О разбухании.

– Разбуханием этого не объяснить.

Маура выпрямилась, и при виде предмета в ее руке Джейн поежилась:

– Сердце?

– Это не нормальное сердце, Джейн, – сказала Маура. – Да, тут четыре камеры, но вот эта аортальная дуга необычная. И у больших сосудов тоже необычный вид.

– Леону Готту было шестьдесят четыре, – заметил Фрост. – Может, у него было больное сердце.

– В том-то и проблема. Это не похоже на сердце шестидесятичетырехлетнего человека. – Маура снова наклонилась к мусорному бачку. – А вот это похоже, – сказала она, поднимая другую руку.

Джейн застыла, переводя взгляд с одного предмета на другой.

– Постой-ка. Там что, два сердца?

– И два полных комплекта легких.

Джейн и Фрост уставились друг на друга.

– Черт возьми, – пробормотал Фрост.

Фрост принялся обыскивать нижний этаж, а Джейн – верхний. Они методично обходили комнату за комнатой, открывали кладовки и шкафы, заглядывали под кровати. Нигде не обнаружилось ни выпотрошенных тел, ни следов борьбы, но всюду было множество комков пыли и кошачьей шерсти. Мистер Готт – если только это и в самом деле он висел в гараже – был неважным хозяином, и на его прикроватной тумбочке валялись бухгалтерские документы магазина строительных товаров, батарейки для слухового устройства, бумажник с тремя кредитками и сорок восемь долларов наличными, а также три непонятно почему оказавшиеся здесь пули. А это свидетельствовало о том, что мистер Готт был более чем небрежен в обращении с огнестрельным оружием. Джейн не удивилась, когда, открыв ящик прикроватной тумбочки, увидела там готовый к стрельбе пистолет «глок» с полным магазином и досланным в патронник патроном. Нет ничего лучше для страдающего паранойей хозяина дома.

Плохо лишь то, что пистолет находился наверху, пока хозяина потрошили внизу.

В ванной обнаружился целый набор лекарств, какие могут понадобиться шестидесятичетырехлетнему мужчине. Аспирин и ибупрофен, аторвастатин и метопролол. На кухонном столе лежал дорогущий слуховой прибор. Вероятно, сняв его, хозяин и не смог услышать, как в дом вошел посторонний.

Джейн начала спускаться по лестнице, и тут зазвонил телефон в гостиной. Когда она подошла к нему, уже включился автоответчик, и она услышала мужской голос, наговаривающий сообщение:

«Привет, Леон, ты так и не позвонил насчет поездки в Колорадо. Дай знать, если хочешь присоединиться. Хорошо проведем время».

Джейн хотела было проиграть сообщение еще раз и увидеть номер звонившего, но тут заметила, что клавиша «Воспроизведение» замазана чем-то вроде крови. Судя по мигающему диоду, на автоответчике было наговорено два послания, второе из которых она только что прослушала.

«Третье ноября, девять часов пятнадцать минут:…и если вы позвоните немедленно, мы сможем понизить ставку по вашей кредитной карте. Не упустите эту возможность, воспользуйтесь нашим особым предложением».

«Шестое ноября, четырнадцать часов: Привет, Леон, ты так и не позвонил насчет поездки в Колорадо. Дай знать, если хочешь присоединиться. Хорошо проведем время».

Третье ноября было понедельником, сегодня – четверг. Первое послание так и оставалось на автоответчике непрослушанным, потому что в девять утра понедельника Леон Готт был уже, вероятно, мертв.

– Джейн? – позвала Маура.

Серый кот следовал за ней, выписывая восьмерки вокруг ног.

– На автоответчике кровь, – сказала Джейн, поворачиваясь к Мауре. – Зачем бы преступнику к нему прикасаться? Зачем ему понадобилось слушать, что записано?

– Пойдем посмотрим, что Фрост нашел на заднем дворе.

Джейн последовала за ней в кухню, а оттуда – на задний двор, где не было ничего, кроме травы с проплешинами да сооружения, обитого металлическим сайдингом. Сооружение было слишком велико, а потому его вряд ли использовали просто как склад – в просторном строении без окон могло скрываться сколько угодно ужасов. Войдя внутрь, Джейн ощутила какой-то химический запах с резким спиртовым душком. Лампы дневного света заливали все внутри холодным, больничным сиянием.

Фрост стоял рядом с большим рабочим столом, разглядывая лежащий на нем инструмент устрашающего вида.

– Поначалу я подумал, что это циркулярная пила, – сказал он. – Но что-то эта штука не похожа ни на одну пилу, какие я видел. А те шкафы? – Он показал на стену по другую сторону стола. – Посмотри, что там внутри.

Сквозь стеклянные дверцы шкафов Джейн увидела коробки с резиновыми перчатками и какие-то пугающие инструменты, разложенные на полках. Скальпели и ножи, зонды, щипцы и пинцеты. Хирургические инструменты. На стене висели резиновые передники, забрызганные чем-то похожим на кровь. Джейн пробрала дрожь, она повернулась и уставилась на фанерный рабочий стол с изборожденной зазубринами и порезами поверхностью, на которой лежал комок окаменевшего сырого мяса.

– Ну все, – пробормотала Джейн. – Я сейчас с ума сойду.

– Похоже на мастерскую серийного убийцы, – сказал Фрост. – А на столе он рассекал и шинковал трупы.

В углу стояла пятидесятигаллонная бочка, подсоединенная к электромотору.

– Это что еще за хреновина? – спросила Джейн.

Фрост покачал головой:

– Емкость достаточно большая, чтобы вместить…

Джейн подошла к бочке. Остановилась, увидев красные брызги на полу. Красные потеки на крышке.

– Тут кровь повсюду.

– А что внутри бочки? – спросила Маура.

Джейн изо всех сил потянула крепежный болт.

– А за дверью номер два у нас… – Она заглянула внутрь. – Опилки.

– И все?

Джейн залезла рукой в бочку, сунула руку в опилки, подняла облачко пыли:

– Одни опилки.

– Значит, у нас по-прежнему отсутствует второй труп, – сказал Фрост.

Маура подошла к жутковатому инструменту, который Фрост поначалу принял за циркулярную пилу. Пока она изучала режущий элемент, кот, последовавший за ней, терся о ноги, никак не хотел ее оставлять.

– Вы хорошо рассмотрели эту штуку, детектив Фрост?

– Только в той степени, в какой мне было нужно.

– Вы обратили внимание, что режущая кромка загнута? Инструмент явно не предназначен для распила.

Джейн подошла к Мауре и опасливо прикоснулась к режущей кромке:

– У этой штуки такой вид – в клочья может разодрать.

– Похоже, для этого-то она и предназначена. Я думаю, это инструмент мездрильщика. Он не для нарезки, а для удаления мяса.

– Что, разве выпускают такие машинки?

Маура подошла к двери в кладовку и открыла ее. Внутри стоял ряд чего-то похожего на банки с красками. Маура взяла один большой контейнер, покрутила его в руках, нашла надпись:

– Шпатлевка.

– Автомобильный продукт? – спросила Джейн, увидев на этикетке изображение машины.

– Тут написано, что это наполнитель при кузовных работах. Для ремонта вмятин и царапин.

Маура поставила банку назад на полку. В сопровождении серого кота она подошла к шкафу и через стеклянную дверцу оглядела ножи и зонды, разложенные как набор хирургических инструментов.

– Кажется, я знаю, для чего использовалось это помещение. – Она посмотрела на Джейн. – Я вот что думаю про второй комплект внутренностей в мусорном бачке. Наверное, это не человеческие внутренности.

– Леон Готт был нехорошим человеком. И это еще мягко говоря, – сказала Нора Базариан, отирая с губ своего годовалого сына остатки тертой морковки со сметаной.

В выцветших джинсах, облегающей футболке, со светлыми волосами, собранными сзади в хвостик, она больше походила на подростка, чем на тридцатитрехлетнюю мать двоих детей. Она умело, как и многие матери, делала несколько дел сразу: ловко отправляла ложку с морковкой в открытый рот сына, загружала посудомойку, проверяла готовность кекса в духовке и отвечала на вопросы Джейн. Она ни секунды не сидела без дела – неудивительно, что талия у женщины была осиная.

– Знаете, что он кричал моему шестилетнему сыну? – продолжала Нора. – «Убирайся с моего газона!» Я думала, он просто взбалмошный старикашка, но он и в самом деле сказал это моему мальчику. А Тимми всего лишь зашел на его участок погладить пса. – Нора захлопнула дверцу посудомойки. – Бруно и то воспитан лучше, чем его хозяин.

– Вы давно знакомы с мистером Готтом? – спросила Джейн.

– Мы переехали в этот дом шесть лет назад, сразу после рождения Тимми. Думали, что это идеальный район для детей. Вы видели, какие здесь ухоженные дворы. И много других семей, у которых дети возраста Тимми. – Она с изяществом танцовщицы развернулась, взяла кофейник

и снова наполнила чашку Джейн. – Через несколько дней после переезда я угостила Леона шоколадным тортом – просто зашла познакомиться. Но он даже спасибо не сказал, пробормотал, что не ест сладкого, и вернул тарелку. Потом он ругался, говорил, что новорожденный слишком много плачет и почему это я не могу обеспечить тишину по ночам. Вы можете себе такое представить? – Она села и положила еще одну ложку морковки в рот малыша. – Ко всему прочему, у него на стене висели эти мертвые животные.

– Значит, вы бывали у него в доме?

– Только раз. Он с такой гордостью говорил, что сам убил большинство из них. Это каким же нужно быть человеком, чтобы убивать животных ради украшения стен у себя в доме? – Она отерла морковную жижу с подбородка ребенка. – Вот тогда я и решила, что мы должны держаться от него подальше. Верно я говорю, Сэм? – проворковала она. – Держаться подальше от нехорошего дяди.

– Когда вы в последний раз видели мистера Готта?

– Я уже говорила полицейскому Руту. В последний раз я видела Леона в выходные.

– В какой именно день?

– В воскресенье утром. Видела его на подъездной дорожке. Он нес в дом покупки.

– Не заметили, кто-нибудь к нему в тот день заезжал?

– Бо́льшую часть дня меня не было. Муж на неделю укатил в Калифорнию, поэтому я с детьми уехала к маме в Фалмут. И в тот день мы вернулись поздно.

– В какое время?

– Около половины десятого, десяти.

– А вечером вы не слышали ничего необычного по соседству? Крики? Громкие голоса?

Нора положила ложку и, нахмурившись, посмотрела на Джейн. Младенец издал голодный писк, однако Нора проигнорировала его. Разговор с Джейн полностью поглотил ее.

– Я думала… когда полицейский Рут сказал, что нашли Леона и что он висит в гараже… я решила, что это самоубийство.

– К несчастью, это убийство.

– Вы уверены? Совершенно точно?

«О да, совершенно точно».

– Миссис Базариан, если бы вы могли вспомнить тот воскресный вечер…

– Мой муж вернется только в понедельник, я тут с детьми одна. Мы в безопасности?

– Расскажите мне о воскресном вечере.

– Мои дети в безопасности?

Для любой матери это вопрос первостепенной важности. Джейн подумала о собственной трехлетней дочери Реджине. Подумала, что сама чувствовала бы на месте Норы Базариан, оказавшейся с двумя маленькими детьми в такой близости от места, где произошло убийство. И что бы она предпочла: успокоительные слова или истину, состоявшую в том, что ответа на вопрос у Джейн не было. Она никому не могла обещать безопасности.

– Пока мы не узнаем больше, я бы рекомендовала вам принять меры предосторожности, – сказала Джейн.

– А что вы уже знаете?

– Мы считаем, что это случилось в воскресенье вечером.

– И он все это время был мертв, – пробормотала Нора. – В соседнем доме. А я и понятия не имела.

– Так вы видели или слышали что-нибудь в воскресенье вечером?

– Сами посмотрите – у него высокий забор вокруг двора, так что мы никогда не знали, что там происходит. Разве что когда он работал у себя в мастерской и оттуда доносился этот жуткий шум.

– А что за шум?

– Такой ужасный визг, как от механической пилы. Представить только, он еще жаловался, что у меня ребенок плачет!

Джейн вспомнила о слуховом приборе Готта в ванной комнате. Если в воскресенье вечером он работал с шумной техникой, то наверняка снял

слуховой прибор. Еще одна причина, по которой он не смог услышать приход незваного гостя.

– Вы сказали, что в воскресенье приехали поздно. А свет в доме у мистера Готта горел?

Норе даже вспоминать не нужно было.

– Да, горел, – ответила она. – Я еще помню, что разозлилась, потому что лампа на его сарае в заднем дворе светит прямо мне в спальню. Но когда я легла в постель около половины одиннадцатого, свет наконец выключили.

– А собака? Она не лаяла?

– А, Бруно. Ну, он всегда лает, в том-то и проблема. Он, наверное, и на мух лает.

«А мух там теперь хватает», – подумала Джейн. И кстати, в этот момент Бруно тоже лаял. Не тревожно, а от собачьего возбуждения: слишком много посторонних было во дворе.

Нора повернулась на звук лая:

– Что теперь будет с псом?

– Не знаю. Наверно, придется найти кого-нибудь, кто бы его взял. И кошек тоже.

– Кошек я не очень люблю, но собаку могла бы взять. Бруно нас знает, и он дружит с моими мальчиками. Мне было бы спокойнее с собакой.

Возможно, она изменила бы мнение, если б знала, что в желудке у Бруно кусочки плоти его хозяина.

– Вы не в курсе, у мистера Готта были близкие родственники? – спросила Джейн.

– У него был сын, но он умер несколько лет назад во время заграничного путешествия. С женой мистер Готт развелся, а потом она умерла. И я никогда не видела там женщины. – Нора покачала головой. – Ужасно, если подумать. Он был мертв четыре дня, и никто даже не заметил. Насколько же этот человек был одинок.

Через кухонное окно Джейн увидела Мауру – та вышла из дома Готта и остановилась на дорожке, проверяя сообщения на своем сотовом. Маура, как и Готт, жила в одиночестве и даже сейчас, стоя там, казалась

одинокой как перст. Если предоставить ее самой себе, не эволюционирует ли Маура в один прекрасный день в еще одного Леона Готта?

Приехала труповозка, и первые телевизионные команды уже искали место получше за пределами полицейской ленты. Но сегодня, когда все эти полицейские, криминалисты и репортеры уедут, полицейская лента останется, обозначая дом, где побывал убийца. И здесь же, совсем рядом, останется мать с двумя детьми.

– Это ведь было не случайное убийство, да? – спросила Нора. – Это сделал кто-то, кто его знал? С кем, по-вашему, вы имеете дело?

«С чудовищем», – подумала Джейн, убирая в сумку ручку и блокнот и вставая.

– Я смотрю, у вас имеется система безопасности, мэм, – сказала она. – Задействуйте ее.

4

Маура принесла коробку из машины в дом и поставила на пол в кухне. Серый кот жалобно мяукал, просил, чтобы его выпустили, но Маура сначала принялась копаться у себя в кладовке в поисках еды, подходящей для кошки. У нее не было возможности остановиться возле магазина и купить еды для серого кота, которого она импульсивно взяла с собой, потому что никто другой не хотел этого делать и единственной альтернативой был приют для животных.

А еще потому, что кот, практически прилипший к ее ноге, явно сам выбрал ее в приемные хозяйки.

В кладовке Маура нашла пакет с сухой собачьей едой, оставшейся после прошлого приезда Джулиана с его псом Медведем. Будет ли кот это есть? Она не была уверена и взяла вместо готового корма банку сардин.

Когда Маура открыла банку и воздух наполнился рыбным запахом, вопли кота стали душераздирающими. Маура вывалила сардины в пиалу и открыла коробку. Кот выпрыгнул наружу и с такой яростью набросился на рыбу, что пиала поехала по плиткам пола.

– Ну что, сардины повкуснее человечинки?

Она погладила кота, и тот от удовольствия поднял хвост трубой. У Мауры никогда не было ни кота, ни желания обзавестись каким-либо домашним животным, если не считать краткого и бесконечно трагического опыта владения сиамскими бойцовскими рыбками. Она не

была уверена, что и этот кот ей нужен, но вот он здесь, у нее, урчит, как навесной лодочный мотор, вылизывая фарфоровую пиалу, ту самую, из которой она ела сухие завтраки. Ее вдруг обеспокоило это. Кот-людоед. Перекрестное заражение. Маура вспомнила все болезни, носителями которых являются кошки. Заражение от кошачьих царапин. Токсоплазмоз. Кошачья лейкемия. Бешенство, аскариды и сальмонелла. Инфекций у кошачьих не меньше, чем в выгребной яме. И теперь один из представителей этого вида жрет из пиалы Мауры.

Кот доел последний кусочек сардины и посмотрел на Мауру ясными зелеными глазами. Взгляд у него был такой внимательный – казалось, он читает ее мысли, признает в ней родственную душу. «Вот так и появляются тетки, помешанные на кошечках, – подумала она. – Заглядывают в кошачьи глаза и думают, что оттуда на них смотрит душа». Что видел этот кот, глядя на Мауру? Представителя рода человеческого с консервным ножом.

– Если бы только ты мог говорить, – сказала она. – Рассказал бы нам, что видел.

Но котяра хранил свои секреты. Он позволил Мауре погладить его еще немного, после чего неторопливо прошествовал в угол и принялся вылизываться. Вот и вся кошачья любовь. «Накорми меня и оставь в покое». Может быть, он и в самом деле был для нее идеальным домашним животным: оба одиночки, непригодные для долгого сосуществования с кем-либо.

Поскольку кот ее игнорировал, Маура решила ответить ему тем же и занялась собственным обедом. Она сунула в духовку кастрюльку с остатками баклажанов, запеченных с пармезаном, налила в стакан «пино нуар» и села перед ноутбуком, чтобы загрузить фотографии с места преступления. На экране она снова увидела выпотрошенное тело, лицо с выеденной до костей плотью, личинок падальных мух, объедающихся человечиной, и во всех подробностях вспомнила запахи этого дома, жужжание мух. Завтра ей предстоит не самое приятное вскрытие. Маура медленно просматривала изображения в поисках деталей, которые, возможно, упустила на месте, где ее отвлекало шумное присутствие полицейских и криминалистов. Она не заметила ничего такого, что не отвечало бы ее предварительной оценке: этот человек был мертв уже четыре или пять дней. Обширные повреждения лица, шеи и верхних конечностей, вероятно, объяснялись голодом хищников. «То есть твоим голодом», – подумала она, посмотрев на кота, безмятежно вылизывающего лапки. Как его зовут? Она понятия не имела, но решила, что вполне может называть его Кот.

На следующей фотографии была груда внутренностей в мусорном бачке, слипшаяся масса, которую придется размочить и разъединить на составляющие. Только после этого можно адекватно обследовать отдельные органы. Это будет самой неприятной частью работы, потому что разложение начинается именно во внутренних органах, где обитают и размножаются бактерии. На скорую руку Маура просмотрела несколько следующих снимков, потом остановилась и снова вгляделась в одну из фотографий внутренностей в мусорном бачке. На этом снимке освещение было иным, потому что вспышка не сработала, и в косом свете на поверхности стали видны другие кривые и борозды.

Раздался звонок в дверь.

Она не ждала гостей. И уж никак не предполагала увидеть на своем крыльце Джейн Риццоли.

– Я решила, тебе это понадобится, – сказала Джейн, протягивая пластиковый пакет.

– Что это?

– Наполнитель для кошачьего туалета и упаковка «Фрискиса». Фрост чувствует себя виноватым из-за того, что тебе пришлось забрать кота, и я пообещала доставить тебе это. Он уже успел расцарапать мебель?

– Уничтожил банку сардин – это пока все. Заходи, можешь сама посмотреть, как он поживает.

– Вероятно, гораздо лучше, чем другой.

– Белый кот Готта? Что ты с ним сделала?

– Его никто не может поймать. Он все еще прячется где-то в доме.

– Надеюсь, ты оставила ему свежей еды и воды.

– Фрост об этом, конечно, позаботился. Он утверждает, что не выносит кошек, но видела бы ты его: ползал на четвереньках, умолял киску – кис-кис-кис – вылезти из-под кровати. Он приедет туда завтра заменить наполнитель в лотке.

– Я думаю, он вполне мог бы взять кота себе. Он в последнее время стал довольно одиноким.

– Ты поэтому взяла себе серенького?

– Нет, конечно. Я взяла его, потому что… – Маура вздохнула. – Понятия не имею почему. Потому что он никак от меня не отставал.

– Ну да, почувствовал слабину, – сказала Джейн, рассмеявшись, и последовала за Маурой в кухню. – Вот тетка, которая будет давать мне сметану и паштет.

В кухне Маура недоуменно уставилась на кота, который запрыгнул на кухонный стол и уже поставил передние лапы на клавиатуру ее ноутбука.

– Брысь! – крикнула она. – Пошел отсюда!

Кот зевнул и улегся на бочок. Маура схватила его и отправила на пол:

– Не смей сюда лазать!

– Знаешь, ничего он с твоим компьютером не сделает, – сказала Джейн.

– Дело не в компьютере, а в столе. Я за этим столом ем.

Маура взяла губку, сбрызнула очистителем и принялась протирать столешницу.

– Кажется, ты вот здесь пропустила микроба.

– Не смешно. Подумай, где побывал этот кот. Куда ступал лапами в последние четыре дня. Ты бы стала есть с этого стола?

– Он, наверно, чище, чем мое трехлетнее чадо.

– Тут я с тобой согласна. Дети – настоящие фомиты.

– Что?

– Они повсюду распространяют инфекцию.

Маура напоследок энергично провела губкой по столу, а потом выкинула ее в мусорный бачок.

– Не забыть бы об этом, когда вернусь домой. «Иди к мамочке, мой маленький фомит». – Джейн вытащила из привезенного ею пакета наполнитель и высыпала в лоток, который тоже не забыла купить. – Куда ты хочешь это поставить?

– Я надеялась, что буду его выпускать и он станет делать свои дела во дворе.

– Выпусти его – и он, может, никогда не вернется. – Джейн стряхнула с рук пыль от наполнителя и выпрямилась. – А может, так оно и лучше?

– Не знаю, о чем я думала, когда привезла его. Он просто прилип ко мне. Я, в общем-то, не собиралась заводить кота.

– Ты сказала, что Фросту нужен кот. Почему не тебе?

– Фрост только что развелся. Он не привык к одиночеству.

– А ты привыкла.

– Я много лет одна. И не думаю, что в ближайшем будущем это изменится. – Маура оглядела безупречно чистые столешницы, вылизанную раковину. – Если вдруг не случится чуда.

– Слушай, вот и назови его так – Чудо, – сказала Джейн, показывая на кота.

– Нет, так он зваться не будет.

Запикал таймер, и Маура открыла духовку, чтобы проверить содержимое кастрюльки.

– Пахнет хорошо.

– Баклажаны с пармезаном. При мысли о мясной еде сегодня меня выворачивает наизнанку. Хочешь есть? Тут нам двоим хватит.

– Я еду к маме на обед. Габриэль все еще в Вашингтоне, и маме невыносима мысль о том, что мы с Реджиной пребываем в одиночестве. – Джейн помолчала. – Может, присоединишься к нам для компании?

– Спасибо за приглашение, но мой обед уже готов.

– Не обязательно сегодня – в любое время, когда захочешь побыть в семье.

Маура внимательно посмотрела на нее:

– Собираешься меня удочерить?

Джейн отодвинула стул и села за кухонный стол.

– Мне кажется, нам нужно выяснить отношения. После дела Тедди Клока мы с тобой не разговаривали, и я знаю, несколько последних

месяцев тебе приходилось нелегко. Я давно уже должна была пригласить тебя на обед.

– Я тоже должна была тебя пригласить. Мы обе были заняты, только и всего.

– Знаешь, Маура, меня сильно обеспокоило, когда ты сказала, что подумываешь уехать из Бостона.

– Почему?

– Ну, мы столько лет работаем вместе, как ты можешь вдруг взять да уехать? Мы с тобой на пару пережили такое, чего никто другой и представить себе не может. Ну вот вроде этого. – Джейн показала на компьютер Мауры, где на экране все еще оставалась фотография внутренностей. – Скажи мне, с кем еще я могу поговорить о кишках в мусорном бачке? Нормальные люди о таких вещах не разговаривают.

– Ты хочешь сказать, что я ненормальная?

– Ну, ты ведь не думаешь всерьез, что я нормальная? – рассмеялась Джейн. – Мы обе чокнутые извращенки. Это единственное объяснение тому, чем мы занимаемся. И почему из нас получилась такая хорошая команда.

Маура никак не могла предсказать это, когда познакомилась с Джейн.

До этого она слышала, как о Джейн отзывались полицейские-мужчины: «Сука. Стервоза. У нее месячные круглый год». Женщина, которая в тот день появилась на месте преступления, была грубой, сосредоточенной и безжалостной. А еще она была одним из лучших детективов, с какими Мауру сводила судьба.

– Ты как-то говорила, что тебя ничто не держит здесь, в Бостоне, – сказала Джейн. – Я просто напоминаю тебе, что это не так. У нас с тобой общая история.

– Верно, – фыркнула Маура. – История попадания в неприятности.

– И выхода из них вдвоем. Что ждет тебя в Сан-Франциско?

– Я получила приглашение от давнего коллеги – он там работает. Предлагает преподавать в Калифорнийском университете.

– А Джулиан? У мальчишки нет никого ближе тебя. Ты ему как мать. Если ты уедешь в Калифорнию, он будет считать, что ты его бросила.

– Я его теперь почти не вижу. Джулиану семнадцать, и он собирается поступать в колледж. Кто знает, что он надумает, а в Калифорнии есть неплохие колледжи. Не могу я зависеть от мальчишки, который только начинает жизнь.

– Работа в Сан-Франциско. Там платят больше? В этом дело?

– Но я не поэтому хочу принять их предложение.

– Просто хочешь убежать, да? Убраться, к чертям собачьим, подальше отсюда. – Джейн помолчала. – А он знает, что ты собираешься покинуть Бостон?

«Он». Маура резко отвернулась и заново наполнила стакан вином. Одно упоминание о Даниэле Брофи вызвало у нее желание выпить.

– Я несколько месяцев не разговаривала с Даниэлем.

– Но ты с ним видишься.

– Ну разумеется, ведь я не знаю, приезжая на место преступления, будет он там или нет. Утешать семью, молиться за жертву. Мы вращаемся в одном кругу, Джейн. В кругу мертвецов. – Маура сделала большой глоток вина. – Для меня будет облегчением, если я избавлюсь от этого.

– Значит, отъезд в Калифорнию на самом деле желание избежать Даниэля.

– И искушения, – тихо сказала Маура.

– Искушения вернуться к нему? – Джейн покачала головой. – Ты приняла решение. Держись его и двигайся вперед. Именно так я бы и поступила.

И именно это делало их столь непохожими друг на друга. Джейн действовала быстро и никогда не сомневалась в том, что ей нужно делать. Она не страдала бессонницей от желания поменять решение. А Маура не спала ночами, мучаясь от неопределенности, размышляла над разными вариантами, взвешивала последствия. Вот если бы жизнь была похожа на математическую формулу с одним-единственным ответом!

Джейн встала:

– Подумай о том, что я тебе сказала, ладно? Чтобы притереться к новому медэксперту, мне понадобится черт знает сколько сил и времени. Так что я рассчитываю, что ты останешься. – Она прикоснулась к руке Мауры и тихо добавила: – Я прошу тебя остаться. – Затем в типичной своей

манере Джейн Риццоли резко развернулась и направилась к двери. – До завтра.

– Вскрытие утром, – напомнила Маура, провожая гостью к двери.

– Пожалуй, я не приду. Насмотрелась на личинок, спасибо.

– Там возможны неожиданности. Ты же не хочешь их пропустить?

– Единственной неожиданностью будет, если явится Фрост, – сказала Джейн, выходя за дверь.

Маура заперла дверь и вернулась в кухню, где уже остыл ее обед. Она поставила кастрюльку обратно в духовку. Кот снова запрыгнул на стол и распростерся на клавиатуре ноутбука, словно говоря: «Хватит сегодня работать». Маура схватила его и вновь опустила на пол. Кто-то должен командовать в этом доме. И уж конечно не кот. Она вывела компьютер из спящего состояния, и на нем снова появилось изображение, которое она рассматривала перед приходом Джейн. Фотография внутренностей, складчатая поверхность, контрасты которой подчеркивались тенями, образующимися в наклонном свете. Маура уже собиралась закрыть ноутбук, но тут ее взгляд задержался на печени. Она нахмурилась, увеличила изображение, уставилась на кривые и бороздки поверхности. Это была не игра света. И не искажение, вызванное опухлостью вследствие воздействия бактерий.

«У печени шесть долей».

Она потянулась к телефону.

5

Ботсвана

– Где он? – кричит Сильвия. – Где остальная его часть?

Они с Вивиан стоят под деревьями на расстоянии нескольких десятков ярдов. И смотрят на что-то на земле, скрытое от меня высокой травой. Я переступаю через проволоку, которой обнесен по периметру лагерь и на которой все еще висят колокольчики – те самые, что не зазвякали предупредительно в ночи. Не колокольчики подняли тревогу, а Сильвия, ее крики заставили всех нас выскочить из палаток в разной степени одетости. Мистер Мацунга все еще застегивает молнию на ширинке, вылезая через клапан палатки. Эллиот даже не потрудился надеть брюки, он выскочил в холодный рассвет в одних трусах-боксерах и сандалиях. Я успеваю схватить рубашку Ричарда и натянуть на ночнушку, после чего выхожу в траву в незашнурованных ботинках, и

попавший в один из них камушек впивается мне в стопу. Я вижу окровавленный кусок одежды защитного цвета – он, словно змея, обвился вокруг куста. Еще несколько шагов – и я вижу новые оторванные куски одежды, комок чего-то похожего на черную шерсть. Еще пара шагов, и я наконец вижу, на что смотрят девушки. Теперь я понимаю, почему визжит Сильвия.

Вивиан отворачивается, и ее рвет в кусты.

Я оцепенела и не могу пошевелиться. Сильвия хнычет и учащенно дышит рядом со мной, а я разглядываю кости, разбросанные по примятой траве, и чувствую необычную отстраненность, словно нахожусь не в своем, а в чьем-то чужом теле. Может быть, теле какого-то ученого. Анатома, который смотрит на кости и чувствует потребность собрать их в одно целое и заявить: «Это правая малоберцовая кость, а это локтевая кость, а это кусок пятого пальца с правой ноги. Да, определенно с правой». Хотя, по правде говоря, я ничего не могу идентифицировать из того, что вижу, потому что осталось так мало и все оно разломано. Я могу быть уверена лишь в одном: тут есть ребро, потому что оно похоже на ребрышко в соусе, которое я ела. Только передо мной не свиное ребрышко – это обгрызенная и поколотая кость человека, и она принадлежала кому-то из моих знакомых, тех, с кем я говорила менее девяти часов назад.

– Господи боже, – стонет Эллиот. – Что случилось? Что за фигня такая?

Раздается трубный глас Джонни:

– Назад! Все назад!

Я поворачиваюсь и вижу, как Джонни протискивается в наш кружок. Теперь мы все здесь – Вивиан и Сильвия, Эллиот и Ричард, супруги Мацунага. Отсутствует только один, да и то не совсем, потому что вот его ребро, вот клок волос Кларенса. В воздухе запах смерти, запах страха и свежей плоти, запах Африки.

Джонни присаживается над костями и несколько мгновений молчит. Молчат все. Даже птицы умолкли, напуганные человеческим волнением, и я слышу лишь шелест травы на ветру и слабое журчание реки.

– Никто из вас не видел чего-нибудь прошлой ночью? Или не слышал? – спрашивает Джонни.

Он поднимает голову, и я отмечаю, что рубашка на нем не застегнута, лицо небрито. Он встретился со мной взглядом. В ответ я могу только отрицательно покачать головой.

– Никто? – Джонни оглядывает наши лица.

– Я спал без задних ног, – откликается Эллиот. – Я не слышал…

– Мы тоже ничего не слышали, – говорит Ричард, на свой обычный докучливый манер отвечая за нас обоих.

– Кто его нашел?

Вивиан еле слышно шепчет:

– Мы. Сильвия и я. Нам обеим понадобилось по делам. Уже светало, и мы решили, что выходить из палатки можно. К этому времени Кларенс обычно уже разводит костер и…

Она замолкает, вид у нее испуганный оттого, что она произнесла его имя. Кларенс.

Джонни поднимается на ноги. Я ближе других стою к нему и вижу его во всех подробностях, от растрепанных со сна волос до неровного шрама на животе – шрама, которого не видела прежде. Мы его больше не интересуем, потому что ничего не можем ему сообщить. Он изучает землю, разбросанные останки жертвы. Потом окидывает взглядом периметр лагеря, обнесенный проволокой.

– Колокольчики не звонили, – говорит он. – Я бы услышал звон. Кларенс услышал бы.

– Значит, зверь – кто бы он ни был – не заходил на территорию лагеря, – подхватывает Ричард.

Джонни игнорирует его. Он начинает идти по все расширяющемуся кругу, нетерпеливо отталкивая всех, кто попадается ему на пути. Здесь нет голой земли, всюду трава, и не видно никаких следов, по которым можно было бы понять, что произошло.

– Его дежурство началось в два часа, а я сразу отправился спать. Костер почти погас, значит туда ничего не подбрасывали уже несколько часов. Что заставило его отойти от костра? Почему он вышел за периметр? – Джонни оглядывается. – И где его ружье?

– Ружье вон там, – говорит мистер Мацунага и показывает на кольцо камней, окружающих погасший костер. – Я видел, оно лежит на земле.

– Он просто оставил его там? – удивленно произносит Ричард. – И пошел себе от костра в темноту без ружья? С какой стати Кларенс стал бы это делать?

– Он не стал бы этого делать, – тихо отвечает Джонни, и от его слов мороз подирает по коже.

Он снова начинает ходить кругами, вглядываясь в траву. Находит обрывки одежды, ботинок, но больше почти ничего. Он удаляется от лагеря в сторону реки. Внезапно опускается на колени, и я вижу только его макушку в светлых волосах. От его неподвижности нам всем не по себе. Ни у кого нет желания выяснять, что он там увидел. Мы и без того насмотрелись достаточно. Но его молчание обладает какой-то силой притяжения, и я иду к нему.

Он поднимает на меня взгляд:

– Гиены.

– Почему вы думаете, что это они?

Он показывает на сероватые комки на земле:

– Это характерный помет гиены. Видите в нем клочки волос какого-то животного, кусочки костей?

– Боже мой. Это ведь не его кости?

– Нет. Этому помету несколько дней. Но мы знаем, что гиены неподалеку. – Он показывает на оторванный кусок окровавленной ткани. – И они его нашли.

– Но я думала, что гиены падальщики.

– Я не могу утверждать, что они его убили. Но они его съели, вне всяких сомнений.

– От него почти ничего не осталось, – бормочу я, глядя на куски материи. – Он словно… исчез.

– После падальщиков не остается ничего – они ничего не упускают. Возможно, они утащили то, что осталось, в свое логово. Не могу понять, почему он умер, не издав ни звука. Почему я не слышал, как его убили.

Джонни сидит над серыми комками помета, но его глаза прочесывают окрестности, видят то, чего не могу увидеть я. Его неподвижность выводит меня из себя. Он не похож на других людей, с которыми я сталкивалась, он в такой гармонии со средой обитания, что кажется ее частью, он врос в эту землю корнями, как деревья и слегка колышущаяся трава. Он ничуть не похож на Ричарда, чье вечное недовольство жизнью заставляет его искать в Интернете квартиру получше, место для отдыха

получше, может быть – и подружку получше. Ричард не знает, чего он хочет и кто он такой, в отличие от Джонни. Того Джонни, чье долгое молчание вызывает у меня стремление заполнить тишину каким-нибудь пустым замечанием, словно это моя обязанность – поддерживать разговор. Но неловкость ощущаю только я, Джонни – ни в малейшей мере.

Он тихо говорит:

– Мы должны собрать все, что удастся найти.

– Вы говорите о… Кларенсе?

– Это для его семьи. Они захотят его похоронить. Что-нибудь ощутимое, чтобы они могли его оплакать.

Я в ужасе смотрю на окровавленные клочья материи. Я не хочу к ним прикасаться. И уж конечно, я не хочу прикасаться к разбросанным там и тут кусочкам костей и волосам. Но я киваю и говорю:

– Я вам помогу. Можно взять брезентовый мешок из машины.

Он поднимается и смотрит на меня:

– Вы не такая, как остальные.

– Это вы о чем?

– Вы ведь не хотели ехать сюда, в буш, верно?

Я обхватываю себя руками:

– Не хотела. Это Ричард решил провести отпуск так.

– А как решили бы вы?

– Горячий душ. Туалет с унитазом. Может быть, массаж. Но вот я здесь – замечательная женщина, всегда покорная желаниям мужчины.

– Вы замечательная женщина, Милли. Вы это знаете, да? – Он смотрит вдаль и говорит так тихо, что я почти не слышу: – Лучше, чем он заслуживает.

Не уверена, что он хотел, чтобы я слышала эти слова. Наверное, он столько времени проводит в буше, что постоянно разговаривает сам с собой, потому что обычно рядом никого нет и никто не может его услышать.

Я пытаюсь понять выражение его лица, но он наклоняется и поднимает что-то. Когда он выпрямляется, я вижу это в его руке.

Кость.

– Вы все понимаете, что экспедиция закончилась, – говорит Джонни. – Призываю всех взяться за дело, чтобы мы свернули лагерь к полудню и отправились в путь.

– В путь куда? – спрашивает Ричард. – Самолет появится только через неделю.

Джонни собрал нас вокруг погасшего костра, чтобы сообщить план действий. Я оглядываю других участников нашего сафари, туристов, которые искали приключений в диких местах и получили больше, чем хотели. Настоящую смерть от лап хищника. Не те веселые приключения, какие видишь в телепередачах про животных. Вместо веселья – жалкий мешок, в котором прискорбно мало костей, обрывков одежды, частей скальпа – бренные останки нашего следопыта Кларенса. Все остальное, как говорит Джонни, утрачено навсегда. Таков закон буша: каждое рожденное здесь существо в конечном счете будет съедено, переварено и превратится в помет, землю, траву. Трава, съеденная другими животными, возродится новым животным. Принцип казался красивым, но когда сталкиваешься лицом к лицу с жестокой реальностью, с мешком костей Кларенса, то понимаешь, что круговорот вещей в природе – это еще и круговорот смерти. Мы здесь для того, чтобы есть и быть съеденными, и мы всего лишь мясо. Теперь нас осталось восемь человек, мясо на костях, а вокруг – хищники.

– Если мы сейчас вернемся на посадочную полосу, нам придется сидеть там несколько дней в ожидании самолета, – говорит Ричард. – Может, лучше продолжить путешествие, как планировалось?

Джонни непреклонен:

– Глубже в буш мы не поедем.

– А что, если воспользоваться рацией? – спрашивает Вивиан. – Вы могли бы связаться с летчиком, чтобы он забрал нас раньше.

Джонни отрицательно качает головой:

– Мы здесь вне зоны действия радиосвязи. Связаться с ним мы сможем, только добравшись до посадочной полосы. А это три дня езды на запад. Вот почему мы вместо этого поедем на восток. Это два дня жесткого пути,

никаких остановок, чтобы полюбоваться пейзажем. Так мы доберемся до одного из охотничьих домиков. Там есть телефон, и оттуда начинается дорога. Там я организую вашу доставку в Маун.

– Зачем? – спрашивает Ричард. – Не хочу показаться бездушным, но мы уже ничем не поможем Кларенсу. Не вижу смысла нестись назад сломя голову.

– Вам вернут деньги, мистер Ренуик.

– Дело не в деньгах. Дело в том, что мы с Милли проделали весь этот путь из самого Лондона. Эллиот прилетел из Бостона. Я уж не говорю, сколько пришлось пролететь супругам Мацунага.

– Господи, Ричард, – вставляет Эллиот, – ведь человек погиб!

– Я знаю, но мы так или иначе уже здесь. Мы вполне можем продолжить поездку.

– Я не могу, – говорит Джонни.

– Почему?

– Я не могу гарантировать вашу безопасность. А тем более удобства. Нужны двое, чтобы дежурить по ночам и поддерживать огонь. Чтобы разбить лагерь или собрать его. Кларенс не только готовил вам еду. Это была еще пара глаз и ушей. Мне нужен помощник, когда я везу в буш людей, которые не могут отличить ружье от трости.

– Научите меня. Я буду дежурить на пару с вами. – Ричард оглядывает нас, словно ища подтверждения тому, что он единственный, кто способен выполнить эту задачу.

– Я умею стрелять, – говорит мистер Мацунага. – И дежурить я тоже могу.

Мы все поворачиваемся и смотрим на японского банкира, о чьих снайперских навыках мы могли судить только по щелчкам его фотокамеры с объективом, стреляющим на целую милю.

Ричард издает недоверчивый смешок:

– Вы имеете в виду настоящее оружие, Исао?

– Я член токийского стрелкового клуба, – говорит мистер Мацунага, ничуть не задетый насмешливым тоном Ричарда. Он показывает на жену и, к нашему удивлению, добавляет: – Кейко тоже член клуба.

– Я рад, что это избавляет меня от необходимости предлагать свои услуги, – говорит Эллиот. – Потому что я к этой чертовой штуке даже прикасаться не хочу.

– Так что, как видите, у нас достаточно рук, – обращается Ричард к Джонни. – Мы можем дежурить по очереди и всю ночь поддерживать огонь в костре. Ведь это и есть настоящее сафари, разве нет? Отвечать требованию момента. Доказывать свою храбрость.

О да, Ричард – специалист, он целый год проводит, героически сидя за компьютером и закручивая свои насыщенные тестостероном фантазии. Теперь эти фантазии сбылись, и он может сыграть в героя собственного триллера. А главное, у него есть аудитория из двух великолепных блондинок, ради которых он и старается, потому что на меня ему уже не произвести впечатления, и он это знает.

– Речь великолепная, но она ничего не меняет. Собирайте вещи, мы едем на восток.

Джонни уходит разбирать свою палатку.

– Слава богу, он кладет этому конец, – говорит Эллиот.

– А что ему еще делать? – усмехается Ричард. – Теперь, когда он испоганил нам путешествие.

– Нельзя же его обвинять в том, что случилось с Кларенсом.

– А кто в конечном счете несет ответственность? Он нанял следопыта, с которым прежде не работал. – Ричард поворачивается ко мне. – Ведь Кларенс так тебе сказал. Сказал, что никогда не работал с Джонни до этого сафари.

– Но он же не на улице его подобрал, – замечаю я. – Кларенс и прежде работал следопытом. Джонни не взял бы его, если бы у Кларенса не было опыта.

– Это ты так считаешь, но смотри, что произошло. Наш так называемый опытный следопыт бросает ружье и идет навстречу стае гиен. Ты считаешь, это поступок человека, который знает, что делает?

– Какой во всем этом смысл, Ричард? – устало спрашивает Эллиот.

– Смысл в том, что мы не можем доверять его суждениям. Вот и все, что я хочу сказать.

– Я думаю, что Джонни прав. Мы не можем притворяться, что ничего не случилось. Мертвец как-то не способствует поднятию настроения. – Эллиот направляется к своей палатке. – Пора выбираться отсюда и двигаться к дому.

«К дому». Я укладываю одежду и туалетные принадлежности в сумку и думаю о Лондоне, о сером небе и капучино. Через десять дней Африка будет казаться золотым сном, местом, где жарко и где ослепительно сверкает солнце, местом, где жизнь и смерть так ярко и зримо соседствуют друг с другом. Вчера мне хотелось одного: вернуться домой, в квартиру с горячим душем, в страну, где есть горячие души. Но теперь, когда мы уезжаем из буша, я чувствую, как он держит меня, его щупальца обвиваются вокруг моих щиколоток, грозят укоренить меня в этой земле. Я застегиваю рюкзачок, в котором «самое необходимое» – все, без чего, как я считала, мне не выжить в дикой природе: высокоэнергетические питательные плитки, туалетная бумага, влажные салфетки, солнцезащитный крем, тампоны и мобильник. Насколько иначе смотришь на «самое необходимое», когда находишься вне зоны действия сотовых вышек!

К тому времени, как мы с Ричардом заканчиваем складывать палатку, Джонни уже успевает уложить в машину свои вещи, кухонное оборудование и складные стулья. Мы все собираемся удивительно быстро, даже Эллиот, который никак не мог разобрать палатку и ему понадобилась помощь Вивиан и Сильвии. Смерть Кларенса витает над нами, мы почти не разговариваем – сосредоточиваемся на первостепенных задачах. Убирая палатку в заднюю часть машины, я замечаю брезентовый мешок с останками Кларенса, засунутый за рюкзак Джонни. Я огорчаюсь, видя этот мешок там, со всеми нашими вещами. «Палатки – на месте. Примус – на месте. Покойник – на месте».

Я залезаю в машину и сажусь рядом с Ричардом. Впереди пустое место Кларенса – жестокое напоминание, что его нет, что кости его разбросаны по земле, а плоть переварена гиенами. Джонни садится в машину последним. Он хлопает дверью, и я окидываю взглядом место, где был разбит наш лагерь, и думаю, что скоро здесь ничто не будет напоминать о нашем пребывании. Мы уедем, а Кларенс останется здесь навсегда.

Вдруг Джонни чертыхается и выпрыгивает из машины. Что-то не так.

Он подходит к передку машины, поднимает капот и проверяет двигатель. Проходят секунды. Его головы не видно за поднятым капотом, поэтому мы не видим и выражения лица, но его молчание настораживает меня. Он не произносит утешительного «проводок отсоединился» или «ну все понятно».

– Что там еще? – бормочет Ричард.

Он тоже выходит из машины, хотя я не думаю, что от него может быть какая-то польза. Прочесть показания датчика топлива он может, но дальше этого его знания об автомобиле не простираются. Он начинает выдвигать предположения. Аккумулятор? Свечи зажигания? Отсутствие контакта? Джонни отвечает едва слышными односложными словами, и это тревожит меня еще сильнее, потому что я знаю: чем катастрофичнее ситуация, тем спокойнее становится Джонни.

В открытой машине жарко. Почти полдень, и солнце стоит в зените. Все остальные тоже вылезают из машины и прячутся в тени деревьев. Джонни высовывает голову из-за капота и приказывает:

– Не уходите далеко!

Но никто и не собирается уходить: мы видели, что может случиться с тем, кто так поступает. Мистер Мацунага и Эллиот присоединяются к Ричарду у капота, высказывают свои соображения, потому что, конечно же, все мужчины (даже те, кто ни разу не испачкал рук) разбираются в технике. Или думают, что разбираются.

Женщины ждут в тени, отбиваясь от насекомых, все время оглядывая траву – не обнаружится ли где-нибудь в ней характерное движение, которое одно теперь и может предупредить нас о приближении хищника. Даже в тени жарко, и я усаживаюсь на землю. Сквозь ветки наверху я вижу парящих в небе хищных птиц – они наблюдают за нами. Эти птицы удивительно красивы – чернокрылые, они закладывают неторопливые виражи в небесах в ожидании еды. Кто станет ею?

Ричард направляется к нам, бормоча:

– Ну вот вам, просто блестящий поворот. Эта хреновина не заводится. Даже не крутится.

Я сажусь прямо:

– Вчера она была в порядке.

Ричард раздраженно фыркает:

– Вчера все было в порядке. Мы застряли.

Блондинки одновременно тревожно охают.

– Да не можем мы застрять, – выпаливает Сильвия. – В следующий четверг я должна быть на работе!

– И я! – говорит Вивиан.

Миссис Мацунага недоуменно покачивает головой:

– Как это может быть? Это невозможно.

Их голоса сливаются в тревожном хоре, а я не могу не заметить, что хищные птицы в небе описывают все более тесные круги, словно их привлекает наше бедственное положение.

– Слушайте меня. Все слушайте, – приказывает Джонни.

Мы поворачиваемся в его сторону.

– Сейчас не время для паники, – говорит он. – Для этого нет никаких оснований. Река рядом, так что воды у нас хватает. У нас есть палатки. У нас есть оружие, и вокруг полно дичи для еды.

Эллиот испускает смешок, в котором отчетливо слышна нотка страха:

– И что теперь? Мы останемся здесь и вернемся в каменный век?

– Самолет должен прилететь за вами через неделю. Если мы не появимся в назначенное время, они начнут поиски. Найдут нас очень быстро. Разве вы не этого хотели? Настоящее приключение в буше. – Он оглядывает нас одного за другим, оценивая, решая, готовы ли мы к такому испытанию. – Я буду заниматься машиной. Может быть, мне удастся ее починить, может быть – нет.

– Вы хотя бы знаете, что у нее сломалось? – спрашивает Эллиот.

Джонни свирепо смотрит на него:

– Прежде она никогда не ломалась. Я не понимаю, что с ней. – Он снова обводит нас взглядом, словно ищет ответ в наших лицах. – А пока мы должны снова разбить лагерь. Доставайте палатки. Мы остаемся здесь.

6

Бостон

Если пациент не приходит в назначенное время, психологи называют это сопротивлением, потому что пациент на самом деле не хочет решать свою проблему. Именно этим можно объяснить, почему Джейн поздно вышла в то утро из дома: она очень не хотела присутствовать на аутопсии Леона Готта. Она неторопливо надевала на дочку ту же самую футболку «Ред сокс» и зеленый от травы комбинезончик, которые Реджина носила

вот уже пять дней. Они слишком долго завтракали тостами и овсянкой, а потому из дверей дома вышли с опозданием в двадцать минут. А если добавить к этому поездку по запруженным улицам в Ревир, где жила мать Джейн, то ничего удивительного, что они прибыли к дому Анжелы с получасовым опозданием.

Дом матери с каждым годом, казалось, становился меньше, словно ужимался с возрастом. Таща Реджину за руку к дверям, Джейн отметила, что крыльцо пора покрасить, водостоки забиты осенними листьями, а многолетники на газоне перед фасадом надо бы обрезать к зиме. Нужно позвонить братьям, может, они смогут выбраться к матери и поработать на выходных, потому что Анжеле явно не справиться со всем этим.

«А еще ей не помешало бы как следует выспаться», – подумала Джейн, когда Анжела открыла ей дверь. Усталый вид матери произвел на Джейн гнетущее впечатление. Все в ней казалось поношенным, от выцветшей блузки до мешковатых джинсов. Когда Анжела нагнулась, чтобы взять Реджину на руки, Джейн увидела седые корни волос на голове у матери – это тоже обескураживало, потому что обычно Анжела не пропускала визитов к парикмахеру. Неужели это та самая женщина, которая прошлой осенью появилась в ресторане в туфлях на гвоздиках и с накрашенными губами?

– Ах ты, моя маленькая тыковка, – заворковала Анжела, неся Реджину вглубь дома. – Nonna[8] так рада тебя видеть. Давай сходим сегодня в магазин, а? Тебе не надоел этот грязный комбинезон? Купим что-нибудь новое и красивое.

– Не люблю красивое!

– А как насчет платьица? Такое модное, как у принцессы?

– Не люблю принцесс!

– Но ведь каждая девочка хочет быть принцессой!

– Я думаю, она предпочитает быть лягушкой, – сказала Джейн.

– Господи боже, вся в тебя. – Анжела разочарованно вздохнула. – Ты тоже не позволяла надевать на себя платья.

– Не всем же быть принцессами, мама.

– И не для всех находится прекрасный принц, – пробормотала Анжела.

Джейн прошла за ней в кухню.

– Что тут у тебя происходит?

– Сейчас приготовлю кофе. Ты будешь?

– Мама, я же вижу, у тебя тут что-то происходит.

– Тебе пора на работу. – Анжела посадила Реджину на высокий стул. – Иди ловить плохих ребят.

– Для тебя не слишком тяжело сидеть с Реджиной? Ты же знаешь, что это вовсе не обязательно. Она уже большая, вполне можно отдать в детский сад.

– Чтобы мою внучку да в детский сад? Этого никогда не будет.

– Мы с Габриэлем говорили об этом. Ты и без того слишком много для нас сделала, и мы думаем, ты заслужила отдых. Наслаждайся жизнью.

– Я каждый день жду ее с нетерпением, – сказала Анжела, кивая на внучку. – Она единственное, что отвлекает меня от…

– Отца?

Анжела отвернулась и начала наливать воду в кофейник.

– С первого дня, как он вернулся, я не видела у тебя на лице радости, – сказала Джейн. – Ни разу.

– Ничего нет сложнее, чем делать выбор. Меня то туда тянет, то сюда, как тянучку какую. Вот бы кто сказал мне, что делать, чтобы не пришлось выбирать между ними!

– Этот выбор должна сделать ты сама. Отец или Корсак. Я думаю, ты должна выбрать человека, с которым будешь счастлива.

На лице Анжелы отразилось страдание.

– Разве я смогу быть счастлива, если всю оставшуюся жизнь меня будет грызть чувство вины? Если твои братья будут говорить, что я разрушила семью?

– Не ты ушла от отца. Он сам ушел.

– А теперь вернулся и хочет, чтобы мы снова были вместе.

– Ты имеешь право отказать ему.

– Когда оба моих сына настаивают, чтобы я дала отцу еще один шанс? Отец Доннелли говорит, что именно так и должна поступить добропорядочная жена.

«Ну замечательно, – подумала Джейн. – В католицизме чувство вины развито как ни в одной другой религии».

Зазвонил мобильник Джейн. Она посмотрела на экран – звонила Маура; Джейн не стала отвечать: пусть вызов уйдет в голосовую почту.

– А бедняга Винс, – сказала Анжела. – Я и по отношению к нему чувствую себя виноватой. Мы ведь готовились к свадьбе.

– Эти планы еще никто не отменял.

– Теперь я не представляю, как это может случиться. – Анжела оперлась о кухонный стол, за спиной у нее заурчала и зашипела кофеварка. – Вчера вечером я наконец сказала ему. Джейни, ничего труднее мне в жизни делать не доводилось.

И это было видно по ее лицу. Опухшие глаза, опущенные уголки рта – неужели это была новая и будущая Анжела Риццоли, праведная жена и мать?

«В мире и без того хватает мучеников», – подумала Джейн. Мысль о том, что ее мать присоединится к этому сонму, выбила ее из колеи.

– Мама, если ты от всего этого впадаешь в отчаяние, то должна вспомнить, что это твое собственное решение. Ты сама выбираешь путь к несчастью. Никто не может заставить тебя сделать это.

– Как ты можешь говорить такое?

– Я говорю это, потому что так и есть. Ты принимаешь решение, и ты должна управлять ситуацией.

Ее телефон издал трель – пришло сообщение. Опять Маура: «Приступаю к аутопсии. Едешь?»

– Давай езжай на работу, – махнула рукой Анжела. – Не бери в голову.

– Я хочу, чтобы ты была счастливой, мама. – Джейн повернулась, собираясь уходить, но потом снова посмотрела на Анжелу. – Да ты и сама хочешь того же.

Джейн с облегчением вышла на улицу, набрала в легкие свежего, прохладного воздуха, выдохнула мрак дома. Но никак не могла

избавиться от раздражения, которое вызывали у нее ее собственный папочка, братья и отец Доннелли – все мужчины, считающие, что вправе указывать женщине, в чем состоит ее долг.

Когда ее телефон зазвонил снова, она раздраженно бросила:

– Риццоли!

– Эй, это я, – раздался голос Фроста.

– Да, я еду в морг. Буду через двадцать минут.

– А разве ты уже не там?

– Задержалась у матери. А ты почему не там?

– Я думал, что мне, гм, разумнее заняться чем-нибудь другим.

– Вместо того, чтобы все утро блевать в раковину. Хороший выбор.

– Я все еще жду, когда мобильный оператор выдаст мне детализацию разговоров Готта. А пока вот тебе кое-что занятное – выловил в «Гугле». В мае о Готте писал «Хаб мэгэзин». Статья была озаглавлена: «Мастер охотничьих трофеев: интервью с бостонским таксидермистом».

– Да, я видела копию этого интервью – висит в рамочке у него в доме. Оно про охотничьи приключения. Об охоте на слонов в Африке, на лосей в Монтане.

– Ты бы почитала комменты к этой статье. Это на веб-сайте журнала. Он явно вывел из себя травоядных – так Готт называет противников охоты на животных. Вот один из комментов от Анонима: «Леона Готта нужно подвесить и выпотрошить – сие вонючее животное вполне этого заслужило».

– «Подвесить и выпотрошить»? Это похоже на угрозу, – заметила Джейн.

– Может, кто-то ее и реализовал.

Когда Джейн увидела то, что лежало на прозекторском столе в морге, она чуть не повернулась и не ушла. Даже резкий запах формалина не мог заглушить вонь внутренностей, выложенных на металлическом столе. Маура не надела защитный капюшон, только обычный респиратор и пластиковый лицевой щиток. Она так сосредоточилась на

интеллектуальной загадке, которую поставили перед ней эти внутренности, что даже не чувствовала запаха. Рядом с ней стоял высокий мужчина с седыми бровями – Джейн не узнала его. Мужчина, как и Маура, с любопытством рассматривал набор внутренностей.

– Начнем-ка с этого большого сосуда, – сказал он, перебирая внутренности руками в перчатках. – Мы здесь имеем слепую кишку, восходящую кишку, поперечную ободочную кишку, нисходящую кишку...

– Но у нас нет сигмовидной кишки.

– Верно. Прямая кишка есть, а сигмовидной нет. Это наша первая ниточка.

– И в этом отличие от другого образца, в котором сигмовидная кишка есть.

Мужчина удовлетворенно хохотнул:

– Я очень рад, что вы пригласили меня посмотреть. Нечасто приходится видеть что-либо столь захватывающее. За эту историю меня будут несколько месяцев бесплатно кормить обедом.

– Не хотела бы я стать слушательницей такого обеденного рассказа, – заметила Джейн. – Думаю, именно это в древности называли гаданием по внутренностям.

Маура повернулась к Джейн:

– Мы сравниваем два набора внутренностей. Это профессор Гай Джибсон. А это детектив Риццоли, отдел по расследованию убийств.

Профессор Джибсон безразлично кивнул Джейн и снова вернулся взглядом к внутренностям, которые явно казались ему гораздо более привлекательными.

– Профессор по какой дисциплине? – спросила Джейн, по-прежнему стоя вдали от стола. От запаха.

– Сравнительная анатомия. Гарвард, – ответил он, не глядя на нее, сосредоточившись на содержимом сосуда. – Этот второй набор внутренностей – тот, что с сигмовидной кишкой, – насколько я понимаю, принадлежит жертве? – спросил он у Мауры.

– Похоже, что так. Рассеченные края совпадают, но нам нужно провести анализ ДНК, чтобы быть уверенными.

– Если мы теперь обратимся к легким, то я могу указать на некоторые вполне очевидные ниточки.

– Ниточки, которые ведут куда? – спросила Джейн.

– Они ведут к тому, кому принадлежал первый комплект легких. – Джибсон взял одну пару легких, подержал их секунду, потом положил и поднял второй комплект. – Размеры близкие, и я предполагаю, что приблизительно равными были массы тела.

– Судя по водительским правам жертвы, в нем было росту пять футов и восемь дюймов, а веса сто сорок фунтов.

– Что ж, возможно, это его легкие, – сказал Джибсон, глядя на легкие, которые держал в руках. Потом он положил их и взял другую пару. – Вот эти легкие интересуют меня куда больше.

– И что в них такого интересного?

– А вы посмотрите, детектив. Только вам нужно подойти поближе.

Подавляя тошноту, Джейн приблизилась к мясницкому набору потрохов, разложенных на столе. Отделенные от своих владельцев, эти внутренности казались Джейн одинаковыми, состоящими из тех же взаимозаменяемых деталей, какие были и у нее. Она вспомнила постер «Видимая женщина», висевший в классе биологии, – на нем были показаны органы в их анатомическом месте. Уродливая или прекрасная, каждая женщина представляла собой набор органов в оболочке из плоти и костей.

– Вы видите разницу? – спросил Джибсон. Он показал на первый комплект легких. – У левого легкого верхняя доля и нижняя доля. У правого есть верхняя, нижняя и еще срединная. Что это дает нам в сумме?

– Пять, – ответила Джейн.

– Это обычная человеческая анатомия. Два легких, пять долей. А теперь посмотрите на другую пару, найденную в том же мусорном бачке. Она приблизительно такого же размера и веса, но тут есть существенная разница. Вы ее видите?

Джейн нахмурилась:

– Здесь больше долей.

– Чтобы быть точным, две лишние доли. У правого легкого – четыре, у левого – три. Это не анатомическая аномалия. – Он помолчал. – А значит, эта пара легких принадлежит не человеку.

– Почему я и позвала профессора Джибсона, – пояснила Маура. – Чтобы он помог мне понять, с каким видом мы тут имеем дело.

– Это какое-то крупное животное, – сказал Джибсон. – Размером, я бы сказал, с человека, если судить по сердцу и легким. Теперь посмотрим, найдем ли мы ответ в печени. – Он перешел к дальнему концу стола, где рядом лежали две печени. – У первого образца есть правая и левая доли. Квадратная доля и хвостатая доля…

– Вот эта – человеческая, – сказала Маура.

– А другой образец… – Джибсон взял вторую печень, перевернул, чтобы рассмотреть противоположную сторону. – У нее шесть долей.

Маура взглянула на Джейн:

– И опять – не человеческая.

– Значит, у нас имеется два комплекта внутренних органов, – подытожила Джейн. – Один, как мы предполагаем, принадлежит убитому. А другой… кому? Оленю? Свинье?

– Ни тому и ни другому, – сказал Джибсон. – Судя по отсутствию сигмовидной кишки и наличию шестидольной печени, я предполагаю, что эти внутренности принадлежат члену семейства Felidae.

– Что означает…

– Семейство кошачьих.

Джейн посмотрела на печень:

– Похоже, довольно крупная киска.

– Семейство кошачьих обширно, детектив. В него входят львы, тигры, пумы, леопарды и гепарды.

– Но на месте преступления не было обнаружено никаких кошачьих туш.

– А в холодильнике вы проверяли? – спросил Джибсон. – Не нашли мяса, которое не смогли идентифицировать?

Джейн издала нервный смешок:

– Мы не нашли никаких тигриных стейков. Да и кто бы их стал есть?

– Я знаю, что существует рынок экзотических продуктов. Чем необычнее, тем лучше. Люди готовы платить за обед из чего угодно – от гремучей змеи до медведя. Вопрос в том, откуда взялось это животное. Велась ли охота на законных основаниях. И почему, черт побери, его выпотрошили в бостонском доме?

– Он был таксидермистом, – сказала Джейн и посмотрела на тело Леона Готта, лежащее на соседнем столе. Маура уже поработала скальпелем и медицинской пилой, и в стоящем поблизости ведерке с консервантом спал мозг Готта. – Он, вероятно, выпотрошил сотни, а может, тысячи животных. Видимо, даже не подозревал, что кончит как они.

– Вообще-то, таксидермисты работают с телами совсем иначе, – сказала Маура. – Я поискала вчера вечером и узнала, что таксидермисты, имеющие дело с большими животными, предпочитают не потрошить их перед снятием шкуры, потому что телесные жидкости могут испортить мех. Первое рассечение они делают вдоль позвоночника, снимают шкуру одним целым. Так что удаление внутренностей должно было происходить после снятия шкуры.

– Очаровательно, – подхватил Джибсон. – Я этого не знал.

– У вас есть доктор Айлз. У нее в голове полно всяких забавных фактов, – сказала Джейн. Она кивком показала на тело Готта: – Если уж мы заговорили о фактах, ты выяснила причину смерти?

– Кажется, да, – сказала Маура, стягивая окровавленные перчатки. – Обширные повреждения лицевой части и шеи, нанесенные животными, затрудняли выявление прижизненных травм. Но рентгенограмма позволила получить некоторые ответы. – Она подошла к экрану компьютера, прощелкала ряд рентгеновских изображений. – Никаких посторонних предметов, ничего, что указывало бы на применение огнестрельного оружия, не обнаружилось. Но вот что я нашла. – Она показала на изображение черепа. – Повреждение очень незначительное, поэтому я не выявила его пальпацией. Продольная трещина теменной кости. Череп и волосы жертвы, возможно, несколько смягчили удар, и поэтому мы не выявили деформации при осмотре, но наличие трещины говорит о значительной силе удара.

– Значит, это не следствие падения.

– В этой части головы редко образуются трещины в результате падения. Тут амортизатором служит плечо. Или же человек выставляет руки. Нет,

я склонна думать, что это следствие удара по голове. Сила удара была такова, что он потерял сознание и упал.

– Но остался жив?

– Да. Хотя под мозговой оболочкой в черепной коробке имеется небольшое количество крови, этот удар не мог быть смертельным. И еще это свидетельствует о том, что после удара сердце продолжало работать. По крайней мере еще несколько минут он был жив.

Джейн посмотрела на тело, ставшее теперь всего лишь пустым вместилищем, лишенным внутренней начинки.

– Ужас. Только не говори мне, что он был еще жив, когда его начали потрошить.

– Нет, я не считаю, что причиной смерти стала эвисцерация[9]. – Маура щелкнула несколько раз мышкой, листая снимки черепа. Наконец на мониторе появились две новые картинки. – Вот что его убило.

На экране белели шейные кости Готта: вид позвоночника спереди и сбоку.

– Здесь мы имеем трещины и смещение передних рогов щитовидного хряща и подъязычной кости. А также обширный разрыв дыхательного горла. – Маура помолчала, потом добавила: – Его горло раздробили, вероятнее всего, пока он лежал ничком. Сильным ударом, возможно нанесенным ногой в ботинке. Точно по щитовидному хрящу. Разорвали дыхательное горло и надгортанный хрящ, повредили важные сосуды. Все это стало ясно, когда я делала вскрытие шеи. Мистер Готт умер от аспирации, захлебнулся собственной кровью. Отсутствие брызг артериальной крови на стенах свидетельствует о том, что эвисцерация имела место после смерти.

Джейн молчала, вперившись в экран. Насколько проще было смотреть на бесстрастную рентгенограмму, чем на то, что лежало на столе. Рентгеновские лучи удачным образом не замечали кожи и плоти, оставляя лишь бескровную архитектуру – балки и перекладины человеческого тела. Джейн думала о том, каким должен быть человек, чтобы вот так вот взять и ударить ногой в ботинке по человеческой шее. И о том, что чувствовал убийца, когда от его удара рвались хрящи, а из глаз Готта уходила жизнь. Что он чувствовал – ярость? Собственное всесилие? Удовлетворение?

– И еще одно, – сказала Маура, переходя к другой картинке, снимку груди. При том, как было изуродовано тело, удивительно было видеть

вполне нормальную костную структуру, ребра и грудинную кость именно в тех местах, где они и должны быть. Но грудная полость была причудливо пуста, там отсутствовали обычные нечеткие очертания сердца и легких. – Вот это, – сказала Маура.

Джейн подошла ближе.

– Эти слабые царапинки на ребрах?

– Да. Я обратила на них внимание еще вчера. Три параллельных надреза. Такие глубокие, что уходят в кость. А теперь посмотри сюда. – Маура вывела на экран другой снимок: лицевые кости, впавшие глазницы и нечеткие очертания пазух.

Джейн нахмурилась:

– Опять эти три царапины.

– На обеих сторонах лица, до самой кости. Три параллельные отметины. Я не разглядела их из-за повреждений мягких тканей, нанесенных домашними животными. Только на рентгеновских снимках и увидела.

– Каким инструментом это сделано?

– Не знаю. В мастерской я не видела ничего, чем бы это можно было сделать.

– Ты сказала вчера, что это вроде посмертные повреждения.

– Да.

– Так в чем их смысл, если не в том, чтобы убить или причинить боль?

Маура задумалась.

– Ритуал, – сказала она.

На несколько секунд в помещении воцарилось молчание. Джейн вспоминала другие места преступлений, другие ритуалы. Она подумала о шрамах, навсегда оставшихся на ее руках, – сувениры от убийцы, у которого были собственные ритуалы, – и почувствовала, как снова заныли эти шрамы.

Она чуть не подпрыгнула, когда раздался звонок интеркома.

– Доктор Айлз? – зазвучал голос секретаря Мауры. – Вам звонит доктор Миковиц. Он говорит, что вы отправили ему утром послание через коллегу.

– Да, конечно. – Маура взяла телефон. – Говорит доктор Айлз.

Джейн снова принялась разглядывать рентгенограмму, параллельные отметины на скулах. Попыталась представить, чем они могли быть нанесены. Ни она, ни Маура не видели прежде никаких пригодных для этого инструментов.

Маура повесила трубку и повернулась к доктору Джибсону.

– Вы абсолютно правы, – сказала она. – Это был Суффолкский зоопарк. В воскресенье Леону Готту доставили тело Ково.

– Постой, – вмешалась Джейн. – Ково – это что еще за зверь такой?

Маура показала на неидентифицированные внутренности на прозекторском столе:

– Это и есть Ково. Снежный барс, или снежный леопард.

7

– Ково был одним из самых популярных наших животных. Он прожил в зоопарке почти восемнадцать лет, и мы с болью сердечной решили усыпить его. – Доктор Миковиц говорил приглушенным голосом скорбящего члена семьи, и, судя по многочисленным фотографиям на стенах кабинета, Суффолкский зоопарк и в самом деле был его семьей. Доктор Миковиц, с похожими на проволоку рыжими волосами и жидкой козлиной бородкой, сам напоминал обитателя зоопарка, словно являя собой какой-то экзотический вид обезьяны с мудрыми темными глазами, устремленными на сидевших по другую сторону стола Джейн и Фроста. – Мы еще не выпустили пресс-релиз об этом событии, а поэтому я даже вздрогнул, когда доктор Айлз спросила, не было ли у нас потерь в коллекции крупных кошек. Откуда, черт возьми, она могла узнать об этом?

– Доктор Айлз большой спец в вынюхивании скрытой информации, – сказала Джейн.

– Да, она и в самом деле застала нас врасплох. Должен сказать, это весьма чувствительная материя.

– Смерть животного? Почему?

– Потому что пришлось делать эвтаназию. Это всегда вызывает негативную реакцию. А Ково был очень редким животным.

– И когда это случилось?

– Утром в воскресенье. Смертельную инъекцию ему сделал наш ветеринар доктор Оберлин. У Ково уже некоторое время плохо работали почки, и он сильно похудел. Доктор Роудс перевел его на содержание в клетке, чтобы избавить от стресса пребывания на публике. Мы надеялись, что вытащим его, но в конечном счете доктор Оберлин и доктор Роудс пришли к мнению, что Ково неизлечим и эвтаназия необходима, хотя это сильно опечалило их обоих.

– Доктор Роудс тоже ветеринар?

– Нет, Алан – специалист по поведению крупных кошек. Он знал Ково лучше, чем кто-либо другой. Именно он и доставил тело Ково таксидермисту.

Раздался стук в дверь, и доктор Миковиц поднял глаза:

– Ага, вот и Алан.

Титул «Специалист по крупным кошкам» вызывал в воображении образ жесткого, крепкого человека в охотничьей одежде. На мужчине, который вошел в кабинет, и в самом деле была одежда защитного цвета, пыльные брюки и флисовая куртка в многочисленных потеках, словно он только что вернулся из турпохода, но ничего особенно жесткого в приятном, открытом лице Роудса не обнаружилось. Ему было около сорока, под непокорными темными волосами угадывалась угловатая голова франкенштейновского монстра, но выглядел он вполне дружелюбно.

– Извините, опоздал, – сказал Роудс, отряхивая пыль с брюк. – У нас происшествие в загоне для львов.

– Надеюсь, ничего серьезного? – спросил доктор Миковиц.

– Кошки не виноваты. Это все дети, черт бы их подрал. Какой-то мальчишка решил показать, какой он крутой, – перебрался через наружное ограждение и свалился в ров. Пришлось мне вытаскивать его оттуда.

– Господи боже. Нам не предъявят иск за недолжное исполнение обязанностей?

– Сомневаюсь. Никакой реальной опасности он не подвергался, и я думаю, это было так унизительно, что ни одной живой душе он об этом

не скажет. – Роудс вымученно улыбнулся Джейн и Фросту. – Еще один веселый день с дебильными гуманоидами. У львов, по крайней мере, есть здравый смысл.

– Это детектив Риццоли и детектив Фрост, – представил их Миковиц.

Роудс протянул им мозолистую руку:

– Доктор Алан Роудс. Я биолог, занимаюсь живой природой, специализируюсь на поведении животных в естественных условиях. Сфера моих интересов – все кошки, большие и маленькие. – Он посмотрел на Миковица. – Так они нашли Ково?

– Не знаю, Алан. Они только что вошли, и мы еще толком не разговаривали.

– Нам это необходимо знать. – Роудс перевел взгляд на Джейн и Фроста. – Мех животного быстро портится после смерти. Если его тут же не обработать, он теряет свою ценность.

– А сколько сейчас стоит шкура снежного барса? – спросил Фрост.

– Если принять во внимание, что число их ничтожно? – Роудс покачал головой. – Я бы сказал, что она бесценна.

– И поэтому вы хотели сделать чучело животного?

– Чучело – некрасивое слово, – поморщился Миковиц. – Мы хотели, чтобы Ково остался во всей своей красе.

– Поэтому вы отвезли его к Леону Готту.

– Чтобы он обработал шкуру, смонтировал. Мистер Готт – один из лучших таксидермистов в стране. Был.

– Вы были лично знакомы с ним? – спросила Джейн.

– Я знаю только его репутацию.

Джейн взглянула на специалиста по крупным кошкам:

– А вы, мистер Роудс?

– Я впервые увидел его, когда мы с Деброй привезли Ково к нему в дом, – сказал Роудс. – Утром, услышав об этом убийстве, я был потрясен. Ведь мы только в воскресенье общались с ним.

– Расскажите мне об этом дне. Что видели, что слышали в доме.

Роудс посмотрел на Миковица, словно ожидая подтверждения того, что должен отвечать на эти вопросы.

– Продолжайте, Алан, – попросил Миковиц. – Это же, в конце концов, расследование убийства.

– Хорошо. – Роудс глубоко вздохнул. – В воскресенье утром Грег… доктор Оберлин, наш ветеринар, усыпил Ково. По договору мы должны были немедленно доставить труп таксидермисту. Ково весил больше сотни фунтов, поэтому мне понадобилась помощь, и Дебра Лопес, одна из наших сотрудниц, помогла мне. Поездка оказалась довольно грустной. Я работал с этой кошкой двенадцать лет, и между нами существовала некая связь. Это звучит безумно, потому что на самом деле доверять леопарду нельзя. Даже леопард, которого вы считаете ручным, вполне может вас убить, а Ково для этого точно хватило бы сил. Но я никогда не чувствовал с его стороны угрозы. От него не исходило ни малейшей агрессии. Он словно понимал, что я – друг.

– В котором часу вы приехали в дом мистера Готта в воскресенье?

– Около десяти утра, кажется. Мы с Деброй сразу же занесли Ково внутрь, потому что шкуру нужно снимать как можно скорее.

– Долго ли вы беседовали с мистером Готтом?

– Провели у него какое-то время. Он был рад возможности поработать со снежным барсом. Это чрезвычайно редкое животное – у него их прежде не бывало.

– Вам не показалось, что его что-то тревожит?

– Нет. Он был только рад такой неожиданной возможности. Мы занесли Ково в его гараж, потом он пригласил нас в дом – показать свою работу за многие годы. – Роудс покачал головой. – Я знаю, он гордился ею, но мне стало грустно. Всех этих прекрасных животных убили, чтобы сделать чучела. Правда, ведь я биолог.

– Я не биолог, но мне это тоже показалось грустным, – вставил Фрост.

– Это их культура. Большинство таксидермистов к тому же и охотники, и они не понимают, почему кто-то против того, что они делают. Мы с Деброй проявили вежливость. Из его дома мы вышли около одиннадцати, и это все. Не знаю, что еще могу сообщить. – Он перевел взгляд с Джейн на Фроста. – Так что насчет шкуры? Мне важно знать, нашли ли вы ее, потому что она стоит сумасшедших денег для…

– Алан, – перебил его Миковиц.

Они переглянулись, и оба замолчали. На несколько секунд воцарилось молчание – пауза была столь многозначительна, словно замигала лампочка тревожной сигнализации: «Что-то случилось. Они пытаются что-то скрыть».

– Для кого она стоит сумасшедших денег? – спросила Джейн.

Миковиц ответил слишком поспешно:

– Для всех. Эти животные чрезвычайно редкие.

– Насколько редкие? Нельзя ли точнее?

– Ково был снежным барсом, – сказал Роудс. – Panthera unica из горных районов Центральной Азии. У них мех гуще и бледнее, чем у африканского леопарда, и в мире их осталось меньше пяти тысяч. Они как призраки – одинокие, выследить их трудно, и их количество с каждым днем сокращается. Ввоз шкур барса запрещен. В нашей стране запрещена даже продажа их шкур, новых или старых. На открытом рынке их невозможно ни купить, ни продать. Вот почему так важно знать, что случилось. Вы нашли шкуру Ково?

Джейн не стала отвечать на вопрос – она задала другой:

– Вы что-то говорили о договоре, доктор Роудс.

– Что?

– Вы сказали, что доставили Ково таксидермисту согласно договору. Что вы имели в виду?

Роудс и Миковиц избегали ее взгляда.

– Джентльмены, идет расследование убийства, – сказала Джейн. – Мы так или иначе выясним это, и я не советовала бы портить со мной отношения.

– Скажите им, – пробормотал Роудс. – Им нужно знать.

– Если произойдет утечка этой информации, нам конец, Алан.

– Скажите им.

– Ну хорошо, хорошо. – Миковиц посмотрел на Джейн несчастным взглядом. – В прошлом месяце мы получили предложение, от которого

не смогли отказаться. Предложение от потенциального благотворителя. Он знал, что Ково болен и, скорее всего, будет усыплен. В обмен на цельное, не тронутое тлением тело животного он предлагал зоопарку внушительную сумму.

– Что значит «внушительную»?

– Пять миллионов долларов.

Джейн уставилась на него:

– Неужели снежный барс стоит таких денег?

– Для данного конкретного благотворителя – да. Это обоюдовыгодное предложение. Ково в любом случае обречен. Мы получаем немалые средства, которые позволяют нам оставаться на плаву, а благотворитель – редкий экземпляр для своей охотничьей комнаты. Он поставил одно условие: это соглашение должно оставаться в тайне. И назвал своим таксидермистом Леона Готта, потому что он – один из лучших. Я думаю, они были знакомы. – Миковиц вздохнул. – Поэтому я не хотел упоминать об этом. Эта договоренность – дело тонкое. Она может выставить нас в неверном свете.

– Потому что вы продаете редких животных тем, кто предлагает наивысшую цену?

– Я с самого начала был против, – сказал Роудс Миковицу. – Я говорил, что это еще обернется против нас. Теперь публичность обеспечена – будем хлебать дерьмо ложками.

– Слушайте, если все останется в тайне, мы сможем соблюсти договор. Мне только нужно знать, что шкура в целости и сохранности. Что с ней обращаются надлежащим образом, что с ней все в порядке.

– К сожалению, не могу вас успокоить, доктор Миковиц, – сказал Фрост. – Шкуры мы не нашли.

– Что?

– В доме Готта нет шкуры барса.

– Вы хотите сказать, что она… украдена?

– Мы не знаем. Просто ее там нет.

Ошарашенный Миковиц осел на своем стуле, как сдувшийся шарик.

– Боже мой, все пошло прахом. Теперь нам придется вернуть деньги.

– А кто ваш благотворитель? – спросила Джейн.

– Эта информация не может распространяться. Общество не должно знать.

– Кто он?

На ее вопрос ответил Роудс с нескрываемым презрением в голосе:

– Джерри О’Брайен.

Джейн и Фрост удивленно переглянулись.

– Вы имеете в виду того самого Джерри О’Брайена? С радио? – спросил Фрост.

– Наше собственное бостонское Хайло О’Брайен. Что, по-вашему, будут чувствовать наши посетители, любящие животных, если узнают, что мы заключили сделку с этим радиоклоуном? С типом, который хвастается охотничьими сафари по Африке? Который разглагольствует о том, какое удовольствие получает, уложив слона? Да у него одна цель – прославление этого кровавого развлечения. – Роудс с отвращением фыркнул. – Если бы несчастные животные могли отстреливаться…

– Иногда, Алан, приходится заключать сделки с дьяволом, – сказал Миковиц.

– Ну, теперь сделка отменяется. Нам нечего ему предложить.

Миковиц застонал:

– Это катастрофа.

– Разве я этого не предсказывал?

– Вам легко говорить! Вас волнуют только ваши чертовы кошки. А я отвечаю за выживание всего заведения.

– Да, в этом преимущество работы с кошками. Я знаю, что им нельзя доверять. И они не пытаются убедить меня в обратном.

Роудс посмотрел на экран зазвонившего мобильника. И почти сразу же распахнулась дверь и в кабинет влетела секретарша:

– Доктор Роудс! Вас там ждут немедленно!

– Что еще случилось?

– В вольере леопарда происшествие. Один из смотрителей… им нужно оружие!

– Нет. Нет!

Роудс вскочил со стула и выбежал из кабинета.

Джейн понадобилась секунда, чтобы принять решение. Она бросилась вслед за Роудсом. Когда она сбежала по лестнице и выскочила на улицу, Роудс был далеко впереди: он несся мимо испуганных посетителей зоопарка. Джейн пришлось прибавить скорость, чтобы догнать его. Она свернула по дорожке и уперлась в плотную людскую стену у вольера леопарда.

– Господи, – выдохнул кто-то. – Она что, мертва?

Джейн протиснулась сквозь толпу к ограждению. Поначалу за решеткой она увидела только вольер с зеленью и искусственными камнями. Потом что-то шевельнулось за ветками, хотя разглядеть, что это, было почти невозможно. Наконец она заметила за каменистой кромкой хвост – животное судорожно помахивало им.

Джейн двинулась в сторону, пытаясь найти место, с которого ей лучше было бы видно леопарда. И, лишь дойдя до самого края вольера, она увидела кровь – ленточку крови, яркую и поблескивающую, струящуюся по камню. Чуть выше на каменном уступе лежала человеческая рука. Женская. Леопард, присевший над жертвой, смотрел прямо в глаза Джейн, словно бросая ей вызов: ну-ка попробуй отнять у меня добычу.

Джейн подняла оружие и замерла с пальцем на спусковом крючке. Не попадет ли жертва под ее огонь? Джейн не могла видеть, что происходит за кромкой камня, не могла даже знать, жива ли еще женщина.

– Не стреляйте! – раздался крик доктора Роудса из задней части клетки. – Я заманю его в спальную клетку.

– У нас нет времени, Роудс. Мы должны вытащить оттуда женщину!

– Я не хочу, чтобы его убили.

– А что насчет женщины?

Роудс застучал по прутьям решетки:

– Рафики, мясо! Иди сюда! Иди в спальню!

«Ну его к черту!» – подумала Джейн и снова подняла оружие. Зверь был как на ладони – стреляй прямо в голову. Опасность, что пуля попадет в женщину, существовала, но, если ее не вытащить оттуда в ближайшую минуту, она все равно погибнет. Держа пистолет обеими руками, Джейн прицелилась и стала медленно нажимать на крючок. Но выстрелить не успела – рядом раздался звук другого выстрела.

Леопард упал и свалился с камня в кусты.

Мгновение спустя светловолосый мужчина в униформе зоопарка бросился через вольер к камням.

– Дебби! – крикнул он. – Дебби!

Джейн огляделась в поисках входа в вольер и заметила сбоку дорожку с надписью: «Только для персонала». Она побежала по ней вокруг вольера и наткнулась на распахнутую дверь.

Войдя внутрь, она увидела лужицу свернувшейся крови рядом с ведром и брошенными на полу граблями. Кровь пятнала бетонный пол зловещей цепочкой отметин, в которых виднелись отпечатки кошачьих лап. След вел к искусственным камням в задней части клетки.

У основания этих камней Роудс и светловолосый человек склонились над телом женщины, которое они стащили с уступа.

– Дыши, Дебби, – умоляюще проговорил светловолосый. – Пожалуйста, дыши.

– Я не чувствую пульса, – сказал Роудс.

– Где «скорая»? – Светловолосый в панике оглянулся. – Нам нужна «скорая»!

– Ее уже вызвали. Но, Грег, я думаю, тут уже ничего…

Светловолосый положил обе ладони на грудь женщины и принялся надавливать резкими отчаянными движениями, пытаясь заново запустить ее сердце.

– Помоги мне, Алан. Делай дыхание «рот в рот». Это нужно делать одновременно!

– Боюсь, мы опоздали, – сказал Роудс. Он тронул светловолосого за плечо. – Грег…

– Иди ты в задницу, Алан! Я тогда сам!

Он прижался губами к бледным губам женщины, вдохнул в нее воздух, потом снова стал массировать сердце. Глаза женщины уже стекленели.

Роудс посмотрел на Джейн и отрицательно покачал головой.

8

В последний раз Маура посещала Суффолкский зоопарк в теплый летний уик-энд, когда на дорожках было полно детей, облизывающих тающее мороженое, и молодых родителей с детскими колясками. Но в этот прохладный ноябрьский день зоопарк был пугающе безлюден. В птичьем вольере мирно прихорашивались фламинго. По дорожкам расхаживали павлины, и их не тревожили вспышки камер и любопытные малыши. Как хорошо было бы походить по зоопарку в одиночестве, постоять у каждого вольера! Но сегодня ее призвала сюда смерть, и получать удовольствие было не время. Служительница зоопарка в камуфляжной одежде быстро провела ее мимо клеток с приматами к вольерам диких собак. На территорию хищников. Сопровождающая, молодая женщина по имени Джен – блондинка с волосами, перехваченными на затылке резинкой, и с хорошим загаром, – была бы вполне на месте в каком-нибудь документальном фильме, снятом «Нэшнл джиографик».

– После этого несчастья мы закрыли зоопарк, – сказала Джен. – Целый час выпроваживали посетителей. До сих пор не могу поверить, что случилось такое. Никогда прежде ничего подобного не было.

– Давно вы здесь работаете? – спросила Маура.

– Почти четыре года. Я еще девчонкой мечтала работать в зоопарке. Пыталась поступить в ветеринарный колледж, но не хватило баллов. И все же я занимаюсь тем, что нравится. Свою работу нужно любить, ведь не только ради денег этим занимаешься.

– Вы знали погибшую?

– Да, у нас дружный коллектив. – Она покачала головой. – Не могу понять, как Дебби могла так ошибиться. Доктор Роудс всегда нас предупреждал, что с Рафики нужно быть осторожным. «Никогда не становитесь к нему спиной. Никогда не доверяйте леопарду», – это он нам говорил. И я считала, что он преувеличивает.

– А не страшно работать рядом с крупными хищниками?

– Раньше было не страшно. Но теперь я переменила мнение. – Дорожка сделала поворот, и Джен сказала: – Здесь это случилось.

Эта информация была излишней: мрачные лица людей у вольера подсказали Мауре, что она добралась до места назначения. В этой группе стояла и Джейн Риццоли, которая отделилась от других и подошла к Мауре.

– Одно из тех дел, какие тебе вряд ли захочется видеть снова, – сказала Джейн.

– Ты расследуешь эту смерть?

– Нет, собиралась уже уходить. Судя по всему, это несчастный случай.

– А что именно произошло?

– Похоже, жертва убирала в клетке, когда кошка напала на нее. Видно, женщина забыла запереть спальную клетку, и зверь выбрался в главную часть вольера. Когда я здесь появилась, все уже было кончено. – Джейн покачала головой. – Напоминание о том, какое место мы занимаем в пищевой цепочке.

– Что это за кошка?

– Африканский леопард. Один крупный самец.

– Его заперли?

– Убили. Доктор Оберлин – вон тот блондин – пытался обезвредить его с помощью шприц-ружья, но дважды промахнулся, и ему пришлось пристрелить леопарда.

– Значит, можно войти без опаски.

– Да, но там целое море крови. – Джейн посмотрела на свои запачканные кровью туфли и покачала головой: – А они мне так нравились. Ну ладно. Позвоню тебе попозже.

– Кто меня туда проводит?

– Я думаю, Алан Роудс.

– Кто это?

– Здешний специалист по крупным кошкам. – Джейн повернулась к группе людей, собравшихся у клетки. – Доктор Роудс! Пришла доктор Айлз из офиса коронера. Она должна увидеть тело.

Темноволосый человек, откликнувшийся на ее зов, явно все еще не пришел в себя после случившегося. На его форменных брюках были кровавые пятна, а попытка улыбнуться не могла скрыть тревоги на его лице. Он машинально протянул Мауре руку, потом понял, что пальцы испачканы кровью, и опустил.

– Сожалею, что вам придется это увидеть, – сказал он. – Вам, наверно, не привыкать ко всяким ужасам, но это какой-то запредельный кошмар.

– Я никогда не имела дело с жертвами нападения крупных кошек, – сказала Маура.

– У меня тоже первый случай. И хорошо бы последний. – Он вытащил ключ на колечке. – Я проведу вас через служебную территорию. Там дверь в вольер.

Маура помахала Джейн на прощание и пошла за Роудсом между живыми изгородями по дорожке, над которой висело предупреждение: «Только для персонала». Дорожка шла между соседствующими вольерами и вела к тыльной части, недоступной для посетителей.

Роудс отпер ворота:

– Здесь мы пройдем по клетке-ловушке. Тут есть две калитки – в начале и в конце. Одна ведет в вольер, открытый для обозрения публики, а другая – в спальное помещение.

– Почему она называется клеткой-ловушкой?

– У нее есть опускная дверь, которую мы используем при ветеринарных осмотрах животного. Когда зверь заходит туда, мы опускаем решетку, и он оказывается запертым. Там его легко вакцинировать или ввести в плечо другие лекарства. Минимальный стресс для животного и максимальная безопасность для персонала.

– Через эту клетку и вошла жертва?

– Ее звали Дебра Лопес.

– Извините. Миз Лопес так и вошла в вольер?

– Это не единственный вход. Есть еще отдельный вход в спальное помещение, где животное проводит время, когда зоопарк закрыт для посетителей.

Они зашли в клетку, Роудс закрыл за ними дверь, и они оказались в очень узком проходе.

– Как видите, двери в обоих концах. Прежде чем войти в любое из этих пространств, вы должны убедиться, что животное заперто в противоположной секции. Это главное правило техники безопасности зоопарка: ты всегда должен знать, где находится кошка. В особенности Рафики.

– Он был опаснее других?

– Каждый леопард потенциально опасен, в особенности Panthera pardus, африканский леопард. Они меньше львов или тигров, но при этом бесшумные, непредсказуемые и сильные. Леопард может затащить на дерево тушу, вес которой больше его собственного. Рафики был в расцвете сил и очень агрессивен. Он содержался один, потому что напал на леопардиху, которую мы планировали разместить в этом же вольере. Дебби знала, как он опасен. Мы все знали.

– Почему же она так ошиблась? Она была новичком?

– Дебби проработала здесь минимум лет семь, так что дело тут определенно не в недостатке опыта. Но даже опытные смотрители за животными иногда проявляют неосторожность. Забывают удостовериться, заперто ли животное, забывают проверить защелку на дверях. Грег сказал мне, что, когда он пришел сюда, дверь в ночное помещение была широко распахнута.

– Грег?

– Доктор Грег Оберлин, наш ветеринар.

Маура уставилась на дверь ночного помещения:

– Защелка неисправна?

– Я ее проверял. И детектив Риццоли тоже. Она в рабочем состоянии.

– Доктор Роудс, не могу себе представить, чтобы опытный смотритель оставил открытой дверь в клетку с леопардом.

– Я знаю, в это трудно поверить. Но могу вам показать целый список подобных случаев с крупными кошками. Это случалось в зоопарках по всему миру. В девяностые годы зафиксировано более семисот происшествий только в Штатах. Погибло двадцать два человека. В прошлом году в Германии и Соединенном Королевстве тигры убили опытных смотрителей. В обоих случаях они просто забыли запереть ворота. Людей что-то отвлекает. Или они проявляют беспечность. Или начинают верить, что кошки – их друзья и не могут им повредить. Я все время повторяю персоналу: никогда не доверяйте крупным кошкам.

Никогда не поворачивайтесь к ним спиной. Это вам не домашние кошечки.

Маура подумала о сером коте, которого взяла и любовь которого пыталась завоевать дорогими сардинами и плошками сметаны. Он был всего лишь еще одним своенравным хищником и объявил Мауру личной прислугой. Будь он на сотню фунтов тяжелее, он наверняка смотрел бы на нее не как на друга, а как на сочный кусок мяса. Можно ли вообще доверять кошкам?

Роудс отпер внутреннюю дверь, ведущую в вольер, доступный для обозрения.

– Вот так Дебби и вошла, – сказал он. – Мы обнаружили много крови рядом с ведром и шваброй – вероятно, леопард напал на нее, когда она занималась утренней уборкой.

– В какое время это могло случиться?

– Около восьми или девяти. Зоопарк открывается для посетителей в девять. Прежде чем выпустить Рафики в вольер, его кормят в спальном отсеке.

– Тут есть камеры наблюдения?

– К сожалению, нет, так что у нас нет записи происшествия или того, что ему предшествовало.

– А как насчет душевного состояния жертвы… Дебры? У нее не было депрессии? Ничто ее не беспокоило?

– То же самое спрашивала и детектив Риццоли. Не было ли это самоубийством с помощью кошки. – Роудс покачал головой. – Нет, она была положительной, оптимистичной женщиной. Не могу представить, чтобы она совершила самоубийство, что бы ни происходило в ее жизни.

– А в ее жизни что-то происходило?

Он помолчал, задержав руку на двери.

– Разве в человеческой жизни не происходит что-то постоянно? Я знаю, она недавно разорвала отношения с Грегом.

– То есть с доктором Оберлином? Ветеринаром?

Роудс кивнул:

– Мы с Дебби говорили об этом в воскресенье, когда возили Ково таксидермисту. Она не выглядела слишком расстроенной по этому поводу. Скорее… испытывала облегчение. Я думаю, Грег переживал сильнее. Это не облегчало его жизнь, потому что они оба работали здесь и видели друг друга по меньшей мере раз в неделю.

– Они ладили?

– Насколько мне известно. Детектив Риццоли говорила с Грегом – он в полном отчаянии. И прежде чем вы зададите очевидный вопрос… Грег был далеко от этого вольера, когда случилось несчастье. Он сказал, что прибежал на крики.

– Крики Дебби?

На лице Роудса появилось страдальческое выражение.

– Сомневаюсь, что она успела произвести хоть один звук. Кричал кто-то из посетителей. Женщина увидела кровь и стала звать на помощь. – Он распахнул дверь в вольер. – Она лежит сзади, около камней.

Маура сделала всего три шага в вольер и остановилась, пораженная свидетельствами кровавой расправы. Это было то, что Джейн описала как «море крови». Кровью были забрызганы листья, лужицы свернувшийся крови застыли на цементной дорожке. Артериальные брызги виднелись во всех направлениях – последние, отчаянные усилия сердца жертвы.

Роудс посмотрел на перевернутое ведро и грабли:

– Она, вероятно, даже не увидела, как он появился.

В человеческом теле пять литров крови, и Дебби Лопес именно здесь потеряла ее всю. Кровь еще не успела полностью свернуться, когда другие ступали на нее, – Маура заметила множество отпечатков подошв и размазанной крови по бетону.

– Если он напал на нее здесь, то зачем тащил в вольер? – спросила она. – Почему не стал пожирать там, где убил?

– Потому что у леопарда инстинкт – охранять добычу. В дикой природе на нее претендовали бы падальщики. Львы и гиены. Поэтому леопарды затаскивают добычу наверх, где никто не достанет.

Пятна крови показывали путь леопарда, тащившего человека – свою добычу, плоть – по бетонной дорожке. След вел к отдаленной части вольера. У основания массивного искусственного камня лежало тело,

укрытое зеленоватым одеялом. Рядом распростерся леопард с открытой пастью.

– Он затащил тело на вершину, – сказал Роудс. – Мы отнесли ее вниз – делали искусственное дыхание.

Маура посмотрела на камень и увидела засохшую на камне струйку крови.

– Он затащил ее туда, на самый верх?

Роудс кивнул:

– Вот такие они сильные. Они могут затащить на дерево тяжеленную антилопу. Инстинкт гонит их вверх, и они оставляют добычу на ветвях, где могут гурманствовать без помех. Именно это он и собирался сделать, когда Грег его пристрелил. Дебби к тому времени уже была мертва.

Маура натянула перчатки и, присев, стянула одеяло с убитой. Одного взгляда на шею жертвы было достаточно, чтобы понять: выжить у нее не было ни малейшего шанса. В наступившей внезапно тишине она смотрела на раздавленную гортань, на обнаженную трахею, на шею, разорванную настолько, что голова откинулась назад, почти отделенная от тела.

– Вот так они это и делают, – сказал срывающимся голосом Роудс, глядя в сторону. – Сама природа создала кошек как идеальную машину для убийства, и они сразу вгрызаются в горло. Они ломают позвонки, вскрывают яремную вену и сонную артерию. Но по крайней мере, прежде чем начать пожирать добычу, они убеждаются, что она мертва. Говорят, это быстрая смерть. Обескровливание.

«Недостаточно быстрая». Маура представила себе мгновения перед смертью Дебби Лопес, когда кровь из разорванной сонной артерии хлестала ручьем. Она попадала и в разорванную трахею жертвы, заполняла легкие. Быстрая смерть – да, но последние секунды ужаса и удушья этой несчастной могли показаться вечностью.

Маура натянула одеяло на лицо женщины и занялась леопардом. Это было великолепное животное, с широкой грудью, роскошным мехом, отливающим матовым блеском в солнечных лучах, что пробивались сквозь листву. Маура взглянула на острые как бритва зубы и представила, с какой легкостью они вонзились в горло женщины. Ее пробрала дрожь, она поднялась и сквозь прутья вольера увидела команду, прибывшую из морга.

– Она любила эту кошку, – сказал Роудс, глядя на Рафики. – Когда он родился, она выкармливала его из бутылочки, как ребенка. Я думаю, она и представить себе не могла, что он сделает с ней такое. Это-то ее и убило. Она забыла, что он – хищник, а мы – добыча.

Маура стащила с рук перчатки:

– Семью поставили в известность?

– У нее мать в Сент-Луисе. Наш директор доктор Миковиц уже ей позвонил.

– Моему офису понадобится ее контактная информация. Для договоренностей о похоронах после вскрытия.

– А вскрытие необходимо?

– Причина смерти кажется очевидной, но всегда есть вопросы, на которые нужно дать ответы. Почему она совершила эту роковую ошибку? Возможно, причиной стали наркотики, алкоголь или какие-то проблемы со здоровьем.

Роудс кивнул:

– Конечно. Я об этом даже не подумал. Но я буду потрясен, если вы найдете наркотики. Это никак не отвечало бы моим представлениям о женщине, которую я знал.

«О той женщине, которую вы считали, что знаете, – подумала Маура, выходя из клетки. – У каждого человека на этой земле есть тайны». Она подумала о собственных, так тщательно хранимых тайнах, о том, как вздрогнули бы коллеги, узнав о них. Даже Джейн, которая знала ее лучше, чем кто-либо другой.

Команда из морга закатила носилки в вольер, а Маура остановилась на дорожке и попыталась понять, что могли видеть посетители зоопарка. Места, где леопард атаковал жертву, отсюда видно не было – оно находилось за стеной, а кустарник мешал разглядеть, как леопард тащил тело. Но зато отлично просматривалась вершина, куда леопард затащил свою добычу, и она была четко отмечена зловещим следом крови, стекавшей с камней.

Неудивительно, что люди начали кричать.

По коже Мауры побежали мурашки, будто от хищника холодком повеяло. Она повернулась и огляделась вокруг. Увидела, что доктор Роудс занят разговором с обеспокоенными администраторами зоопарка.

Увидела двух смотрителей за животными, спорящих друг с другом. Никто не смотрел на Мауру, никто даже вроде бы не замечал ее присутствия. Но ее не покидало ощущение, что за ней наблюдают.

Наконец она увидела его сквозь прутья ближайшего вольера: бурая шерсть была почти невидима на фоне песочного цвета камней, возле которых он сидел на задних лапах, мощные мускулы напряжены перед прыжком. Он безмолвно следил за потенциальной добычей, не отрывая от нее глаз. Только от нее.

Маура посмотрела на табличку, прикрепленную к ограждению: «PUMA CONCOLOR». Пума.

И подумала: «Я тоже никогда не почувствовала бы его приближения».

9

– Джерри О'Брайен – настоящий террорист. Или изображает такового на радио, – сказал Фрост в машине (они ехали на северо-запад, в округ Мидлсекс, за рулем сидела Джейн). – На прошлой неделе во время передачи он поливал грязью маньяков, защищающих права животных. Сравнивал их с травоядными и грызунами и недоумевал, откуда у тупых кроликов столько злобы. – Фрост рассмеялся, открывая аудиофайл на своем ноутбуке. – Вот послушай-ка этот пассаж об охоте.

– Думаешь, он действительно верит в то дерьмо, которое несет в микрофон? – спросила Джейн.

– Кто знает? Так или иначе, это обеспечивает ему аудиторию, потому что он не вылезает из эфира. – Фрост нажал на клавишу. – Эта передача была на прошлой неделе. Послушай:

«Может быть, вы едите курицу или изредка балуете себя стейком. Покупаете его в магазине в аккуратной пластиковой упаковке. С чего вы взяли, что нравственно выше охотника, который поднимается в четыре утра, борется с холодом и усталостью, продираясь сквозь чащу с тяжелым ружьем? Который терпеливо, нередко долгие часы проводит в засаде? Который всю жизнь оттачивает свою меткость? Можете поверить: чтобы попасть в цель, мастерство требуется немалое. И кто на этой созданной Господом зеленой земле смеет покушаться на законное право охотника заниматься древним и почетным делом, кормившим его семью еще на заре человечества? Эти женоподобные снобы, которые без зазрения совести могут съесть стейк с картошкой фри в модном французском ресторане, имеют наглость говорить нам, мужественным охотникам, что мы проявляем жестокость, убивая оленя. Откуда, по их мнению, берется мясо?

Только не напускайте на меня оголтелых вегетарианцев. Эй, вы, любители животных! У вас есть собачка или кошечка? И чем же вы кормите вашего любимого песика или котика? Мясом. Мясом! С таким же успехом вы можете вымещать ваш праведный гнев на Флаффи!»[10]

Фрост нажал «паузу».

– Да, кстати, утром я заехал в дом Готта. Белого кота не видел, но вся еда, которую я вчера оставил, съедена. Я подсыпал новой и поменял наполнитель в лотке.

– Детектив Фрост награждается медалью за любовь к животным.

– Что мы будем с ним делать? Как думаешь, доктор Айлз не возьмет еще одного кота?

– По-моему, она уже жалеет, что и этого-то взяла. Почему бы тебе самому его не взять?

– Я же мужчина.

– И что?

– Странно, когда мужчина заводит кота.

– Это что, лишит тебя мужественности?

– Ну, ты же понимаешь, все дело в образе. Приведу я домой девушку, и что она подумает, когда увидит пушистого белого кота?

– Будто твои золотые рыбки создают о тебе лучшее впечатление. – Она кивнула на его ноутбук. – Что там еще говорит О'Брайен?

– Послушай дальше, – сказал Фрост и нажал «воспроизведение».

«Но нет, эти травоядные грызуны, злобные кролики, питающиеся каждый день зеленью, куда кровожаднее любого хищника. И поверьте, друзья, они дают мне знать о себе. Угрожают подвесить и выпотрошить, как оленя. Угрожают сжечь меня, удушить, раздавить. Вы можете представить, что эти угрозы исходят от вегетарианцев? Друзья мои, бойтесь травоядных. Нет на земле никого опаснее, чем ваши так называемые любители животных».

Джейн посмотрела на Фроста и сказала:

– Может, они еще опаснее, чем он думает.

Притом что его ежедневная передача транслировалась шестью сотнями радиостанций и охватывала аудиторию более чем в двадцать миллионов слушателей, Джерри Хайло О’Брайен мог позволить себе все самое лучшее, и этот факт не вызывал ни малейших сомнений у Джейн и Фроста с того момента, как они проехали мимо будки с охранником на землю О’Брайена. Холмистый пейзаж и пасущиеся на нем лошади напоминали ферму где-нибудь в Виргинии или Кентукки. Этот место, всего в часе езды от Бостона, было неожиданно буколическим. Они проехали мимо пруда, потом поднялись по травянистому склону, на котором тут и там виднелись белые овечки, к основательному бревенчатому дому на вершине холма. Это сооружение с широким крыльцом и массивными столбами больше походило на охотничий дом, чем на жилой.

Едва они подъехали к дому, как услышали первые выстрелы.

– Что за чертовщина? – сказал Фрост.

Они с Джейн одновременно расстегнули кобуру.

Еще несколько выстрелов один за другим, затем – тишина. Слишком долгая тишина.

Джейн и Фрост выскочили из машины и с оружием наготове стали подниматься по ступенькам крыльца, но тут дверь неожиданно распахнулась.

Пухлолицый джентльмен приветствовал их улыбкой столь широкой, что она не могла не быть наигранной. Он увидел два направленных в его грудь «глока» и со смехом произнес:

– Опаньки! В этом нет нужды. Вы, вероятно, детективы Риццоли и Фрост.

Джейн не опустила оружие:

– Мы слышали выстрелы.

– Это всего лишь стрельба по мишени. У Джерри превосходный тир в подвале. Я его личный секретарь Рик Долан. Входите.

Снова раздались выстрелы. Джейн и Фрост переглянулись, потом одновременно убрали пистолеты.

– Похоже, какое-то крупнокалиберное оружие, – сказала Джейн.

– Можете посмотреть. Джерри любит показывать свой арсенал.

Они вошли в холл с высоким потолком, где стены из сосны были увешаны индейскими коврами. Долан вытащил из шкафчика наушники и предложил гостям.

– Правила Джерри, – сказал он, тоже надевая пару наушников. – Мальчишкой он слишком часто ходил на рок-концерты, и, как он любит говорить: «Глухота навсегда».

Долан распахнул дверь, отделанную звуконепроницаемым материалом. Джейн и Фрост помедлили, слыша гром выстрелов из подвала.

– Там абсолютно безопасно, – заверил их Долан. – Джерри не поскупился, оборудуя тир. Стены подвала из заполненных песком блоков, потолок – из предварительно напряженного бетона, а поверх еще четыре дюйма стали. Здесь стопроцентно изолированные пулеуловители и подземная вентиляционная система для отвода дыма и газов. Можете не сомневаться: это лучшее из лучших. Вы должны посмотреть.

Джейн и Фрост надели наушники и пошли вслед за ним вниз по лестнице.

В ярком свете флуоресцентных ламп спиной к ним стоял Джерри О’Брайен. На нем была разномастная одежда – синие джинсы и яркая гавайская рубашка, щедро драпирующая его бочкообразный торс цветастой тканью. Он не сразу повернулся к гостям – был сосредоточен на цели, силуэте человека, в который произвел несколько выстрелов подряд. Только опустошив магазин, он повернулся к Джейн и Фросту.

– Ага, бостонская полиция прибыла. – О’Брайен стащил с головы наушники. – Добро пожаловать в мой маленький райский уголок.

Фрост оглядел ряд пистолетов и винтовок, лежащих на столе:

– Ух ты! Ну и коллекция!

– Можете поверить, все оружие легальное. Ни одного магазина больше чем на десять патронов. Все оружие хранится в надежном сейфе, у меня есть разрешение на право ношения оружия. Можете проверить у начальника местной полиции. – Он взял другой пистолет и протянул Фросту. – Это мой любимый. Хотите попробовать, детектив?

– Нет, спасибо.

– Неужели ничуточки не хочется? Возможно, в ближайшее время вам больше не представится возможности пострелять из такого красавца.

– Мы приехали поговорить с вами о Леоне Готте, – сказала Джейн.

О'Брайен посмотрел на нее:

– Детектив Риццоли, верно? А вас оружие интересует?

– Когда оно мне требуется.

– Вы охотитесь?

– Нет, сэр.

– И никогда не охотились?

– Только на людей. Это увлекательнее, ведь они отстреливаются.

О'Брайен рассмеялся:

– Вот это девушка в моем вкусе. Не то что мои бывшие женушки, черт бы их подрал. – Он вытащил магазин, проверил, не осталось ли патронов в патроннике. – Что ж, давайте я расскажу вам о Леоне. Он бы не сдался без сопротивления. Будь у него хоть малейший шанс, он бы вышиб этому ублюдку мозги. – О'Брайен посмотрел на Джейн. – Так был у него хоть малейший шанс?

– У него была сильная глухота?

– А это здесь при чем?

– На нем не было слухового прибора.

– А-а. Тогда картинка другая. Он не услышал бы, даже если бы к нему лось поднимался по лестнице.

– Судя по всему, вы неплохо его знали.

– Достаточно хорошо, чтобы доверять ему как охотнику. В прошлом году он одним выстрелом уложил такого красавца-буйвола! Ни секунды не промедлил. Не моргнул. Если отправляешься с человеком на охоту, ты должен его хорошо знать. Знать, не болтун ли он, который на самом деле ничего не умеет. Можешь ли ты доверять ему настолько, чтобы повернуться к нему спиной. Хватит ли ему духу не дрогнуть перед атакующим слоном. Леон продемонстрировал себя в деле, и я его уважал. Я не о многих людях могу сказать такое. – О'Брайен положил

пистолет на стол и посмотрел на Джейн. – Давайте поговорим об этом наверху. Кофе у меня готов круглосуточно, семь дней в неделю, если хотите. – Он кинул ключи своему секретарю. – Рик, будь добр, запри все это. Мы будем в берлоге.

О'Брайен шел впереди в своей яркой рубашке-парашюте, медленно, трудно ступая по лестнице. Когда они добрались до холла, он тяжело дышал. Он сказал, что поведет гостей в берлогу, но комната, где они оказались, вовсе не напоминала место обитания медведя или пещеру первобытного человека – напротив, это было двусветное помещение с массивными дубовыми балками и камином из плитняка. Куда бы ни посмотрела Джейн, повсюду были чучела животных – таксидермистское, так сказать, подтверждение мастерства О'Брайена-охотника. Коллекция Леона Готта изумила Джейн, но, когда она вошла в эту комнату, у нее челюсть отвисла.

– И все это ваши трофеи? – спросил Фрост.

– Почти все, – ответил О'Брайен. – Некоторые из этих животных на грани исчезновения, и охота на них запрещена, поэтому мне пришлось добыть их старинным способом. Раскошелиться. Вот, например, дальневосточный леопард. – Он показал на кошачью голову с одним сильно порванным ухом. – Ему, вероятно, лет сорок, и теперь таких уже не найти. Я заплатил большие деньги одному коллекционеру за этот жалкий экземпляр.

– И какой в этом смысл? – спросила Джейн.

– У вас в детстве никогда не было игрушечных зверьков? Ну хотя бы плюшевого мишки?

– Мне не нужно было стрелять в моего плюшевого мишку.

– Этот дальневосточный леопард – мой плюшевый мишка. Я хотел иметь такого, потому что это эффективный хищник. Прекрасный. Беспощадный. Сама природа создала его как машину для убийства. – Он показал на стену с трофеями, ряд голов, ощетинившихся клыками. – Время от времени я охочусь на оленя, потому что нет ничего вкуснее оленины. Но больше всего я ценю тех животных, которые меня пугают. Хотел бы я заполучить бенгальского тигра. И этот снежный барс – мне его тоже очень хотелось приобрести. Жаль, черт побери, что шкура пропала. Для меня она имела большую ценность. И уж точно она имела ценность для того сукина сына, который убил Леона.

– Вы думаете, это мотив убийства? – спросил Фрост.

– Конечно. Вам, полиции, нужно теперь приглядывать за черным рынком, и если эта шкура там всплывет, то преступник у вас в кармане. Я буду рад помочь вам. Это мой гражданский долг и мой долг перед Леоном.

– Кто знал, что он работает со снежным барсом?

– Много народа. Очень немногие таксидермисты могут похвастаться тем, что работали с таким редким животным. Он раззвонил об этом на всех охотничьих форумах в Интернете. Крупные кошки всегда нас очаровывают. Животные, которые могут нас убить. Про себя лично могу это сказать. – Он окинул взглядом свои трофеи. – Так я отдаю им дань уважения.

– Вывешивая их головы у себя на стене?

– Это ничуть не хуже того, что сделали бы со мной они, будь у них хоть малейший шанс. Закон джунглей, детектив. Собаки пожирают собак, естественный отбор. – Он оглядел свою берлогу – король, делающий смотр подданным. – Убивать – это заложено в нашей природе. Люди не хотят этого признавать. Если я здесь пристрелю из рогатки белку, можете не сомневаться, что соседи, эти любители мюслей, поднимут жуткий вой. Одна сумасшедшая соседка требовала, чтобы я упаковал вещички и убрался, к чертям, в Вайоминг.

– Почему бы и нет? – заметил Фрост.

О’Брайен рассмеялся:

– Нет, я предпочитаю оставаться тут, буду для них как гвоздь в подошве. Да и с какой стати я должен уезжать? Я вырос в Лоуэлле, здесь неподалеку. Дерьмовенький такой район рядом с мельницей. Я остаюсь здесь, потому что это напоминает мне, какой путь я прошел. – Он подошел к шкафчику с напитками и откупорил бутылку виски. – Позвольте вам предложить?

– Нет, сэр, – ответил Фрост.

– Да, я понимаю. Служебные обязанности и все такое. – Он налил себе в стакан на два-три пальца. – У меня есть бизнес, поэтому мне приходится устанавливать правила. И я установил, что коктейльный час начинается в три.

Фрост подошел поближе к стене с хищниками и стал разглядывать чучело леопарда. Оно размещалось на ветке дерева: тело сгруппировано, словно кошка готовится к прыжку.

– Это африканский леопард?

О’Брайен повернулся со стаканом в руке:

– Да. Застрелил его несколько лет назад в Зимбабве. Леопарды хитрые. Ведут одинокий и скрытный образ жизни. Если леопард притаился на ветвях, он может застать вас врасплох. Это не самая крупная кошка, но ей хватит силы затащить вас на дерево. – Он пригубил виски, глядя на животное восторженным взглядом. – Этого по моему заказу делал Леон. Можете судить о качестве его работы. А еще он сделал вот этого льва и того гризли. Хороший был специалист. Но не дешевый. – О’Брайен подошел к цельному чучелу пумы. – Это его первая работа для меня. Лет пятнадцать назад. Она как живая, я до сих пор иногда вздрагиваю, когда вижу ее в темноте.

– Значит, Леон был вашим товарищем по охоте и вашим таксидермистом, – сказала Джейн.

– Не каким-нибудь таксидермистом. Его работы вошли в легенду.

– Мы видели статью о нем в «Хаб мэгэзин». «Мастер охотничьих трофеев».

О’Брайен рассмеялся:

– Ему эта статья понравилась. Повесил ее в рамочке на стене.

– Эту статью много комментировали в Интернете. Там было и несколько довольно нелицеприятных высказываний об охоте.

О’Брайен пожал плечами:

– Ну, это в порядке вещей. Я тоже получаю угрозы. Люди, что звонят во время программы, хотят забить меня палками, как свинью.

– Да, я слышал некоторые из этих звонков, – сказал Фрост.

Голова О’Брайена мотнулась, словно бульдог услышал сверхзвуковой свисток.

– Вы слушаете мои передачи?

Он как будто ждал, что Фрост ответит: «Конечно слушаю! Мне нравится ваша передача, я ваш большой поклонник!» Человек, который жил на такую широкую ногу, так ярко, человек, который с удовольствием мог выставить средний палец любому, кто его презирал, – этот человек жаждал признания.

– Расскажите нам о людях, которые вам угрожали, – попросила Джейн.

О’Брайен рассмеялся:

– Моя передача достигает многих ушей, и некоторым не нравится то, что я говорю.

– Какие-то угрозы вас обеспокоили? Скажем, исходящие от противников охоты.

– Вы видели мой арсенал. Пусть попробуют сунуться.

– У Леона Готта тоже был арсенал.

Он замер со стаканом виски у рта. Потом опустил стакан и нахмурился:

– Вы думаете, что это был какой-то чокнутый из числа любителей животных?

– Мы рассматриваем разные гипотезы. Поэтому хотим услышать обо всех угрозах, которые вы получаете.

– О каких? Стоит мне открыть рот, и немедленно какая-нибудь категория слушателей выходит из себя.

– Кто-нибудь из них говорил, что хотел бы подвесить вас и выпотрошить?

– О да, это уже оскомину набило. Хотелось бы уже, чтобы она выдумала что-нибудь новенькое.

– Она?

– Одна из идиоток, что звонит регулярно. Сюзи… фамилию не помню. Звонит все время. «У животных есть душа! Люди – вот настоящие дикари!» Бла-бла-бла.

– Кто-нибудь еще угрожал вам подобным образом? Грозил повесить и выпотрошить?

– Да, и это почти всегда женщины. Расписывают всякие кровавые подробности, как это умеют только женщины. – Он замолчал, внезапно осознав смысл вопроса Джейн. – Вы хотите сказать, что это и произошло с Леоном? Его выпотрошили?

– Вы не могли бы отследить, от кого исходят эти угрозы? Когда в следующий раз кто-то позвонит в таком духе, дайте нам детализацию телефонных звонков.

О'Брайен посмотрел на секретаря, который только что вошел в комнату:

– Рик, ты можешь этим заняться? Добудь им имена и телефоны.

– Конечно, Джерри.

– Но я не могу представить, чтобы кто-то из этих городских сумасшедших воплотил в жизнь свои угрозы, – сказал О'Брайен. – Они просто шлепают верхней губой по нижней.

– Я бы относилась серьезно к любой угрозе, – возразила Джейн.

– Не сомневайтесь, я отношусь к ним чертовски серьезно. – Он поднял подол своей широкой рубахи и показал «глок» в поясной кобуре. – Какой смысл получать разрешение на ношение оружия, если ты его не носишь, верно?

– Леон что-нибудь говорил об угрозах в его адрес? – спросил Фрост.

– Ничего такого, что бы его обеспокоило.

– А враги? Коллеги или члены семьи, которым его смерть могла быть выгодна?

О'Брайен задумался, вытянув губы в трубочку. Он снова взял стакан с виски и несколько секунд смотрел на него.

– Единственный член семьи, о котором он когда-либо говорил, – это его сын.

– Тот, что умер.

– Да. Он много про него рассказывал во время нашей последней поездки в Кению. Сидишь у костра с бутылочкой виски, разговариваешь обо всем на свете. Настреляешь дичи, поешь мяса буша, поговоришь под звездами. Для мужчин это самое главное. – Он взглянул на своего секретаря. – Верно я говорю, Рик?

– Вы сами все сказали, Джерри, – ответил Долан, аккуратно наполняя стакан босса.

– А женщин в этих путешествиях не бывает? – спросила Джейн.

О’Брайен посмотрел на нее как на сумасшедшую:

– Зачем губить совершенно идеальное время? Женщины всегда все портят. – Он кивнул. – О присутствующих речь не идет. У меня было четыре жены, и они до сих пор сосут из меня кровь. У Леона тоже был никудышный брак. Жена ушла с их единственным сыном, настроила парня против отца. Это разбило Леону сердце. Даже когда эта сучка умерла, парень из кожи вон лез, чтобы насолить отцу. Вот почему я рад, что у меня нет детей. – Он отхлебнул виски. – Черт, мне будет его не хватать. Как я могу поспособствовать поиску этого ублюдка?

– Продолжайте отвечать на наши вопросы.

– Я у вас не числюсь в подозреваемых?

– А есть основания?

– Ладно-ладно, без шуток. Задавайте ваши вопросы.

– В Суффолкском зоопарке говорят, что вы согласились пожертвовать им пять миллионов долларов в обмен на снежного барса.

– Совершенно верно. Я им сказал, что чучело должен делать только один таксидермист – Леон.

– Когда вы в последний раз говорили с мистером Готтом?

– Он позвонил в воскресенье – сообщил, что снял шкуру с барса и выпотрошил его. Спрашивал, не нужна ли нам туша.

– В какое время это было?

– Около полудня. – О’Брайен помолчал. – Да бросьте вы, ребята, у вас же наверняка есть данные от оператора. Вы знаете про этот звонок.

Джейн и Фрост раздраженно переглянулись. Несмотря на запрос оператору о телефонных разговорах Готта, они так до сих пор и не получили детализацию. Полиция ежедневно отправляла тысячи таких запросов по всей стране, и телефонным компаниям требовались дни, а то и недели, чтобы дать ответ.

– Значит, он спросил вас о туше, – сказал Фрост. – А что потом?

– Я приехал и забрал ее, – ответил секретарь О’Брайена. – Был дома у Леона около двух часов, загрузил тушу в пикап и привез прямо сюда.

– Зачем? То есть я хочу понять, вы ведь не собирались есть барса?

– Я по крайней мере один раз пробую всякое мясо, – сказал О’Брайен. – Черт побери, да если мне предложат, я попробую и сочную отбивную из человечинки. Но я бы не стал есть мясо животного, начиненное средством для эвтаназии. Мне нужен был скелет. Когда Рик привез тушу, мы вырыли яму и закопали ее. Дадим ей несколько месяцев, пусть мать-природа и черви сделают свое дело, а у меня останутся кости для чучела.

Вот почему они нашли только внутренние органы барса, сообразила Джейн. Потому что туша уже была здесь, у О’Брайена, начала разлагаться в могиле.

– Вы разговаривали с мистером Готтом, когда приезжали к нему в воскресенье? – спросила Джейн у Долана.

– Почти нет. Он беседовал с кем-то по телефону. Я подождал несколько минут, но он лишь нетерпеливо от меня отмахнулся. Тогда я взял тушу и уехал.

– С кем он говорил?

– Не знаю. Слышал только, что он хочет больше фотографий Эллиота в Африке. «Все, что есть», – сказал он.

– Эллиота? – Джейн посмотрела на О’Брайена.

– Это его покойный сын, – пояснил тот. – Я уже упоминал, что в последнее время он много говорил об Эллиоте. Это случилось шесть лет назад, но мне кажется, его все сильнее мучило чувство вины.

– А почему Леон испытывал чувство вины?

– Потому что почти не общался с сыном после развода. Как говорил Леон, его бывшая жена воспитала из парня неженку. Он связался с какой-то чокнутой девчонкой из Общества защиты прав животных, наверное, лишь для того, чтобы позлить отца. Леон пытался поддерживать с ним связь, но сын не горел любовью к отцу. И потому, когда Эллиот умер, для Леона это стало большим потрясением. У него от сына только и осталась одна фотография. Висела у него в доме. Одна из последних фотографий Эллиота.

– А как Эллиот умер? Вы сказали, это случилось шесть лет назад.

– Парень взял в свою глупую голову, что ему непременно нужно съездить в Африку. Он хотел посмотреть животных, прежде чем их уничтожат такие охотники, как я. Интерпол говорит, что он познакомился с двумя девицами в Кейптауне и они втроем отправились в Ботсвану на сафари.

– И что случилось?

О’Брайен допил виски и посмотрел на Джейн:

– Их больше никогда и не видели.

10

Ботсвана

Джонни вонзает кончик ножа в брюхо антилопы и через шкуру и плоть добирается до жировой оболочки, в которой находятся внутренние органы. Всего минуту назад он свалил это животное одним точным выстрелом, и теперь, когда он потрошит антилопу, я смотрю, как стекленеют ее глаза, словно смерть дохнула на них холодным туманом, заволокла их дымкой. Джонни действует со сноровистой ловкостью охотника, которому не впервой свежевать тушу. Одной рукой он раскрывает брюхо, другой отводит внутренние органы в сторону от ножа, чтобы случайно не разрезать их и не загрязнить мясо. Работа эта ужасная, но в то же время требующая точности и умения. Миссис Мацунага с отвращением отворачивается, но остальные глаз не могут оторвать. Для этого мы и приехали в Африку: наблюдать жизнь и смерть в буше. Сегодня нас ждет ужин из жареного антилопьего мяса, и цена нашей еды – смерть этого животного, которого потрошит Джонни. Над теплой тушей поднимается запах крови, дух настолько сильный, что повсюду вокруг нас приходят в движение падальщики. Мне кажется, я их слышу – они подбираются ближе, шурша травой.

Над нами, как всегда, кружат хищные птицы.

– В кишках полно бактерий, поэтому я их удаляю, чтобы не испортить мясо, – поясняет Джонни, не прекращая работать. – И помимо всего прочего, легче будет тащить тушу. Ничто не пропадет, все будет съедено. Падальщики вычистят все, что мы оставим. Лучше сделать это здесь, чтобы не привлекать их в лагерь.

Он вскрывает грудную клетку, чтобы извлечь сердце и легкие. Несколькими движениями ножа разрезает трахею и крупные сосуды, и органы выходят из груди, как новорожденный из чрева, скользкие и покрытые кровью.

– Боже мой, – стонет Вивиан.

Джонни смотрит на нее:

– Вы ведь едите мясо, правда?

– После того, что я видела? Не знаю, смогу ли.

– Я думаю, мы все должны это видеть, – говорит Ричард. – Мы должны знать, откуда берется наша пища.

Джонни кивает:

– Совершенно верно. Наш долг, долг хищников, состоит в том, чтобы знать, как на нашем столе появляется стейк. Выследить животное, убить. Выпотрошить, освежевать. Мужчины – охотники, и мы занимались этим с начала времен.

Он извлекает из таза мочевой пузырь и матку, потом берет горсть внутренностей и швыряет их в траву.

– Современные мужчины не знают, что такое выживать. Они приходят в супермаркет, раскрывают бумажник и платят за стейк. Но смысл мяса совсем в другом. – Он встает, опустив обнаженные руки, перемазанные кровью, и смотрит на выпотрошенную антилопу. – Вот в чем смысл.

Мы стоим вокруг добычи, наблюдаем, как последние капли крови вытекают из нутра туши. Выброшенные внутренности уже начинают высыхать на солнце, и число хищных птиц в небе увеличивается, они горят желанием наброситься на вызревающую мертвечину.

– Смысл мяса, – говорит Эллиот. – Никогда не думал об этом так.

– В буше ты понимаешь свое истинное место в этом мире, – говорит Джонни. – Здесь вы имеете возможность вспомнить, кто вы есть на самом деле.

– Животные, – бормочет Эллиот.

Джонни кивает:

– Животные.

Это то, что я вижу, оглядывая вечером сидящих у костра. Кружок кормящихся животных, вгрызающихся зубами в мясо жареной антилопы. Прошел всего день, как мы застряли в этом глухом уголке Африки, но мы уже успели деэволюционировать в наши прежние, дикие ипостаси самих себя: едим руками, жир стекает по нашим подбородкам, наши лица в черных пятнах от обуглившегося жира. По крайней мере, мы можем не бояться, что умрем здесь с голоду, – буш кишит мясом

копытных и крылатых. Джонни со своим ружьем и ножом прокормит нас.

Он сидит в тени вне нашего кружка, смотрит, как мы едим. Жаль, я не могу понять выражение его лица – оно закрыто для меня сегодня вечером. Как он смотрит на нас – с презрением? Бестолковые клиенты, беспомощные, как птенцы, которым нужно класть пищу в рот. Может быть, он винит нас в смерти Кларенса? Он подбирает пустую бутылку виски, которую выкинула Сильвия, и кладет в брезентовый мешок, куда мы складываем мусор, чтобы не оставлять его где попало, – Джонни настаивает на этом. Таким образом мы демонстрируем уважение к земле. Мешок с мусором уже позвякивает пустыми бутылками, но опасность вскоре остаться без выпивки нам не грозит. У миссис Мацунаги аллергия на алкоголь, Эллиот пьет мало, а Джонни, кажется, полон решимости не прикасаться к алкоголю, пока нас не вызволят отсюда.

Он возвращается к костру и, к моему удивлению, садится рядом.

Я смотрю на него, но его глаза прикованы к огню. Он тихо говорит:

– Вы хорошо справляетесь с ситуацией.

– Правда? Я так не думала. Считала, что не очень.

– Спасибо вам за помощь сегодня. Снять шкуру с антилопы, разрубить тушу – это немало. Вы в буше как дома.

Я смеюсь, услышав эти слова:

– Я-то как раз и не хотела сюда ехать. Хотела горячий душ и настоящий туалет. Это путешествие – демонстрация моей верности мужчине.

– Вы поехали, чтобы угодить Ричарду.

– Кому же еще?

– Надеюсь, это произвело на него впечатление.

Я скашиваю глаза на Ричарда, но он не смотрит на меня. Он слишком занят – болтает с Вивиан; ее футболочка в обтяжку не оставляет сомнений, что бюстгальтера на ней нет. Я снова перевожу взгляд на огонь:

– Продвинуться в жизни только и можно, угождая мужчине.

– Ричард сказал, что вы продаете книги.

– Да, управляю книжным магазином в Лондоне. В реальном мире.

– А этот мир нереальный?

Я оглядываю тени вокруг костра:

– Это фантазия, Джонни. Что-то похожее на роман Хемингуэя. Уверена, вскоре это будет описано в одном из триллеров Ричарда. – Я смеюсь. – Не удивляйтесь, если вы там будете изображены негодяем.

– А какая у вас роль в его романах?

Я вглядываюсь в огонь. И задумчиво говорю:

– До недавнего времени я была возлюбленной.

– Теперь уже нет?

– Ничто не остается неизменным, правда?

Нет, теперь я камень на шее. Надоевшая подружка, с которой должен расправиться негодяй, чтобы у героя появилась новая возлюбленная. Я все знаю о том, как делаются мужские триллеры, потому что продаю эти романы бессчетному количеству бледных, рыхлых мужчин, каждый из которых мнит себя Джеймсом Бондом.

Ричард знает, как разбудить их фантазии, потому что сам их разделяет. Даже сейчас, когда он протягивает руку с серебряной зажигалкой, чтобы дать прикурить мистеру Мацунаге, он изображает из себя утонченного героя. Джеймс Бонд никогда бы не позволил себе чиркнуть обычной спичкой.

Джонни берет палку и ворошит костер, заталкивает бревно поглубже в огонь.

– Для Ричарда это, возможно, только фантазия. Но у этой фантазии настоящие зубы.

– Вы, конечно, правы. Это не фантазия. Это сущий кошмар.

– Значит, вы правильно понимаете ситуацию, – бормочет он.

– Я понимаю, что все изменилось. Это больше не развлечение. – После паузы я добавляю: – И мне страшно.

– Не надо бояться, Милли. Быть внимательной – да. Но не бояться. Возьмите такой город, как Йоханнесбург, – вот где страшно. Но здесь? –

Он качает головой и улыбается. – Здесь все пытается выжить. Поймите это, и тогда вам станет ясно, что и вы заняты тем же.

– Вам легко говорить. Вы выросли в этом мире.

Он кивает:

– У моих родителей была ферма в провинции Лимпопо. Каждый день, выходя в поле, я проходил мимо леопардов – они сидели на деревьях и глядели на меня. Я познакомился со всеми ими. А они – со мной.

– И ни один из них ни разу на вас не напал?

– Мне хочется думать, что у нас – у меня с леопардами – было соглашение. И это было уважение между хищниками. Но это не означает, что мы доверяли друг другу.

– Я бы боялась выйти из дома. Здесь столько возможностей умереть. Львы. Леопарды. Змеи.

– У меня ко всем им здоровое уважение, потому что я знаю, на что они способны. – Он усмехается, глядя в огонь. – Когда мне было четырнадцать, меня укусила гремучая змея.

Я смотрю на него:

– И вы еще улыбаетесь?

– Это случилось исключительно по моей вине. Мальчишкой я коллекционировал змей. Ловил их и держал в разных контейнерах у себя в спальне. Но как-то раз оказался слишком самоуверенным, и змея меня укусила.

– Господи Исусе. Что же случилось потом?

– К счастью, это был сухой укус, без яда. Но это научило меня тому, что беззаботность наказуема. – Он печально покачал головой. – Хуже всего, что мать заставила меня выпустить моих змей.

– Не могу поверить, что она вообще позволила вам их собирать. Или что она позволяла вам выходить из дома, когда рядом леопарды.

– Но это именно то, что делали наши предки, Милли. Мы все оттуда. Какая-то ваша часть, древняя глубинная память в вашем мозгу, признает этот континент своим домом. – Он тихонько протягивает руку и прикасается к моему лбу. – Так вы здесь и выживаете, глубоко погружаясь в эти древние воспоминания. Я помогу вам их найти.

Внезапно я замечаю, что Ричард смотрит на нас. Джонни тоже чувствует это, и на его лице мгновенно появляется широкая улыбка.

– Дичь, приготовленная на костре, – есть ли что-нибудь вкуснее, а? – громко спрашивает он.

– Она гораздо нежнее, чем я предполагал, – говорит Эллиот, облизывая пальцы. – У меня такое чувство, будто я вхожу в контакт с первобытным человеком, живущим во мне.

– Что, если вы с Ричардом разделаете следующую добычу, когда я ее пристрелю?

У Эллиота испуганный вид.

– Э-э, я?

– Вы видели, как это делается. – Джонни смотрит на Ричарда. – Как по-вашему, сможете?

– Конечно сможем, – говорит Ричард, в упор глядя на Джонни.

Я сижу между ними, и хотя Ричард бо́льшую часть трапезы не замечал меня, теперь он кладет руку мне на плечи, словно заявляя права собственности. Словно видит в Джонни соперника, готового меня похитить.

При этой мысли мое лицо заливает румянец.

– Да что говорить, мы все готовы взяться за дело. Можем начать прямо сегодня – приступим к дежурству. – Он протягивает руку к винтовке, которая всегда рядом с Джонни. – Не можете же вы не спать всю ночь.

– Но ты никогда не стрелял из такого ружья, – говорю я.

– Научусь.

– Ты не считаешь, что это Джонни должен решать?

– Нет, Милли, я не считаю, что, кроме него, никто не может контролировать оружие.

– Что ты делаешь, Ричард? – шепчу я.

– Такой же вопрос я мог бы задать и тебе.

Взгляд, которым он удостаивает меня, радиоактивен. Все у костра замолкают, и в тишине мы слышим далекие вопли гиен, пожирающих брошенные нами внутренности антилопы.

– Я уже попросил Исао заступить сегодня ночью на второе дежурство.

Ричард удивленно смотрит на мистера Мацунагу:

– Почему его?

– Он хорошо разбирается в оружии. Я его проверил.

– Я первый снайпер в нашем токийском стрелковом клубе, – говорит мистер Мацунага, гордо улыбаясь. – Когда вы хотите, чтобы я заступил на дежурство?

– Я разбужу вас в два часа, Исао, – говорит Джонни. – Так что ложитесь спать пораньше.

Ярость в нашей палатке похожа на какого-то зверя, на монстра со сверкающими глазами, который готовится к прыжку. И видит этот монстр только меня, жертву, в меня он готов вонзить когти, и я говорю с ним тихим, спокойным голосом, надеясь, что когти не вцепятся в меня и эти глаза выгорят сами по себе. Но Ричард не позволяет ярости затихнуть.

– Что он тебе говорил? О чем вы ворковали, как два голубка? – вопрошает он.

– А о чем, по-твоему? Как нам продержаться эту неделю!

– Ага, значит, речь о выживании?

– Да.

– А Джонни крупный специалист по выживанию, и именно поэтому мы оказались в заднице.

– Ты винишь в этом его?

– Он сам продемонстрировал, что ему нельзя доверять. Но ты, конечно, ничего не видишь. – Он смеется. – Знаешь, для этого есть название. Это называется «охотничья лихорадка».

– Как?

– Это когда женщины влюбляются в проводников по бушу. Им достаточно увидеть мужчину в одежде охотника, и они тут же ложатся под него.

Это самое наглое оскорбление, какое он мог придумать, но я беру себя в руки, потому что никакие его слова теперь меня оскорбить не могут.

– Знаешь, что я о тебе поняла? Ты настоящий сукин сын.

– По крайней мере, это не я хочу трахаться с африканским проводником.

– А откуда ты знаешь, что я с ним уже не трахалась?

Он поворачивается на бок, спиной ко мне. Я знаю: ему не меньше, чем мне, хотелось бы выскочить куда-нибудь из палатки, но выходить наружу небезопасно. В любом случае идти нам некуда. Я могу только отодвинуться как можно дальше от него и молчать. Я больше не знаю, кто этот человек. Что-то в нем изменилось, произошла какая-то трансформация, пока я смотрела в другую сторону. И это сделал буш. Ричард стал мне чужим. А может, он всегда был чужим. Я как-то читала про жену, которая лишь через десять лет узнала, что ее муж – серийный убийца. «Как она могла этого не видеть?» – спрашивала я себя, читая ту статью.

Но теперь я понимаю, как это могло произойти. Я лежу в палатке с человеком, которого знаю четыре года и которого, как мне казалось, я любила, и чувствую себя при этом как жена серийного убийцы, узнавшая наконец всю правду о муже.

За стенками палатки я слышу глухой стук, треск, потом костер начинает гореть ярче. Это Джонни подбросил горючего в костер, чтобы отпугивать зверей. Слышал ли он наш разговор? Знает ли, что сам является причиной нашего раздора? Возможно, он сталкивался с этим тысячу раз на других сафари. Пары расходятся, обвиняют друг друга во всех смертных грехах. Охотничья лихорадка. Явление настолько распространенное, что даже заслужило собственное название.

Я закрываю глаза, и перед моим мысленным взором появляется образ. Джонни в высокой траве на рассвете, силуэт его плеч на фоне восходящего солнца. Может быть, эта лихорадка коснулась и меня? Он тот, кто защищает нас, помогает выжить. Когда он увидел антилопу, я стояла рядом с ним, так близко, что увидела, как напряглись мышцы на его руке, поднявшей ружье. Я снова ощущаю нервный трепет при выстреле, словно сама нажала на спусковой крючок, словно сама убила антилопу. Это наша общая добыча, соединившая нас кровью.

Да, Африка изменила и меня.

Я задерживаю дыхание, видя силуэт Джонни за стенкой палатки. Он проходит мимо, и его тень ускользает. Когда я засыпаю, мне снится не Ричард, а Джонни, он стоит в траве, такой высокий и прямой. Джонни, с которым я чувствую себя в безопасности.

До следующего утра, когда я просыпаюсь и узнаю новость: исчез Исао Мацунага.

11

Кейко стоит на коленях в траве и тихо рыдает, покачиваясь туда-сюда, как метроном, определяющий ритм отчаяния. Мы нашли ружье сразу за обтянутым проволокой периметром, но ее мужа пока не нашли. Она понимает, что это значит. Мы все понимаем.

Я стою над Кейко, бессмысленно глажу ее по плечу, потому что не знаю, что еще могу сделать. Я никогда не умела утешать людей. После смерти отца, когда моя мать рыдала в его больничной палате, я только и могла, что гладить ее руку, гладить, гладить, гладить, пока она не закричала: «Прекрати, Милли! Сколько можно!» Я думаю, отчаяние Кейко столь велико, что она даже не ощущает моего прикосновения. Я смотрю на ее склоненную голову и вижу седину у корней черных волос. Со своей бледной, гладкой кожей она казалась намного моложе мужа, но теперь я понимаю, что она вовсе не молода. Что несколько месяцев, проведенных здесь, раскроют ее истинный возраст: черные волосы засеребрятся, кожа потемнеет и покроется морщинами на солнце. Она уже, кажется, сморщивается у меня на глазах.

– Я поищу у реки, – говорит Джонни, подхватывая винтовку. – Все оставайтесь здесь. А еще лучше ждите в машине.

– В машине? – переспрашивает Ричард. – Вы имеете в виду это ведро, которое даже завести не можете?

– Пока вы в машине, вам ничто не грозит. Я не могу искать Исао и одновременно охранять вас.

– Постойте, Джонни, – говорю я. – Разве вам безопасно идти туда одному?

– У него есть это долбаное ружье, Милли, – говорит Ричард. – А у нас ничего.

– Пока он ищет следы, кто-то должен прикрывать его сзади, – замечаю я.

Джонни коротко кивает:

– О’кей, вы мой второй номер, Милли. Будьте рядом.

Я переступаю через проволоку, которой обтянут лагерь по периметру, мой ботинок задевает струну, и раздается звон колокольчика. Такой приятный звук, словно музыка ветра, но здесь это означает вторжение врага, и при этом звуке сердце у меня тревожно ёкает. Я делаю глубокий вдох и иду следом за Джонни в траву.

Я правильно сделала, что пошла за ним. Все его внимание приковано к земле – он ищет следы и вполне может не заметить мелькнувший в траве львиный хвост. Мы идем вперед, и я все время оглядываюсь назад и по сторонам. Трава здесь высокая, мне по пояс, и я думаю об африканской гадюке, о том, что можно наступить на нее и узнать об этом, только когда тебе в ногу вопьются ее клыки.

– Здесь, – тихо говорит Джонни.

Я смотрю на то место, где трава примята, вижу проплешину и след, оставленный чем-то, что протащили по ней. Джонни двигается дальше, ориентируясь по примятой траве.

– Его утащили гиены?

– Не гиены. На сей раз не гиены.

– Откуда вы знаете?

Он не отвечает, идет дальше к рощице. Я узнаю фиговое дерево и хурму. Хотя река мне не видна, я слышу, как она журчит где-то рядом, и думаю о крокодилах. Куда бы вы здесь ни посмотрели – в рощицу, на реку, в траву, – повсюду вас поджидают зубы, и Джонни полагается на меня: я должна их увидеть. Страх обостряет мои чувства, и я замечаю подробности, которых не видела раньше. Прикосновение охлажденного речкой ветерка к моей щеке. Луковый запах свежепримятой травы. Я смотрю, слушаю, обоняю. Мы одна команда – Джонни и я, и я его не подведу.

Внезапно я чувствую в нем какую-то перемену. Дыхание его становится неслышным, он замирает. Он больше не смотрит на землю, он вытянулся во весь рост, расправил плечи.

Я не сразу замечаю ее. Потом прослеживаю за его взглядом – он смотрит на дерево перед нами. Высокое фиговое дерево, великолепный образец с широко распростертыми ветками и густой листвой. На таком дереве построили бы себе дом швейцарские робинзоны[11].

– Вот ты где, – шепчет Джонни. – Такая красавица.

И только тут я ее замечаю: она лежит на одной из верхних веток. Леопардиха почти невидима, она сливается с пятнистой тенью, создаваемой лиственной кроной. Она все время наблюдала за нашим приближением, терпеливо ждала, а теперь смотрит умными глазами, прикидывает свой следующий шаг. А Джонни обдумывает свой. Она лениво помахивает хвостом, но Джонни стоит совершенно неподвижно. Он делает именно то, что советовал нам: «Пусть кошка увидит ваше лицо. Покажите ей, что ваши глаза смотрят вперед, что вы тоже хищник».

Проходит несколько секунд. Мне еще никогда в жизни не было так страшно, и никогда я не ощущала себя настолько живой. Каждое биение сердца отправляет в мозг порцию крови, и она шумит у меня в ушах, как ветер. Леопардиха впилась взглядом в Джонни, а он по-прежнему держит ружье перед собой. Почему он не приставляет приклад к плечу? Почему не стреляет?

– Отходим, – шепчет он. – Исао мы уже ничем не сможем помочь.

– Вы думаете, леопард убил его?

– Я это знаю. – Он еле заметно приподнимает голову. – Верхняя ветка. Слева.

Оно висело там все время, но я не замечала его. Рука свободно свешивается, словно странный фрукт колбасного дерева, пальцы обгрызены. Остального тела Исао не видно за листвой, но угадывается его торс, вклиненный в развилку веток, словно он прилетел с небес и приземлился на дерево, повис, как сломанная игрушка.

– Боже мой, – шепчу я. – Как же мы его оттуда…

– Не двигайтесь.

Леопардиха присела, готовясь к прыжку, задние ноги напряглись, как пружины. Она смотрит на меня, ее глаза впились в мои. Джонни мгновенно вскидывает ружье, но на спусковой крючок не нажимает.

– Чего вы ждете? – шепчу я.

– Отходим. Вместе.

Мы делаем шаг назад. Потом еще один. Леопардиха укладывается на ветку, размахивает хвостом.

– Она всего лишь защищает свою добычу, – говорит Джонни. – Все леопарды так делают: затаскивают жертву на дерево, где она не доступна для других хищников. Посмотрите на мышцы у нее на плечах. И на шее. Вот где настоящая мощь. Эта мощь позволяет леопарду затаскивать на дерево добычу, которая превосходит его по весу.

– Бога ради, Джонни, мы должны спустить его на землю.

– Он уже мертв.

– Мы не можем оставить его там.

– Если мы подойдем ближе, она нападет. А я не хочу убивать леопарда ради того, чтобы достать мертвое тело.

Я помню: как-то он говорил нам, что никогда не убьет крупную кошку. Что он считает их священными животными, слишком редкими, чтобы убивать их по какой бы то ни было причине. Даже если речь идет о спасении собственной жизни. Теперь он подтверждает собственные слова на практике, в то время как тело Исао болтается на дереве и леопардиха охраняет свою еду. Джонни внезапно представляется таким же странным животным, как и те, с которыми я уже встречалась в этих диких местах, человеком, чье уважение к этой земле уходит глубоко, как корни этих деревьев. Я думаю о Ричарде с его «БМВ» цвета синий металлик, кожаной курткой и пилотскими очками – всем тем, что в начале нашего знакомства казалось мне в нем таким мужественным. Но это были лишь побрякушки для украшения манекена. Так это, кажется, называется? Модель человеческого тела, нечто ненастоящее. Кажется, до сегодняшнего дня я знала только манекенов, внешне похожих на мужчин, притворяющихся мужчинами, а на самом деле это просто пластиковые куклы. Я больше нигде не встречу такого мужчину, как Джонни, не встречу в Лондоне и нигде в другом месте, и мое сердце разрывается, когда я думаю об этом. О том, что буду всю жизнь искать и всегда буду возвращаться к этому мгновению, когда я точно знала, какой мужчина мне нужен.

Как знала и то, что он никогда не будет моим.

Я протягиваю к нему руку и шепчу:

– Джонни.

Ружейный выстрел звучит так громко, что я отпрыгиваю назад, словно меня ударили. Джонни стоит недвижимо, как статуя, и его ружье все еще направлено на цель. Наконец, тяжело вздохнув, он опускает оружие.

Склоняет голову, словно молит о прощении здесь, в храме буша, где жизнь и смерть – две половинки одного существа.

– Боже мой, – бормочу я и смотрю на леопардиху, которая лежит убитая всего в двух шагах от меня, явно сраженная в прыжке.

Доля секунды – и когти ее передних лап впились бы в мое тело. Я не вижу пулевого отверстия. Вижу только, как кровь стекает на траву, напитывает горячую землю. Ее шкура отливает матовым блеском – мечта шикарных блудниц, подружек найтсбриджских[12] магнатов, и мне хочется погладить ее, но я понимаю, что это было бы неправильно, смерть все равно не превратила ее в безобидного домашнего котенка. Мгновение назад она могла убить меня и потому заслуживает моего уважения.

– Мы оставим ее здесь, – тихо говорит Джонни.

– Ее сожрут гиены.

– Они все всегда пожирают. – Он делает глубокий вдох и смотрит на фиговое дерево, но взгляд его устремлен куда-то вдаль, словно он видит то, что дальше этого дерева, даже дальше этого дня. – Теперь я смогу спустить его.

– Вы говорили, что никогда не убьете леопарда. Даже ради спасения собственной жизни.

– И не убью.

– Однако этого вы убили.

– Но не ради спасения моей жизни. – Он смотрит на меня. – Ради вашей.

Этой ночью я сплю в палатке миссис Мацунаги, чтобы ей не оставаться одной. Весь день она была почти в ступоре, сидела, обхватив себя руками, бормотала что-то по-японски. Блондинки пытались уговорить ее поесть, но Кейко ничего не ела, только выпила несколько чашек чая. Она удалилась вглубь себя, в какую-то недоступную для других пещеру, и пока это для нас облегчение: она тиха и управляема. Мы не дали ей посмотреть на тело Исао – Джонни снял его с дерева и быстро похоронил.

Но я его видела. Я знаю, как он умер.

– Большие кошки убивают, вцепившись вам в горло, – сказал мне Джонни, роя могилу. Он копал размеренно, лопата врезалась в разогретую солнцем землю. Хотя насекомые досаждали нам, он не отмахивался от них – так был сосредоточен на цели: создании места упокоения для Исао. – Кошка бросается прямо на шею. Она сжимает челюсти на трахее, разрывает артерии и вены. А это ведет к смерти от удушья. Человек захлебывается собственной кровью.

Именно это я и видела, глядя на Исао. Хотя леопард уже начал пиршество, разодрал брюшину и грудь, о последних секундах Исао мне сказала его искалеченная шея. В его легких, когда он пытался вдохнуть воздух, явно булькала кровь.

Кейко эти подробности неизвестны. Она знает только, что ее муж мертв и мы его похоронили.

Я слышу, как она дышит во сне, издает стон отчаяния и снова замолкает. Она почти не двигается – лежит на спине, словно мумия, завернутая в белые пелены. Запах в палатке Мацунага не похож на тот, что в моей. Здесь приятный экзотический аромат, словно одежды пропитаны азиатскими травами; все здесь аккуратно и хорошо организовано. Рубашки Исао, которых он больше никогда не наденет, бережно сложены и убраны в чемодан вместе с золотыми часами, которые мы сняли с руки мертвеца. Все на своем месте, все в гармонии. Так непохоже на нашу с Ричардом палатку, являющую собой образец полной дисгармонии.

Это такое облегчение – быть подальше от него, потому-то я так быстро и вызвалась составить Кейко компанию. Меньше всего я хотела бы спать сегодня рядом с Ричардом. За весь день он едва сказал мне десяток слов. Предпочел проводить время с Эллиотом и блондинками. Эти четверо теперь как будто одна команда, словно мы – участники игры «Выжить в Ботсване» и мое племя противостоит их племени.

Вот только в моем племени больше никого нет, если не считать сломленной бедняжки Кейко… и Джонни. Но Джонни сам по себе, сам себе хозяин, а после убийства леопарда он сам не свой. Он с тех пор почти не говорил со мной.

И вот я, женщина, с которой никто не говорит, лежу в палатке рядом с женщиной, которая сама не говорит ни с кем. И хотя здесь, в палатке, тихо, за ее стенами уже началась ночная симфония с ее малыми флейтами-насекомыми и фаготами-гиппопотамами. Мне стали нравиться эти звуки, и дома они наверняка будут мне сниться.

Утром я просыпаюсь под птичий щебет. Слава богу, сегодня нет ни воплей, ни криков тревоги, только приятные мелодии рассвета. Снаружи четыре члена команды Ричарда сидят рядышком у костра и попивают кофе. Джонни расположился под деревом в одиночестве. Похоже, усталость одолела его, и, хотя он пытается бороться со сном, его голова время от времени падает на грудь. Я хочу подойти к нему, помассировать плечи, чтобы прогнать усталость, но остальные наблюдают за мной, и я присоединяюсь к их кружку.

– Как там Кейко? – спрашивает меня Эллиот.

– Еще спит. Всю ночь ни звука. – Я наливаю себе кофе. – Слава богу, сегодня утром мы все живы.

Я тут же начинаю жалеть, что сморозила эту глупость.

– Занятно, он тоже этому рад или нет? – бормочет Ричард, глядя на Джонни.

– В каком смысле?

– Просто мне кажется странным, что вдруг все пошло наперекосяк. Сначала погибает Кларенс. Потом Исао. А машина? С чего это вдруг она перестала заводиться?

– Ты обвиняешь в этом Джонни?

Ричард поглядывает на троих остальных, и я вдруг понимаю, что он не одинок – другие тоже считают Джонни виноватым. Не поэтому ли они держатся вместе? Обмениваются теориями, подкармливают свою паранойю?

Я мотаю головой:

– Это смешно.

– Конечно, что еще она может сказать, – бормочет Вивиан. – Я ведь сразу об этом сказала.

– Сказала о чем?

– Всем очевидно, что вы любимица Джонни. Я знала, что вы встанете на его защиту.

– Он прекрасно обойдется и без нее. Это он нас защищает.

– Ой ли? – Вивиан опасливо смотрит в сторону Джонни. Он сидит слишком далеко и не может нас слышать, но она все равно переходит на шепот. – Вы в этом уверены?

Ну что за нелепица! Я перевожу взгляд с одного на другого, пытаясь понять, кто зачинатель этой кампании клеветы.

– Вы намекаете, что Джонни убил Исао и затащил на дерево? Или доставил его этому леопарду и позволил загрызть на месте?

– Что мы о нем знаем, Милли, скажите? – спрашивает Эллиот.

– Боже мой. И вы туда же.

– Должен вам сказать, то, что они говорят… – Эллиот кидает взгляд через плечо, и хотя он тоже говорит шепотом, я слышу ужас в его голосе. – У меня от этого волосы дыбом.

– Ты сама подумай, – говорит Ричард. – Как мы все оказались на этом сафари?

Я меряю его сердитым взглядом:

– Единственная причина, по которой я оказалась здесь, это ты. Ты хотел африканского приключения, ты его получил. Что тебя не устраивает? Или приключение зашло слишком далеко даже для тебя?

– Мы нашли его в Интернете, – говорит Сильвия, которая молчала до этого момента. Ее рука с кружкой дрожит. Дрожит так сильно, что ей приходится поставить кружку, чтобы не расплескать кофе. – Мы с Вивиан хотели попутешествовать по бушу, но не могли себе позволить потратить много. Мы нашли его веб-сайт – «Потеряться в Ботсване». – Она издает полуистерический смешок. – Вот мы и потерялись.

– А я присоединился к ним. Мы втроем – Сильвия, Вив и я – сидели в баре в Кейптауне. И они сказали о сказочном сафари, в которое отправляются.

– Извините, Эллиот, – говорит Сильвия. – Лучше бы вам не встречаться с нами в том баре. Я сожалею, что мы вас уговорили. – Она прерывисто вздыхает, голос у нее ломается. – Господи, как хочется домой!

– Мацунага тоже нашли тур по Интернету, – подхватывает Вивиан. – Исао говорил мне, что ему хотелось получить настоящие африканские впечатления. Пожить не в каком-нибудь туристском домике, а в буше.

– Точно так же и мы здесь оказались, – говорит Ричард. – Нашли тот же самый долбаный веб-сайт. «Потеряться в Ботсване».

Я помню вечер, когда Ричард показал мне этот сайт. Он несколько дней копался в Интернете, рассматривал фотографии домиков и палаток, столов, заставленных едой и горящими свечами. Я не помню, почему он в конечном счете остановился на сайте «Потеряться в Ботсване». Возможно, нашел там обещание настоящего приключения. Реально дикие места, такие выбрал бы сам Хемингуэй, хотя Хемингуэй, вероятнее всего, просто умел убедительно сочинять. Я не участвовала в планировании путешествия, это был выбор Ричарда, мечта Ричарда. Обернувшаяся теперь кошмаром.

– Вы хотите сказать, что сайт липовый? – спрашиваю я. – Что он использовал его, чтобы заманить нас сюда? Вы, ребята, сами-то хоть слышите, что говорите?

– Люди приезжают сюда со всего мира поохотиться на крупную дичь, – говорит Ричард. – Что, если на сей раз дичью стали мы?

Если он добивался какой-то реакции, то явно ее получил. У Эллиота такой вид, будто его сейчас вырвет. Сильвия зажала ладонью рот, словно подавляя рыдание.

Но я отвечаю презрительной усмешкой:

– Вы считаете, что Джонни Постьюмус открыл на нас охоту? Боже, Ричард, не превращай это в один из своих триллеров.

– У кого винтовка? У Джонни, – говорит Ричард. – На его стороне сила. Если мы все не будем держаться вместе, все до единого, то нам конец.

Вот оно что. Я слышу это в его обиженном голосе. Вижу в подозрительных взглядах, которые они бросают на меня. Я – иуда в их рядах, я побегу к Джонни и все ему выложу. Это настолько нелепо, что мне бы рассмеяться, но я зла как черт. Я поднимаюсь на ноги, мне с трудом удается говорить ровным голосом:

– Когда все закончится, когда на следующей неделе мы полетим в Маун, я вам напомню о нашем разговоре. И вы все будете чувствовать себя идиотами.

– Надеюсь, вы правы, – шепчет Вивиан. – Всей душой надеюсь, что мы идиоты. Надеюсь, что мы будем лететь в самолете, а не лежать грудой костей в…

Она замолкает, когда внезапно над нами появляется тень.

Джонни подошел так тихо, что они не услышали его приближения, и теперь он стоит за спиной у Вивиан и оглядывает наше собрание.

– Нам нужна вода и топливо для костра, – говорит он. – Ричард, Эллиот, идемте со мной к реке.

Оба встают, и я вижу страх в глазах Эллиота. Тот же страх, что блестит в глазах блондинок. Джонни спокойно держит ружье, поза «вольно» пехотинца, но одно только наличие этого ружья в его руках меняет баланс сил в его пользу.

– А что… что с девушками? – спрашивает Эллиот, нервно поглядывая на блондинок. – Может, мне стоит остаться, чтобы защитить их, если что.

– Они могут подождать в машине. В данный момент мне нужна мышечная сила.

– Если вы дадите мне ружье, – предлагает Ричард, – то мы с Эллиотом принесем дрова и воду.

– Никто не выходит из лагеря без меня. А я не выхожу за периметр без винтовки, – говорит Джонни с мрачным выражением на лице. – Если хотите остаться живыми, вы должны мне доверять.

12

Бостон

Стейк Габриэлю приготовили идеально – слабо прожаренным, как он всегда заказывал, когда ел у Маттео. Но сегодня, пока они сидели за их любимым столиком в ресторане, Джейн с трудом сдерживала тошноту при виде крови, сочившейся из стейка, когда ее муж отрезал очередной кусочек. Ей сразу вспоминалась кровь Дебры Лопес, стекавшая по камням. Или тело Готта, подвешенное как туша. Человек или корова, мы все равно свежее мясо.

Габриэль обратил внимание, что она почти не прикоснулась к свиной отбивной, и пристально взглянул на нее:

– Все еще думаешь об этом?

– Ничего не могу с собой поделать. С тобой разве такого не случается? Какие-то сцены, которые не выходят из головы, как ни старайся?

– Старайся настойчивее, Джейн. – Он протянул руку и сжал ее пальцы. – Мы так давно не обедали вдвоем.

– Я стараюсь, но это дело… – Она вновь взглянула на стейк, и ее передернуло. – Это дело может превратить меня в вегетарианку.

– Так серьезно?

– Мы оба повидали всяких ужасов. Слишком много времени проводили в морге при вскрытиях. Но это дело потрясло меня на каком-то глубинном уровне. Выпотрошенный и подвешенный. Обгрызенный собственными питомцами.

– Вот почему не стоит заводить щенка.

– Габриэль, это не смешно.

Он взял свой бокал с вином:

– Я просто пытаюсь скрасить шуткой семейный ужин, которых не так много, а этот превращается в очередной разбор дела. Как и всегда.

– Это наша с тобой общая работа. О чем еще мы должны говорить?

– Может, о дочери? О том, куда поедем в отпуск? – Он поставил бокал и посмотрел на Джейн. – В жизни много чего есть, кроме убийства.

– Но убийство нас как раз и свело.

– Не только это.

«Не только», – подумала Джейн, глядя, как муж берет нож и действует им с холодным, спокойным мастерством хирурга. В тот день, когда они познакомились на месте преступления в заповеднике Стони-Брук, его спокойствие показалось ей устрашающим. В хаосе того дня, когда полицейские и криминалисты толпились вокруг разлагающегося тела, Габриэль был спокоен и властен, этакий сторонний наблюдатель, пытающийся постигнуть случившееся. Она не удивилась, узнав, что он из ФБР; она с первого взгляда поняла, что он чужак и что он попытается оспорить ее единоначалие. Но то же, что поначалу вызывало у них взаимную неприязнь, позднее их соединило. Притяжение и отталкивание. Противоположные полюса притягиваются. Даже теперь, глядя на своего мужа, невозмутимость которого сводила ее с ума, она точно понимала, почему полюбила его.

Габриэль посмотрел на нее и покорно вздохнул:

– Ладно, нравится мне или нет, но, похоже, мы будем говорить об убийстве. Итак… – Он положил нож и вилку. – Ты действительно считаешь, что Хайло О’Брайен – ключевая фигура в этом деле?

– Эти мерзкие звонки к нему на передачу пугающе похожи на комменты к статье о Леоне Готте. И тут и там говорилось: подвесить и выпотрошить.

– Ничего исключительного в этом нет. Обычное дело для охотников. Я сам это делал, когда застрелил оленя.

– Звонившая по имени Сюзи говорит, что она член Веганской армии действия. Судя по веб-сайту, у них в Массачусетсе пятьдесят членов.

Габриэль покачал головой:

– Название ничего мне не говорит. Не припомню, чтоб она появлялась в федеральном списке террористических.

– В бостонском полицейском списке ее тоже нет. Но может, они такие умные ребята – сидят себе да помалкивают. И не берут на себя ответственность за то, что делают.

– Подвешивают и потрошат охотников? Это похоже на веганов?

– А ты вспомни Фронт освобождения земли. Они бросают бутылки с зажигательной смесью.

– Но ФОЗ старается обойтись без жертв.

– И все же обрати внимание на символику. Леон Готт был охотником на крупных животных. «Хаб мэгэзин» публикует статью о нем под названием «Мастер охотничьих трофеев». А спустя несколько месяцев находят его труп – подвешен за щиколотки, обструган, как кочерыжка, и выпотрошен. Подвешен на такой высоте, чтобы до него могли дотянуться его домашние животные. Разве есть более подходящий способ отомстить охотнику, чем отдать его тело на съедение собственным Флаффи и Фидо?[13]

Джейн замолчала, внезапно осознав, что в ресторане воцарилась тишина. Скосив глаза, она увидела, что пара за соседним столиком пожирает ее глазами.

– Не время и не место, Джейн, – сказал Габриэль.

Она уставилась на свиную отбивную:

– Хорошая у нас сегодня погода.

И только когда гул голосов вокруг них возобновился, она сказала, понизив голос:

– Я думаю, символика тут очевидна.

– И это может не иметь никакого отношения к его увлечению охотой. Тут ведь есть и мотив кражи.

– Если это кража, то необычная. Его бумажник и деньги остались нетронутыми в спальне. Насколько мне известно, из дома пропала только шкура снежного барса.

– И ты узнала, что она стоит кучу денег.

– Но продать такую редкую шкуру будет чертовски трудно. Разве что кто-то купит ее для частной коллекции. А если ограбление – единственный мотив, то зачем этот мрачный ритуал потрошения?

– Мне кажется, у тебя тут два четких символических обстоятельства. Первое – пропажа редкой шкуры. Второе – способ, каким было выставлено тело.

Габриэль нахмурился, глядя на свечу на столе и обдумывая ситуацию. Джейн все же вовлекла его в решение этой загадки, и теперь мозги его включились полностью. Этот вечер, семейный ужин – единственный за целый месяц, когда они зарекались говорить о работе, но каждый раз неизменно заговаривали об убийстве. Да и как могло быть иначе, если они оба жили и дышали этим? Джейн наблюдала, как мерцающее пламя высвечивает его лицо, пока он неторопливо перебирает факты. Как же ей повезло, что она может делиться с ним этими фактами. Она подумала, каково это было бы – сидеть здесь с мужем, не работающим в правоохранительной системе, и разрываться от желания поделиться с ним тем, что ее мучает, и не имея возможности сказать ему ни полслова. Общими у них были не только дом и ребенок, но и мрачное знание о том, как жизнь в мгновение ока может измениться. Или пресечься.

– Посмотрю, какая у нас имеется информация по Веганской армии действия, – сказал наконец Габриэль. – Но я бы сосредоточился на шкуре, ведь это единственная ценная вещь, пропавшая из дома, насколько тебе известно. – Он немного помолчал. – Как тебе Джерри О’Брайен?

– Если забыть о том, что он клоун-маргинал?

– Я имею в виду – в качестве подозреваемого. У него мог быть мотив убить Готта?

Джейн покачала головой:

– Они были приятелями, вместе охотились. Он легко мог пристрелить его в лесу и выдать это за несчастный случай. Но я и в самом деле думала об О’Брайене. И о его личном секретаре. Готт был человеком нелюдимым, и подозреваемых много не наберется. По крайней мере, мы их не знаем.

Но погрузишься глубже в чью-нибудь жизнь – жди сюрпризов. Джейн вспомнила про других убитых, про другие расследования, в ходе которых обнаруживались тайные любовники, или никому не известный банковский счет, или бессчетное количество пагубных пристрастий, выявленных лишь тогда, когда насильственная смерть делала прозрачной прошлую жизнь.

И еще она подумала о собственном отце, у которого свои скелеты в шкафу: роман с другой женщиной разрушил его брак с матерью. Даже человек, которого она вроде бы знала, с которым проводила каждое Рождество, каждый день рождения, оказался чужаком.

Позднее вечером ей пришлось иметь дело с этим чужаком, когда они с Габриэлем приехали к дому Анжелы, чтобы забрать дочку. Джейн увидела знакомую машину на подъездной дорожке и спросила:

– Что здесь делает отец?

– Это его дом.

– Был его дом.

Она вышла из машины и оглядела «шевроле», припаркованный на обычном месте, будто он никогда и не покидал его. Словно Фрэнк Риццоли мог вернуться в прежнюю жизнь, и все стало бы по-старому. У «шевроле» появилась новая вмятина на левом переднем крыле. Джейн подумала, не приложилась ли это телка Фрэнка и не наорал ли он на нее, как когда-то наорал на Анжелу, когда она поцарапала ему дверь. Если долго живешь с мужчиной, то даже в том, кто прежде был безупречным любовником, начинаешь находить изъяны. Когда его телка заметила, что у Фрэнка из носа растут волосы, а дыхание по утрам, как и у других мужчин, не отличается свежестью?

– Давай заберем Реджину и сразу домой, – прошептал Габриэль, когда они поднялись на крыльцо.

– А я что, по-твоему, собираюсь делать?

– Надеюсь, не станешь ввязываться в обычную семейную драму.

– Семья без драмы, – сказала Джейн, нажимая на кнопку звонка, – это не про меня.

Дверь открыла ее мать. По крайней мере, она выглядела как Анжела, но это была апатичная, безжизненная версия Анжелы, встретившая их искусственной улыбкой:

– Спит как убитая, никаких хлопот. Хорошо поужинали?

– Да. А отец почему здесь? – спросила Джейн.

– Я у себя дома, – раздался громкий голос Фрэнка, – вот почему я здесь. Что за дурацкий вопрос?

Джейн вошла в гостиную и увидела, что отец восседает в своем старом мягком кресле – странствующий король вернулся и предъявил претензии на трон. Волосы у него были странного цвета обувной ваксы – когда это он их покрасил? Она заметила и другие перемены: шелковую рубашку с открытой шеей, модные часы на запястье. Перед Джейн сидела какая-то лас-вегасская версия Фрэнка Риццоли. Может быть, она зашла не в тот дом, попала в параллельную вселенную и встретила мамочку-андроида и дискотечного папочку?

– Я возьму Реджину, – сказал Габриэль и благоразумно исчез в коридоре.

Трус.

– Мы с твоей матерью наконец пришли к взаимопониманию, – заявил Фрэнк.

– И что это значит?

– Мы собираемся наладить нашу жизнь. Вернуться к тому, что было прежде.

– Это с твоей блондинкой или без нее?

– Да что с тобой такое, черт побери? Хочешь все порушить?

– Ну, что касается порушить, ты и сам в этом преуспел.

– Анжела, скажи ей!

Джейн посмотрела на мать, которая стояла, уставившись в пол:

– Это то, чего ты хочешь, мама?

– Все будет хорошо, Джейни, – тихо произнесла Анжела. – У нас все получится.

– Что-то не слышу в твоем голосе энтузиазма.

– Я люблю твою мать, – сказал Фрэнк. – Мы одна семья, мы создали дом, и мы будем жить вместе. Вот что имеет значение.

Джейн переводила взгляд с одного родителя на другого. Отец смотрел на нее, раскрасневшийся и воинственный. Мать избегала встречаться с ней глазами. Джейн столько всего хотела сказать, столько должна была сказать, но время истекло – Габриэль уже стоял у входной двери со спящей дочерью на руках.

– Спасибо, что посидела с Реджиной, мама, – поблагодарила Джейн. – Я позвоню.

Они подошли к машине. Габриэль уложил дочь на заднее сиденье, и тут дверь дома открылась и появилась Анжела с плюшевым жирафом Реджины.

– Если вы забудете Бенни, она будет орать так, что вам не поздоровится, – сказала она, протягивая жирафа Джейн.

– Ты в порядке, мама?

Анжела обхватила себя руками и оглянулась на дом, словно кто-то другой должен был ответить на этот вопрос за нее.

– Мама?

Анжела вздохнула:

– Так должно быть. Фрэнки этого хочет. И Майк тоже.

– Не моим братьям это решать. Тут только твой голос что-то значит.

– Он так и не подписал бумаги на развод, Джейн. Мы все еще муж и жена, а это что-то да значит. Это значит, что по-настоящему он нас никогда не бросал.

– Это значит, что он не прочь иметь и то и другое.

– Он твой отец.

– Да. И я его люблю. Но я и тебя люблю, а вид у тебя вовсе не счастливый.

В темноте подъездной дорожки Джейн увидела, как мать пытается улыбнуться отважной улыбкой:

– Мы – одна семья. Я сделаю так, что все будет хорошо.

– А что Винс?

При упоминании имени Корсака улыбка сошла с лица матери. Она прижала руки ко рту и отвернулась.

– О боже. О боже… – Мать начала рыдать, и Джейн обняла ее. – Я тоскую по нему, – сказала Анжела. – Каждый день тоскую. Он не заслужил этого.

– Ты любишь Винса?

– Да!

– Ты любишь отца?

Анжела задумалась.

– Конечно люблю. – Но настоящий ответ содержался в этой паузе, в этих секундах тишины, прежде чем она набралась сил возразить тому, что говорило ее сердце. Она отстранилась от Джейн, глубоко вздохнула и выпрямилась. – Не волнуйся за меня. Все будет хорошо. Езжайте домой, кладите скорее внучку в постель.

Джейн проводила мать взглядом. Она увидела в окно, как Анжела села на диван напротив Фрэнка, который так и не встал с кресла. Как в прежние времена, подумала Джейн. Мать в своем углу, отец – в своем.

13

Маура, задержавшаяся на подъездной дорожке, повернула голову на звук вороньего карканья. Несколько десятков ворон, словно зловещие плоды, темнели на ветвях дерева, их черные крылья мелькали на фоне серого неба. Стая воронья – вот как это называлось, и слова эти как нельзя лучше соответствовали холодному серому дню: надвигающиеся грозовые тучи и мрачная задача, которую предстояло решить. Дорожка, ведущая на задний двор, была перегорожена полицейской лентой. Маура поднырнула под нее и пошла по растревоженной земле, чувствуя, что вороны наблюдают за ней, отмечая каждый ее шаг, шумно обсуждая вторжение нового незваного гостя в их царство. На заднем дворе рядом с экскаватором и грудой земли стояли детективы Даррен Кроу и Джонни Там. Увидев ее, Там помахал рукой в пурпурной перчатке. Он был новичком отдела по расследованию убийств, серьезный молодой

детектив без чувства юмора, недавно переведенный из района Чайна-тауна. К его несчастью, напарником он получил Кроу, который выпроводил своего прежнего коллегу Томаса Мура на заслуженную пенсию. Несчастный брак – так это назвала Джейн, и в отделе делали ставки, сколько времени пройдет, прежде чем заведенный до упора Там наконец взорвется и откажется от совместной работы с Кроу. Для карьеры Тама такой шаг наверняка станет катастрофой, но все соглашались с тем, что увидеть это будет дьявольски интересно.

Даже здесь, в заросшем деревьями заднем дворе, при отсутствии телекамер, Кроу выглядел так, будто сошел с обложки «Джи-Кью»[14]: прическа как у кинозвезды и костюм, точно подогнанный под его широкие плечи. Он был из тех людей, которые привычны к тому, что на них обращено все внимание присутствующих, и в его обществе можно было легко не заметить ничем не примечательного Тама. Но именно Там интересовал Мауру, потому что она знала: он точно и без изъятий выложит ей все известные ему факты.

Прежде чем Там успел открыть рот, Кроу со смешком проговорил:

– Не думаю, что домовладельцы предполагали найти это в своем новом бассейне.

Маура бросила взгляд на испачканные землей череп и грудную клетку, лежащие в частично свернутом куске синего пластика. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить: череп и кости принадлежат человеку.

Она натянула перчатки.

– Что тут за история?

– Хотели сделать новый бассейн. Хозяева купили этот дом три года назад, наняли компанию «Лоренцо констракшн» для проведения земляных работ. Они углубились на два фута – и нашли это. Оператор экскаватора отрыл пластик, перепугался и позвонил девять-один-один. К счастью, ковш не слишком повредил тело.

Маура не увидела ни одежды, ни ювелирных украшений, но ей этого и не требовалось, чтобы определить пол трупа. Она опустилась на колени и вгляделась в тонкие надбровные дуги. Потом откинула пластик, обнажив широкие тазовые кости. По бедренной кости стало ясно, что рост покойной был невелик – вероятно, максимум пять футов три дюйма.

– Похоже, она тут довольно долго пролежала, – заметил Там. Ему не потребовалась помощь Мауры, чтобы тоже понять, что останки принадлежат женщине. – Сколько, по вашему мнению?

– Останки полностью скелетированы. Позвоночные хрящи отсутствуют, – сказала Маура. – Связки уже разложились.

– Это значит, несколько месяцев? Лет? – спросил Кроу.

– Да.

Кроу нетерпеливо застонал:

– А точнее сказать не можете?

– Один раз я видела полностью скелетированный труп в неглубокой могиле по прошествии всего трех месяцев. Так что более точного ответа дать не могу. По моим оценкам, со времени смерти прошло не менее шести месяцев. Тот факт, что на ней нет одежды и могила неглубокая, ускорил разложение. В то же время могила имела достаточную глубину, чтобы защитить ее от хищных падальщиков.

Словно в ответ на ее слова, наверху прозвучало громкое карканье. Маура подняла голову и увидела наблюдающих за ними трех ворон на ветках. Ей доводилось видеть, что могут сделать с человеческим телом представители воронообразных: как эти клювы раздирают связки, лакомятся глазами. Птицы одновременно взлетели, широко размахивая крыльями.

– Противная птица. Они как маленькие стервятники, – сказал Там, провожая взглядом улетающих ворон.

– И невероятно умные. Если бы только они могли поговорить с нами… – Маура посмотрела на него. – Что за история у этого дома?

– В течение сорока лет он принадлежал одной пожилой даме. Она умерла пятнадцать лет назад, дом перешел наследникам и постепенно приходил в упадок. Тут сменилось несколько арендаторов, но большую часть времени он пустовал. Пока нынешняя пара не купила его три года назад.

Маура огляделась:

– Ограждения нет. Задний двор выходит прямо в лес.

– Да, он примыкает к резервации Стони-Брук. Легко пробраться любому, кому нужно избавиться от тела.

– А нынешние владельцы?

– Приятная молодая пара. Они без спешки приводили дом в порядок, обновили ванную и кухню. В этом году решили построить бассейн под открытым небом. Они говорят, что до того, как начали откапывать котлован под бассейн, в этой части двора земля была покрыта густыми зарослями сорняков.

– Значит, тело было захоронено до того, как они купили дом.

– Ну а что с этой нашей девушкой? – спросил Кроу. – Вы видите причину смерти?

– Немного терпения, детектив. Я ее даже развернуть целиком не успела.

Маура откинула оставшуюся часть синего пластика, обнажив большеберцовую кость, малоберцовую кость, плюсну и... Она замерла, глядя на оранжевую нейлоновую веревку, которой все еще были обвязаны щиколотки. Перед ее мысленным взором мгновенно возникла картинка. Другое место преступления. Оранжевая нейлоновая веревка. Тело, подвешенное за щиколотки. Лишенное внутренностей.

Не говоря ни слова, она вернулась к грудной клетке. Придвинулась на коленях ближе, уставилась на мечевидный отросток, где сходятся ребра, чтобы соединиться в грудной кости. Даже в этот пасмурный день в тени деревьев она отчетливо увидела царапину на кости. Представила себе тело, подвешенное за щиколотки вниз головой. Вообразила, как лезвие ножа разрезает кожу брюшины от лобка до грудной кости. Царапина была ровно в том месте, куда должно было упереться лезвие ножа.

Ее руки в перчатках внезапно похолодели.

– Доктор Айлз? – позвал ее Там.

Не обращая на него внимания, Маура перешла к черепу. Здесь, на лобной кости, она увидела три параллельные царапины.

Ошарашенная, она выпрямилась, по-прежнему стоя на коленях:

– Нужно вызвать Риццоли.

«Ну, сейчас начнется фейерверк», – подумала Джейн, подныривая под яркую полицейскую ленту. Это было не ее место преступления, не ее территория, и она была готова к тому, что Даррен Кроу с самого начала даст ей понять это. Она подумала о Леоне Готте, который кричал

соседскому малышу: «Убирайся с моего газона!» И представила, как лет через тридцать Кроу будет таким же раздражительным старикашкой, вопящим: «Убирайся с моего места преступления!»

Но в боковом дворе ее встретил Джонни Там.

– Привет, Риццоли, – сказал он.

– Как его настроение?

– Как обычно. Он весь сияет и светится.

– Это как – хорошо?

– В настоящий момент он не очень доволен доктором Айлз.

– Я тоже не очень ею довольна.

– Она настояла на твоем приезде. А когда она говорит, я слушаю.

Джейн посмотрела на Тама, но, как обычно, ничего не смогла понять по его лицу. Это ей никогда не удавалось. Хотя он и был новичком в отделе по расследованию убийств, но уже успел заслужить репутацию человека, который делает свою работу со спокойным и непритязательным упорством. В отличие от Кроу Там не страдал тщеславием.

– Ты согласен с ней в том, что между двумя этими преступлениями есть связь? – спросила Джейн.

– Я знаю, что доктор Айлз не из тех, кто полагается на догадки. Поэтому я немного удивился, когда она вызвала тебя. С учетом предсказуемой обратной реакции.

Им не нужно было называть имя, чтобы понять, что речь идет о Кроу.

– Как настроение? Достала работа с ним? – спросила Джейн, когда они двинулись по выложенной плиткой дорожке на задний двор.

– Если не считать того, что я изодрал в клочья три боксерские груши в спортзале?

– Можешь мне поверить: лучше не будет. Работать с ним – сущая китайская пытка вод... – Она оборвала себя на полуслове. – Ну ты знаешь, что я имею в виду.

Там рассмеялся:

– Может, мы, китайцы, ее и придумали, но Кроу довел до совершенства.

Они вошли в задний двор, и Джейн увидела предмет их презрения рядом с Маурой. Всем своим видом, начиная с напряженной шеи и кончая раздраженными жестами, Кроу сообщал, что он зол как тысяча чертей.

– Прежде чем вы тут устроите цирк с конями, – сказал он Мауре, – может быть, уточните для нас время смерти?

– Ничего точнее сказать не могу, – ответила Маура. – Остальное – зона вашей ответственности. Это ваша работа.

Кроу заметил приближающуюся к ним Джейн и съязвил:

– У всемогущей Риццоли наверняка есть ответы.

– Я приехала по просьбе доктора Айлз, – огрызнулась Джейн. – Я только взгляну и больше не буду тебе мешать.

– Да-да. Ладно.

– Она здесь, Джейн, – тихо проговорила Маура.

Джейн последовала за ней через двор к экскаватору. Останки лежали на синем пластике у края свежевырытой ямы.

– Взрослая женщина, – сказала Маура. – Рост около пяти футов и трех дюймов. Артритных изменений в позвоночнике не видно, эпифизарные зоны роста закрыты. По моей оценке, ей между двадцатью и тридцатью пятью.

– В какую историю ты меня втравила? – пробормотала Джейн.

– Ты о чем?

– Я уже и без того в его черном списке.

– И я тоже, но это не мешает мне делать мою работу. – Маура помолчала. – Если, конечно, я ее сохраню.

На этот счет были кое-какие опасения, после того как на основании показаний, которые дала в суде Маура, всеми уважаемый коп отправился за решетку. Замкнутость Мауры – некоторые назвали бы это странностью – никогда не способствовала ее популярности среди личного состава бостонской полиции, а теперь копы считали ее еще и предательницей полицейского братства.

– Скажу тебе честно, – проговорила Джейн. – То, что ты сказала по телефону, не очень меня воодушевило. – Она посмотрела на останки, от которых разложение оставило одни лишь кости. – Во-первых, это женщина.

– Ее щиколотки связаны оранжевой нейлоновой веревкой. Такой же веревкой был связан Готт.

– Такая веревка вовсе не редкость. В отличие от Готта это женщина, и кто-то взял на себя труд закопать ее.

– В нижней части грудины у нее царапина, как у Готта. Я не исключаю, что ее выпотрошили.

– Не исключаешь?

– Никаких мягких тканей и органов не сохранилось, поэтому доказать ничего нельзя. Но эта царапина на грудной кости – следствие воздействия ножом. Такая царапина образуется при вскрытии брюшины. И есть еще кое-что. – Маура наклонилась и показала на череп. – Посмотри-ка сюда.

– Три маленькие царапины?

– Помнишь три удлиненные царапины на рентгенограмме черепа Готта? Словно следы когтей, оставшиеся на кости.

– Эти царапины не удлиненные. Просто маленькие царапинки.

– Они находятся друг от друга на таком же расстоянии. Возможно, нанесены тем же инструментом.

– Или животным. Или этим ковшом.

Джейн повернулась на звук голосов. Прибыли три криминалиста, и Кроу вел их к останкам.

– Так что скажешь, Риццоли? – спросил Кроу. – Хочешь прибрать к рукам этот скелет?

– Я не борюсь с тобой за территорию. Просто проверяю некоторые схожие моменты.

– Твоему жмурику было сколько? Шестьдесят четыре?

– Да.

– А это молодая женщина. Тебе это кажется сходством?

– Не кажется, – согласилась Джейн, чувствуя на себе взгляд Мауры.

– Твой убитый мужчина – что там выявило вскрытие? Какова причина смерти?

– Травма черепа и несовместимое с жизнью повреждение щитовидного хряща.

– У моей девушки на черепе нет видимых повреждений, – сказал Кроу.

«У моей девушки». Словно она принадлежала ему, эта безымянная жертва. Словно он уже заявил на нее права собственности.

– Тут мы имеем дело с маленькой женщиной, управиться с ней было попроще, – сказала Маура. – Оглушать ее для начала ударом по голове не было необходимости.

– Но это еще одно отличие, – возразил Кроу. – Еще одна деталь, отличающая это дело от того.

– Детектив Кроу, я смотрю на гештальт[15] этих дел. Смотрю на картину в целом.

– Которую, похоже, видите только вы. Один убитый – пожилой мужчина, другая – молодая женщина. У одного травма черепа, у другой – нет. Один был убит и подвешен в собственном гараже, другую закопали на заднем дворе.

– Оба были раздеты, щиколотки связаны веревкой, и, скорее всего, оба трупа были выпотрошены. Как охотник потрошит…

– Маура, – оборвала ее Джейн. – Может, нам прогуляться по участку?

– Я уже по нему прогулялась.

– А я – нет. Идем.

Маура неохотно последовала за ней от ямы в конец двора. Там стояли деревья с густыми кронами, которые еще больше усугубляли сумрак и без того пасмурного, серого дня.

– Ты считаешь, Кроу прав? – спросила Маура обиженно.

– Маура, ты знаешь, я всегда уважаю твое мнение.

– Но в этот раз ты с ним не согласна.

– Ты должна признать, что между двумя жертвами имеются существенные различия.

– Царапины на кости. Нейлоновая веревка. Даже узлы одинаковые. И…

– Двойной прямой узел не такая уж редкость. Будь я преступником, именно таким узлом я бы и связала жертву.

– А потрошение? Давно у тебя были такие дела?

– Ты нашла одну-единственную царапину на грудине. Это неубедительно. Это совершенно непохожие жертвы. Возраст, пол, местоположение.

– Пока я не идентифицирую эту женщину, ты не можешь утверждать, что она никак не связана с Готтом.

– Ладно, – согласилась Джейн, вздохнув. – Ты права.

– И вообще, что мы спорим? Если ты докажешь, что я ошибаюсь, – бога ради, в любое время. Делай свою работу.

Джейн напряглась:

– А когда это я ее не делала?

Услышав этот ответ, такой жесткий, Маура замерла. Ее темные волосы, обычно гладко расчесанные и холеные, от прохладной сырости превратились в проволочную сеть, в которую попали случайные веточки. В сумраке под деревьями, с испачканными отворотами брюк и в помятой блузке, она была похожа на некую дикую версию Мауры, незнакомку с горящими глазами. Лихорадочно горящими.

– Слушай, что вообще происходит? – тихо спросила Джейн.

Маура быстро отвернулась, избегая ее взгляда, словно ответ был слишком мучителен. После долгих лет знакомства они были посвящены во все несчастья и промахи друг друга. Они знали худшую сторону друг друга. Почему же теперь Маура вдруг уклонилась от ответа на простой вопрос?

– Маура? – не отставала Джейн. – Что случилось?

Маура вздохнула:

– Я получила письмо.

14

Они сидели в отдельной кабинке в «Джей-Пи Дойлз», излюбленной забегаловке бостонских полицейских, – приди сюда в пять часов, и непременно увидишь у бара не меньше полудюжины копов, обменивающихся боевыми воспоминаниями. Но в три был счастливый час, и в этот день только две другие кабинки оказались заняты. Джейн приходила сюда на ланч бессчетное количество раз, но Маура появилась здесь впервые – еще одно напоминание о том, что, несмотря на годы сотрудничества и дружбы, между ними существовала пропасть. Коп против дока, муниципальный колледж против Стэнфордского университета, эль «Адамс» против «Совиньон блан». Официантка стояла в ожидании, пока Маура разглядывала меню с выражением «что тут наименее отвратительное?».

– Здесь неплохая рыба с жареной картошкой, – предложила Джейн.

– Я возьму салат «Цезарь», – сказала Маура. – Приправа отдельно.

Официантка ушла, и они несколько секунд провели в неловком молчании. В кабинке напротив сидели двое, не разнимая рук. Мужчина постарше, женщина помоложе. «Секс днем, – подумала Джейн, – наверняка кромешный адюльтер». Это навело ее на мысли об отце и его светловолосой курочке – о романе, который почти разрушил его брак и отправил Анжелу с разбитым сердцем в объятия Винса Корсака. Джейн хотелось закричать: «Эй, мистер, поспешите-ка к своей жене, иначе отравите несколько жизней».

Будто мужчины, пьяные от тестостерона, когда-либо прислушивались к доводам разума.

Маура посмотрела на страстно соединившуюся пару:

– Хорошее местечко. А номера на почасовой основе они не сдают?

– Если ты получаешь жалованье полицейского, то это как раз такое место, где тебя вкусно и обильно накормят. Извини, если это не отвечает твоим стандартам.

Маура поморщилась:

– Не знаю, почему я это сказала. Сегодня из меня плохой собеседник.

– Ты сказала, что получила письмо. От кого?

– От Амальтеи Лэнк.

Это имя было для Джейн как дыхание ледяного ветерка, кожа у нее похолодела, по телу побежали мурашки. Мать Мауры. Мать, бросившая своего ребенка вскоре после рождения. Мать, находившаяся сейчас в женской тюрьме в Фреймингхаме, где отбывала пожизненный срок за целый ряд убийств.

Нет, не мать. Чудовище.

– Черт возьми, почему это она пишет тебе письма? – спросила Джейн. – Я думала, ты оборвала с ней все контакты.

– Я и оборвала. Попросила администрацию тюрьмы перестать переправлять мне ее письма. Не отвечала на ее телефонные звонки.

– И как же ты получила это письмо?

– Не знаю, как ей удалось его отправить. Может, подкупила кого-то из охранников. Или засунула его в письмо другой заключенной. Но вчера вечером, придя домой, я обнаружила его в моей почте.

– Почему же ты мне не позвонила? Я бы с этим разобралась. Одна поездка в Фреймингхам – и можешь быть уверена: больше она тебя не побеспокоит.

– Я не могла тебе позвонить. Мне нужно было подумать.

– О чем тут думать? – Джейн подалась вперед. – Она снова хочет запудрить тебе мозги. Она любит заниматься такими вещами. Получает удовольствие, манипулируя тобой.

– Знаю. Я это знаю.

– Чуть-чуть приоткроешь дверь, и она протиснется в твою жизнь. Слава богу, не она тебя воспитывала. Это значит, что ты ничего ей не должна. Ни одного слова, ни одной мысли.

– У меня ее ДНК, Джейн. Я смотрю на нее и вижу в ее лице свое.

– Влияние генов переоценивается.

– Гены определяют, кто ты такой.

– И что это значит – что ты должна взять скальпель и начать кромсать людей, как она?

– Нет, конечно. Но в последнее время… – Маура задумалась и опустила взгляд на руки. – Куда я ни посмотрю, повсюду вижу тени. Я вижу темную сторону.

Джейн фыркнула:

– Конечно видишь. Вспомни, где ты работаешь.

– Я захожу в переполненную комнату и автоматически оглядываю всех, спрашивая себя, кого мне следует опасаться.

– Это называется «ситуационная информированность». Не так уж плохо.

– Не только это. Я словно чувствую темноту. Не знаю, внешнее это воздействие или оно уже внутри меня. – Маура продолжала смотреть на свои руки, словно на них были написаны ответы. – Я думаю, что одержима поиском зловещих тенденций. Взаимосвязанных вещей. Когда я увидела сегодня этот скелет и вспомнила тело Леона Готта, то увидела тенденцию. Почерк убийцы.

– Это не означает, что ты соскальзываешь в темную сторону. Это просто означает, что ты делаешь вещи, какие и должен делать судмедэксперт. Всегда ищешь гештальт, как ты говоришь.

– Ты не увидела почерка. Почему его вижу я?

– Потому что ты умнее меня?

– Это несерьезный ответ, Джейн. И неверный.

– Ну хорошо, позволь мне воспользоваться потрясающим мозгом детектива. У тебя был очень трудный год. Ты разошлась с Даниэлем. И может быть, до сих пор тоскуешь по нему. Я не права?

– Конечно тоскую. И, – тихо добавила Маура, – он наверняка тоскует обо мне.

– Потом были показания против Уэйна Граффа. Ты отправила копа за решетку, и бостонская полиция за это устроила тебе обструкцию. Я читала о стресс-факторах, как они воздействуют на людей. Разрыв с любимым человеком, конфликт на работе… черт побери, твой стресс-фактор так высок, не удивлюсь, если у тебя обнаружат рак.

– Спасибо. Ты добавила мне лишний повод для беспокойства.

– А теперь еще это письмо. Чертово письмо.

Они замолчали, потому что официантка принесла их заказ. «Клубный» сэндвич для Джейн, салат «Цезарь» (приправа отдельно) для Мауры. Только когда официантка отошла, Маура тихо спросила:

– А от него ты писем не получала?

Ей не нужно было называть имя, они обе знали, о ком она говорит. Джейн задумчиво сцепила пальцы над ладонями в шрамах, оставленных скальпелем Уоррена Хойта. Она четыре года не видела его, но помнила это лицо во всех подробностях, лицо такое непримечательное, что могло легко потеряться в любой толпе. Тюрьма и болезнь наверняка состарили его, но ей ничуть не хотелось видеть эти перемены. Ей было вполне достаточно знать, что она осуществила правосудие, послав единственную пулю в его позвоночник, и что он получил пожизненное.

– Он пытался писать мне из реабилитационного центра, – сказала Джейн. – Диктовал письма своим посетителям, а они переправляли мне. Я выкидывала их, не читая.

– Так ни одного и не прочла?

– С какой стати? Это я поставила точку в его карьере. – Джейн резко рассмеялась и взяла сэндвич. – Он одержим мной, но я и долю секунды не потрачу на него.

– И ты совсем о нем не думаешь?

Вопрос, заданный очень осторожно, на несколько секунд повис в воздухе, оставаясь без ответа. Джейн сосредоточилась на сэндвиче, пытаясь убедить себя, что сказанные ею слова – правда. Но так ли оно на самом деле? Уоррен Хойт, хотя и оставался в тисках своего парализованного тела, все еще оказывал на нее влияние, потому что их связала общая история. Он видел ее беспомощную, охваченную ужасом. Он был свидетелем ее поражения, пусть и временного.

– Я не дам ему такой власти надо мной, – сказала Джейн. – Отказываюсь о нем думать. И ты тоже должна так поступить.

– Хотя она моя мать?

– Это слово к ней неприменимо. Она ДНК-донор, только и всего.

– Довольно сильное «только и всего». Она присутствует в каждой клеточке моего тела.

– Я думала, ты уже решила для себя этот вопрос, Маура. Ты ушла от нее и поклялась, что никогда не будешь оглядываться назад. Почему ты меняешь решение?

Маура посмотрела на нетронутый салат:

– Потому что я прочла ее письмо.

– Позволю себе предположить, она нажимала на правильные кнопки. «Я твоя единственная кровная родня. Нас связывают неразрывные узы». Я права?

– Да, – признала Маура.

– Она социопат, и ты ей ничего не должна. Выкинь это письмо и забудь о нем.

– Она умирает, Джейн.

– Что?

Маура посмотрела на нее с мучительным выражением в глазах:

– Ей осталось шесть месяцев. Максимум год.

– Ерунда. Она тобой манипулирует.

– Вчера вечером, прочтя письмо, я позвонила в тюремную больницу. Амальтея уже подписала разрешение на оглашение сведений о своем здоровье, поэтому они зачитали мне ее медицинскую карту.

– Она не упускает ни малейшей возможности, да? Она точно знала, как ты будешь реагировать, и поймала тебя в эту ловушку.

– В больнице подтвердили. У нее рак поджелудочной железы.

– Самый подходящий кандидат для такого диагноза.

– Моя единственная кровная родня, и она умирает. Она хочет моего прощения. Умоляет о нем.

– И предполагает, что ты ее простишь? – Джейн резкими движениями отерла салфеткой майонез с пальцев. – А как быть со всеми теми, кого она убила? За это ее кто будет прощать? Не ты. У тебя такого права нет.

– Но я могу простить ее за то, что она меня бросила.

– Это ее единственное хорошее деяние. Тебя воспитывала не мать-психопатка, ты получила шанс жить нормальной жизнью. Поверь мне, она сделала это не потому, что это был правильный поступок.

– И тем не менее вот она я. Живая и здоровая. Я росла, имея все преимущества, меня воспитывали любящие родители, так что мне не на что злиться. Почему мне не дать хоть малое утешение умирающей женщине?

– Тогда напиши ей письмо. Скажи, что прощаешь, и забудь об этом.

– Ей осталось всего шесть месяцев. Она хочет меня видеть.

Джейн отшвырнула салфетку:

– Давай не будем забывать, кто она. Ты мне как-то говорила, у тебя мороз по коже, когда ты встречаешься с ней взглядом, потому что ее глазами на тебя смотрит не человеческое существо. Ты сказала, что видела пустоту, существо без души. Ведь это ты назвала ее монстром.

Маура вздохнула:

– Да, я.

– Не заходи в клетку монстра.

В глазах Мауры заблестели слезы.

– А когда она умрет через полгода, как я буду справляться с чувством вины? С тем, что отказала ей в исполнении последнего желания? Тогда уже передумать будет невозможно. Вот что волнует меня больше всего: что всю оставшуюся жизнь меня будет грызть чувство вины. И не останется ни малейшего шанса понять.

– Понять что?

– Почему я такая, какая есть.

Джейн посмотрела на взволнованную подругу:

– Какая – такая? Блестящая? Разумная? Слишком честная, отчего тебе один только вред?

– Преследуемая темной стороной, – тихо произнесла Маура.

Зазвонил телефон Джейн. Вытаскивая его из сумки, она сказала:

– Это из-за работы, которую мы делаем, и из-за того, что видим. Мы обе выбрали эту работу, потому что вовсе не ангелочки. – Она нажала зеленую кнопку на телефоне. – Детектив Риццоли.

– Оператор наконец-то предоставил детализацию звонков Леона Готта, – сказал Фрост.

– Есть что-нибудь интересное?

– Очень интересное. В день смерти он сделал несколько телефонных звонков. Один – Джерри О'Брайену, о нем мы уже знаем.

– Насчет туши Ково?

– Да. Еще он звонил в Йоханнесбургское отделение Интерпола в Южной Африке.

– В Интерпол? Что ему от них было нужно?

– Речь шла об исчезновении его сына в Ботсване. Следователя не было в офисе, поэтому Готт оставил послание – сказал, что перезвонит. Но так и не перезвонил.

– Его сын пропал шесть лет назад. Почему Готт спрашивает об этом сейчас?

– Понятия не имею. Но вот по-настоящему интересный пункт в детализации. В два тридцать пополудни он позвонил на сотовый телефон, зарегистрированный на Джоди Андервуд в Бруклине[16]. Разговор продолжался шесть минут. Тем же самым вечером, в девять сорок шесть, Джоди Андервуд перезвонила Готту. Этот разговор продолжался всего семнадцать секунд, так что, возможно, она просто оставила послание на автоответчике.

– На его автоответчике тем вечером не было никаких посланий.

– Верно. И велика вероятность, что в девять сорок шесть Готт уже был мертв. Поскольку его соседка сказала, что свет у него погас между девятью и половиной одиннадцатого.

– Так кто же стер это послание? Фрост, это странно.

– Тут есть кое-что более странное. Я два раза звонил на телефон Джоди Андервуд, и меня сразу отправляли в голосовую почту. И тут я понял, что это знакомая фамилия. Ты не помнишь?

– Подскажи, будь добр.

– Новость прошлой недели. Бруклин.

Сердце Джейн внезапно заскакало галопом.

– Там было убийство…

– Джоди Андервуд была убита в своем доме в воскресенье вечером. В тот же вечер, что и Леон Готт.

15

– Я просмотрел ее страницу в «Фейсбуке», – сказал Фрост, когда они ехали на машине в Бруклин. – Проверил ее профиль.

За рулем на сей раз сидел он, а Джейн шла по его следам в айпэде, просматривая страницы, на которых побывал Фрост. Она вышла на страницу в «Фейсбуке» и увидела фото хорошенькой рыжеволосой девицы. Судя по ее профилю, эта тридцатисемилетняя женщина не была замужем и работала библиотекарем в школе. У нее имелась сестра по имени Сара, а сама Джоди была вегетарианкой, активно интересовалась борьбой за права животных и холистическим здоровьем.

– Я бы не сказала, что это женщина мечты Леона Готта, – произнесла Джейн. – Зачем женщина, презиравшая, вероятно, все, что ему было дорого, стала бы разговаривать с ним по телефону?

– Не знаю. Я просмотрел его телефонные разговоры за четыре недели – больше никаких контактов с ней не было. Только два этих в воскресенье. Он позвонил ей в половине третьего, она отзвонилась в девять сорок шесть. Когда он, вероятно, был уже мертв.

Джейн попыталась воспроизвести события того вечера. Убийца все еще находится в доме Готта, мертвое тело висит в гараже, возможно, в этот момент его уже потрошат. Звонит телефон, включается автоответчик, и Джоди Андервуд наговаривает сообщение. Что такого было в этом сообщении, что заставило убийцу стереть его, оставив кровавый след на автоответчике? Что могло заставить его немедленно отправиться в Бруклин и тем же вечером совершить еще одно убийство?

Джейн посмотрела на Фроста:

– В его доме мы так и не нашли записной книжки.

– Да. Хотя весь дом перевернули, потому что нужны были его контакты. Никаких записных книжек.

Она подумала об убийце, который стоит над телефоном и видит на экране номер Джоди, тот номер, по которому немного раньше звонил Готт. Номер, который, вероятно, был занесен Готтом в его телефонную книгу вместе с почтовым адресом Джоди.

Джейн прокрутила страничку Джоди в «Фейсбуке», прочитала записи. Женщина довольно регулярно оставляла посты, не реже одного раза в несколько дней. Последняя запись была сделана в воскресенье – в день, когда ее убили:

«Попробуйте рецепт этого вегетарианского салата по-тайски. Прошлым вечером я готовила его для моей сестры и ее мужа, и они даже не заметили отсутствия мяса. Это здоровая, вкусная пища. К тому же полезная для планеты!»

Думала ли Джоди тем вечером, когда ела на обед рисовую лапшу и соевый творог, что это будет чуть ли не последняя еда в ее жизни? Что все ее попытки питаться здоровой пищей вскоре окажутся неуместными?

Джейн просмотрела более ранние посты Джоди – о прочитанных книгах, о свадьбах друзей, о днях рождения, о пасмурном октябрьском дне, когда она задумалась о смысле жизни. А еще за несколько недель до этого – сентябрь, более веселая запись о начале учебного года:

«Как хорошо снова видеть в библиотеке знакомые лица».

Потом, в начале сентября, она вывесила фотографию улыбающегося молодого темноволосого человека и сделала к ней печальную подпись:

«Шесть лет назад я потеряла любовь всей моей жизни. Я всегда буду тосковать по тебе, Эллиот».

Эллиот.

– Его сын, – тихо сказала Джейн.

– Что?

– Запись в «Фейсбуке» Джоди посвящена человеку по имени Эллиот. Она пишет: «Шесть лет назад я потеряла любовь всей моей жизни».

– Шесть лет назад? – Фрост испуганно посмотрел на нее. – В это время исчез Эллиот Готт.

В ноябре, после перевода стрелок на зимнее время, солнце в Новой Англии садится рано и в половине пятого в пасмурную погоду уже опускаются сумерки. Небо целый день грозило пролиться дождем, и к моменту приезда Джейн и Фроста к дому Джоди Андервуд мелкий дождичек заставил их включить дворники. Перед домом был припаркован серый «форд-фьюжн», со стороны водителя виднелись очертания женской головы. Не успела Джейн отстегнуть ремень безопасности, как дверь «форда» открылась и женщина вышла. Она была превосходно сложена, волосы модно мелированы седыми прядями, одежда стильная, но практичная: серые брюки, пиджак, бежевый плащ и прочные удобные туфли без каблуков. Такое одеяние можно было найти и в шкафу Джейн, что неудивительно: эта женщина тоже работала в полиции.

– Детектив Андреа Пирсон, – сказала женщина. – Бруклинская полиция.

– Джейн Риццоли, Барри Фрост, – сказала Джейн. – Спасибо, что встретили.

Они обменялись рукопожатиями, но не стали задерживаться под дождем – Пирсон сразу же провела их по ступеням к входной двери дома. Жилище было скромное, с небольшим передним двором, где доминировали парные кусты форзиции, на ветках которых не осталось осенних листьев. К перильцам крыльца до сих пор была привязана полицейская лента, яркий предупреждающий флажок, сообщавший: дальше – трагедия.

– Не могу не признать, что ваш звонок выбил меня из колеи, – сказала детектив Пирсон, доставая ключ от дома. – Нам до сих пор не удалось получить от оператора детализацию телефонных звонков Джоди Андервуд, а ее сотовый пропал. Поэтому мы понятия не имели, что они с мистером Готтом перезванивались.

– Вы говорите, ее сотовый пропал? – спросила Джейн. – Его украли?

– Вместе с другими вещами. – Детектив Пирсон отперла дверь. – Мотивом убийства признано ограбление. По крайней мере, мы пришли к такому выводу.

Они вошли в дом, и детектив Пирсон включила свет. Джейн увидела дощатые полы, гостиную, обставленную с гламурным шведским минимализмом, но никаких кровавых пятен здесь не было. Единственным свидетельством того, что здесь совершилось преступление, были пятна дактилоскопического порошка.

– Ее тело лежало здесь, около входной двери, – сказала детектив Пирсон. – В понедельник Джоди не пришла на работу, и из школы позвонили ее сестре Саре, которая сразу же приехала. Тело обнаружили около десяти утра. На трупе были пижама и халат. Причина смерти абсолютно очевидна. На шее странгуляционные отметины, и коронер подтвердил, что она умерла от удушения. Еще у трупа был синяк на правом виске, вероятно от первого удара, которым ее оглушили. Свидетельств сексуального насилия не обнаружено. Молниеносное нападение произошло, видимо, как только она открыла дверь.

– Вы сказали, что на ней были пижама и халат? – спросил Фрост.

Пирсон кивнула:

– По оценке коронера, смерть произошла между восемью вечера и двумя часами ночи. Если в девять сорок шесть она звонила Готту, то это сужает промежуток, в который она могла умереть.

– Если, конечно, это звонила действительно она, а не кто-то другой с ее телефона.

Пирсон, помедлив, ответила:

– Это не исключено, поскольку ее сотовый пропал. Все звонки на ее телефон отправлялись в голосовую почту, а это значит, что тот, кто взял ее мобильник, видимо, его выключил.

– Вы сказали, что, по вашему мнению, мотивом убийства стало ограбление. Что еще было похищено? – спросила Джейн.

– Как говорит ее сестра Сара, среди пропавших вещей ноутбук «Макбук эйр», камера, сотовый и ее сумочка. Нам известны другие случаи проникновения в дома в этом районе, но они всегда происходили в отсутствие хозяев. Пропадали такие же, как и в этом случае, вещи, главным образом электроника.

– И вы считаете, что это дело рук того же преступника?

Детектив Пирсон ответила не сразу, некоторое время она смотрела в пол, словно видела перед собой тело Джоди Андервуд, лежащее у ее ног. Седая прядь упала ей на щеку, и она убрала ее. Потом взглянула на Джейн:

– Я не уверена. В других случаях преступник оставлял отпечатки пальцев, это явно была любительская работа. Но здесь не обнаружилось никаких следов вообще: ни отпечатков пальцев, ни каких-либо

инструментов, ни следов. Все так чисто, так безупречно, что кажется почти…

– Профессиональным.

Детектив Пирсон кивнула:

– Вот почему меня заинтересовали ее телефонные разговоры с Леоном Готтом. То место преступления говорило о предумышленном убийстве?

– Не знаю, как насчет предумышленного, – ответила Джейн, – но оно явно не было чистым и безупречным, как это.

– Что вы имеете в виду?

– Я пришлю вам фотографии с места преступления. Не сомневаюсь, вы согласитесь с нами, что убийство Леона Готта было несколько грязнее. И ирреальнее.

– Значит, между этими двумя убийствами может и не быть связи, – сказала детектив Пирсон. – Но вам известно, почему они перезванивались? Откуда они вообще знали друг друга?

– У меня есть подозрения, но я должна подтвердить их, побеседовав с сестрой Джоди. Вы говорите, ее зовут Сара?

– Она живет в миле отсюда. Я позвоню ей, предупрежу о нашем приезде. Почему бы вам не поехать за мной в своей машине?

– Моя сестра ненавидела все, за что выступал Леон Готт. Его охоту на крупную дичь, его политические убеждения, но самое главное – то, как он обращался со своим сыном, – сказала Сара. – Я понятия не имею, почему он звонил Джоди. Или почему она звонила ему.

Они сидели в аккуратной гостиной Сары, где все было сплошь стекло и мебель из светлого дерева. Было очевидно, что вкусы двух сестер совпадали вплоть до склонности к шведскому шику. И внешне они тоже были похожи: у обеих кудрявые рыжие волосы и лебединые шеи. Но если Джоди на фотографии в «Фейсбуке» улыбалась, то лицо Сары было воплощением усталости. Она принесла поднос с чаем и печеньем для трех посетителей, однако ее собственная чашка остывала нетронутой. Ей было тридцать восемь, но в сером свете из окна она казалась старше, словно скорбь особым образом давила на ее лицо, оттягивая вниз уголки рта и глаз.

Детектив Пирсон и Сара уже были знакомы и разговаривали о смерти Джоди, а потому Джейн и Фрост предоставили Пирсон право задать несколько первых вопросов.

– Сара, эти телефонные звонки, возможно, не имеют никакого отношения к убийству Джоди, – сказала Пирсон. – Но такое совпадение поразительно. Джоди в последние недели не упоминала имени Леона Готта?

– Нет. Ни в последние месяцы, ни в последние годы. После того как она потеряла Эллиота, у нее не было причин говорить с его отцом.

– А какого мнения она была о Леоне Готте?

– Она говорила, что худшего отца, чем Леон Готт, не придумаешь. Джоди и Эллиот прожили вместе около двух лет, и она много слышала от него про Леона. О том, что он любит оружие больше семьи. О том, как он взял Эллиота на охоту, когда тому было всего тринадцать лет. О том, что Леон приказал сыну потрошить оленя, а когда тот отказался, обозвал его пидором.

– Ужасно.

– Жена Леона после этого ушла от него и забрала Эллиота с собой. Это лучшее, что она могла сделать как мать. Жаль только, что она не сделала этого раньше.

– Эллиот часто общался с отцом?

– Редко. Джоди говорила, что Леон в последний раз позвонил Эллиоту на день рождения, но разговор получился коротким. Эллиот старался быть вежливым, но ему пришлось повесить трубку, когда отец принялся поливать грязью его покойную мать. Месяц спустя Эллиот уехал в Африку. Он мечтал об этом путешествии, несколько лет его планировал. Слава богу, что время отпуска Джоди не совпало с этой поездкой, а то бы и она…

Сара уронила голову, уставилась в свою нетронутую чашку чая.

– А после исчезновения Эллиота Джоди общалась с Леоном? – спросила детектив Пирсон.

Сара кивнула:

– Несколько раз. Леону, чтобы понять, каким поганым отцом он был, понадобилось потерять сына. Моя сестра была доброй, она пыталась утешить его. Они так никогда и не нашли общего языка, но после

заупокойной службы в память об Эллиоте она отправила Леону открытку. Даже напечатала и поместила в рамочку самое последнее фото Эллиота, снятое в Африке. Она отправила фотографию Леону и очень удивилась, получив от него письмо с благодарностями. Но после этого они не общались. Насколько мне известно, между ними несколько лет не было никакой связи.

До этого момента вопросы задавала детектив Пирсон, а Джейн слушала молча. Теперь она не сдержалась:

– А другие фотографии Эллиота в Африке у вашей сестры остались?

Сара посмотрела на нее недоуменным взглядом:

– Есть несколько. Он отправил их со своего сотового из Африки. Его камеру так и не нашли. Так что эти фото, снятые на телефон, – единственное свидетельство того путешествия.

– Вы их видели?

– Да. Типичные туристские фото. Снимки из самолета, достопримечательности Кейптауна. Ничего особенного. – Она грустно рассмеялась. – Эллиот был не ахти какой фотограф.

Детектив Пирсон, нахмурившись, посмотрела на Джейн:

– Вы не случайно спрашиваете про его африканские фотографии?

– Мы говорили с одним свидетелем, который был в доме Готта около половины третьего в воскресенье. Он слышал разговор Готта по телефону: тот говорил кому-то, что хочет иметь все африканские фотографии Эллиота. Судя по времени звонка, это был разговор с Джоди. – Джейн взглянула на Сару. – Зачем Леону могли понадобиться эти фотографии?

– Понятия не имею. Чувство вины?

– В связи с чем?

– В связи с тем, что он мог бы быть отцом получше. В связи с ошибками, которые он совершил. С людьми, которых обидел. Может быть, он наконец-то вспомнил о сыне, которого столько лет игнорировал.

Именно это сказал им и Джерри О’Брайен: Леон Готт в последнее время был одержим исчезновением сына. С возрастом приходят сожаления и мысли о том, что ты мог бы сделать, но у Леона не было ни малейшей возможности залечить разрыв с Эллиотом. Один в доме, не считая

собаки и двух котов, неужели он вдруг понял, какой неадекватной заменой любви к сыну были эти зверюшки?

– Мне больше нечего вам сказать о Леоне Готте, – сказала Сара. – Видела я его всего один раз, на заупокойной службе по Эллиоту шесть лет назад. И с тех пор больше никогда.

Последние проблески дневного света умерли, и за окном наступила темнота. В теплом сиянии лампы лицо Сары сбросило несколько лет, она стала выглядеть моложе, живее. Может, это произошло потому, что она вышла из роли убитой горем сестры и теперь участвовала в разгадке ее последних часов, пытаясь понять, почему они были связаны с Готтом.

– Вы говорите, он звонил Джоди в половине третьего, – сказала Сара, обращаясь к детективу Пирсон. – Но в это время она была в Плимуте. На конференции.

– Мы пытались реконструировать последний день Джоди, – объяснила детектив Пирсон Фросту и Джейн. – Мы знаем, что в воскресенье она была на конференции библиотекарей. Конференция закончилась в пять часов, так что Джоди, вероятно, добралась до дома после восьми. И это объясняет ее такой поздний звонок Готту – в девять сорок шесть.

– Мы знаем, что в половине третьего он звонил ей насчет фотографий, – сказала Джейн. – И я предполагаю, что вечером она звонила ему по тому же делу. Может быть, сказать, что нашла фотографии… – Джейн задумалась. Посмотрела на Сару. – Где ваша сестра хранила фотографии Эллиота с того африканского путешествия?

– Это были цифровые файлы. Так что где-то в ее ноутбуке.

Джейн и детектив Пирсон переглянулись.

– А ноутбук пропал, – сказала Джейн.

Три детектива стояли, дрожа от холода и сырости, возле своих машин и тихо совещались.

– Мы пришлем вам наши записи и будем благодарны за ваши, – сказала Джейн.

– Конечно. Но я так и не могу понять, что мы ищем.

– Я тоже, – призналась Джейн. – Но ощущение такое, что в этом что-то есть. Что-то связанное с африканскими фотографиями Эллиота.

– Вы слышали, что Сара про них говорила: типичные туристские снимки, ничего примечательного.

– По крайней мере, для нее.

– И это снимки шестилетней давности. Кому они могут быть интересны?

– Не знаю. Я просто действую…

– По наитию?

Это слово заставило Джейн задуматься. Она вспомнила свой разговор с Маурой, вспомнила, как отвергала подозрения Мауры о связи найденного скелета с делом Готта. «Когда речь идет о наитии, – подумала Джейн, – мы доверяем только своему собственному. Даже если не умеем его толком защитить».

Детектив Пирсон откинула с лица прядь мокрых от дождя волос и вздохнула:

– Что ж, если мы поделимся информацией, это никому не повредит. Обычно парни не прочь воспользоваться моими записями, но мне в свои заглянуть не дают. – Она посмотрела на Фроста. – Не хочу клеветать на всех парней.

Джейн рассмеялась:

– Этот парень не из таковских. Он готов поделиться чем угодно, кроме своих чипсов.

– Ты их все равно подворовываешь, – пробурчал Фрост.

– Я отправлю вам по электронке, что у меня есть, когда доберусь до дома, – сказала детектив Пирсон. – А отчет о вскрытии тела Джоди можете получить прямо у коронера.

– Как зовут врача, который делал аутопсию?

– Я не знакома со всеми патологоанатомами. Такой крупный мужчина. С низким голосом.

– Похоже, это доктор Бристол, – сказал Фрост.

– Да, точно. Доктор Бристол. Он и делал вскрытие в прошлый вторник. – Пирсон достала ключи от машины. – Никаких сюрпризов не было.

Особенность сюрпризов – никогда не знаешь, когда тебе подвернется нечто, способное изменить ход следствия.

Следующий день Джейн потратила на поиски подобного сюрприза среди файлов, присланных ей Андреа Пирсон. Она сидела за компьютером, вокруг которого на столе валялись остатки ланча, и просматривала страницу за страницей свидетельские показания и заметки детектива Пирсон. Джоди Андервуд прожила в этом доме в Бруклине восемь лет. Дом она унаследовала от родителей, а район был известен как тихий и добрососедский. Ни врагов, ни бойфренда в настоящее время у нее не было. Никто из соседей в день убийства не слышал ни криков, ни громкого шума из ее дома – ничего такого, что указывало бы, что она сопротивлялась убийцам.

«Молниеносное нападение» – так об этом сказала Пирсон. Джоди мгновенно лишилась сознания и не имела ни малейшей возможности бороться за свою жизнь. Фотографии с места преступления подтверждали слова Пирсон. Тело Джоди было найдено в прихожей, она лежала на спине, вытянув одну руку в сторону двери, словно хотела подтянуться к порогу, выбраться за него. На ней были пижама в полоску и темно-синий халат. Один тапок остался у нее на ноге, другой лежал на несколько дюймов дальше. У Джейн были такие же шлепанцы: внутри бежевая замша, снаружи отделка овечьей шерстью, заказаны через «Л. Л. Бин»[17]. Теперь она уже не сможет их надеть, не вспомнив фотографию мертвой женщины.

Она перешла к отчету патологоанатома, надиктованному коллегой Мауры, доктором Бристолом. Эйб Бристол был очень крупным, громкоголосым, любил поесть (причем чудовищно неаккуратно), но в морге отличался не меньшим вниманием к деталям, чем Маура. Хотя оружие убийства обнаружить не удалось, следы на шее убитой сказали Бристолу, что использовали веревку, а не проволоку. Время смерти было обозначено между восемью вечера и двумя часами ночи.

Джейн пробежала страницы, описывающие внутренние органы (все они были в порядке, здоровы) и гениталии (никаких свидетельств травмы или недавней сексуальной активности). Пока никаких сюрпризов.

Она перешла к списку одежды: женская пижама в полоску, верх и низ, стопроцентный хлопок, маленький размер. Банный махровый халат темно-синего цвета, малого размера. Женские шлепанцы с овчиной седьмого размера, от «Л. Л. Бин».

Джейн перелистнула страницу. Просмотрела перечень физических следов, переданных в криминологическую лабораторию, увидела

обычные обрезки ногтей, мазки слизистой, образец лобковых волос. Потом она перешла к списку в конце страницы.

«Три волоска, белые/серые, возможно, принадлежат животному, длиной приблизительно три-четыре сантиметра. Обнаружены на халате убитой близ подола».

Возможно, принадлежат животному.

Джейн представила себе чистые полы в доме Джоди, модную шведскую мебель, попыталась вспомнить, не видела ли каких-то признаков того, что в доме обитало животное. Может быть, кот терся о синий махровый халат. Она взяла телефон и позвонила сестре Джоди.

– Она любила зверюшек, но в доме животных не было, если не считать золотых рыбок, которые умерли несколько месяцев назад, – сказала Сара.

– И у нее никогда не было ни кошки, ни собаки? – спросила Джейн.

– Она не могла завести животных. У нее была такая аллергия – стоило ей приблизиться к кошке, как она начинала чихать. – Сара, видимо, печально улыбнулась воспоминаниям. – Девчонкой она мечтала стать ветеринаром и пошла волонтером в местную лечебницу для животных. Вот тогда-то у нее и случился первый приступ астмы.

– А меховых шуб у нее не было? Кроличьих или из норки?

– Исключено. Джоди состояла в Обществе защиты прав животных.

Джейн повесила трубку и уставилась в строчки на компьютере. «Три волоска, возможно, принадлежат животному».

И она подумала: «У Леона Готта были коты».

– Эти три волоска представляют собой занятную загадку, – сказала Эрин Волчко, ветеран среди бостонских криминалистов, специализирующаяся на волосах и волокнах.

За годы работы она натаскала десятки детективов, научила их делать сложный анализ ковровых волокон и волос, отличать шерсть от хлопка, синтетические волокна от натуральных, вырванные волосы от срезанных. Хотя Джейн много раз заглядывала в микроскоп и рассматривала волосы, найденные на месте преступления, ей так и не

удалось приблизиться к умению Эрин отличать один волосок от другого; все светлые волосы казались Джейн одинаковыми.

– У меня сейчас под микроскопом один из волосков, – сказала Эрин. – Садись, я тебе покажу, в чем проблема.

Джейн села на стул и посмотрела в двуокулярный учебный микроскоп. Она увидела волосок, диагонально вытянутый на предметном стекле.

– Это волосок номер один, найденный на синем халате миз Андервуд, – сказала Эрин, глядя в другую пару окуляров. – Цвет – белый. Волнистость – нулевая. Длина три сантиметра. Очень четко видна луковица, наружная часть, сердцевина. Прежде всего обрати внимание на цвет. Видишь, он не однородный? Он словно бледнеет к концу волоска. Это называется слоистость. Естественный человеческий волос обычно имеет одну окраску по всей длине. Таким образом, это первый показатель того, что мы имеем дело не с человеческим волосом. Теперь взгляни на сердцевину: по длине волоска проходит центральная трубочка. Эта сердцевина шире, чем у человеческого волоса.

– Чей же это волосок?

– Внешняя часть дает нам об этом вполне четкое представление. Я сделала микрофотографию. Давай покажу.

Эрин повернулась к компьютеру и нажала на ряд клавиш. На экране появилось увеличенное изображение волоса. Поверхность была покрыта тонкими треугольными чешуйками, похожими на чешуйки панциря.

– Я бы назвала эти чешуйки остистыми, – сказала Эрин. – Видишь, они чуть приподнимаются, словно стремятся раскрыться, как лепестки? Мне нравится, как все выглядит при многократном увеличении. Целая новая вселенная, которую мы не можем рассмотреть, не вооружившись оптическими приборами.

Глядя на экран, Эрин улыбалась, словно озирала чужестранный город, где ей хотелось бы побывать. Она целый день торчала в этой комнате без окон, и поле ее следствия было ограничено микроскопическими ландшафтами кератина и протеина.

– И что это значит? – спросила Джейн. – Тот факт, что мы видим здесь остистые чешуйки?

– Это подтверждает мое первое впечатление: волоски не человеческие. Что касается принадлежности, то форма чешуек характерна для норки, тюленя и домашней кошки.

– Давай не будем далеко ходить. Думаю, это волосы домашней кошки.

Эрин кивнула:

– Не могу сказать со стопроцентной уверенностью, но кошка – наиболее вероятный источник волосков. Один кот в год теряет их несколько сотен тысяч.

– Силы небесные! Это ж сколько нужно поработать пылесосом!

– А если у тебя в доме не один кот, а десяток, как у некоторых любителей кошек, представь себе, сколько волос получится.

– И думать об этом не хочу!

– Я читала одно криминологическое исследование, в нем говорилось, что невозможно войти в дом, где обитает кот, и не унести на себе хотя бы несколько его волосков. У большинства американцев в доме как минимум один кот или пес, так что одному богу известно, как этот волосок попал на халат убитой. Если у нее самой не было кота, то она могла оказаться в обществе кота у друзей.

– Ее сестра утверждает, что убитая страдала от сильнейшей аллергии и избегала контактов с животными. Я вот о чем думаю: а не могли ли эти волоски оказаться на ней опосредованно, через убийцу?

– Полагаешь, убийца принес их из дома Леона Готта?

– У Готта были два кота и собака, так что его дом – настоящая меховая фабрика. Я несколько раз прошлась по дому и вся была в волосках. На убийце они тоже должны были оказаться. Если на мне оказались волоски котов Готта, ты бы смогла провести сравнение ДНК с этими тремя?

Эрин вздохнула и сдвинула очки на лоб:

– Боюсь, что с ДНК будут проблемы. Все три волоска с халата Джоди Андервуд были потеряны животным в фазу телогена[18]. У этих волос нет корневых маркеров, иными словами, в ядре нет ДНК.

– А как насчет визуального сравнения? Под микроскопом?

– Это скажет нам только то, что мы видим белые волоски, которые могут принадлежать одному и тому же коту. Суд такого доказательства не примет.

– Могу ли я каким-либо образом доказать, что эти волоски перенесены из дома Готта?

– Не исключено. Если ты наблюдаешь за кошками, то знаешь, как часто они себя вылизывают. Они постоянно за собой ухаживают, и каждый раз на шерсти остаются эпителиальные клетки изо рта. Возможно, мы сумеем получить с этих волосков митохондриальные маркеры ДНК. Но на это может уйти несколько недель.

– И это будет достаточным доказательством?

– Да, будет.

– Тогда я должна собрать какое-то количество кошачьих волосков.

– Чтобы у нас был корневой материал, нужно выдернуть волоски прямо из животного.

Джейн застонала:

– Это будет непросто. Один из котов никак не дается в руки. Он где-то на свободе – бегает по дому убитого.

– Боже, надеюсь, кто-нибудь его кормит?

– Догадайся, кто ездит туда каждый день, оставляет еду, воду и меняет наполнитель?

Эрин рассмеялась:

– Неужели детектив Фрост?

– Он утверждает, что не выносит котов, но я уверена, он бы и в горящий дом вбежал, чтобы спасти котенка.

– Знаешь, детектив Фрост мне всегда нравился. Он такой душка.

Джейн фыркнула:

– Ну да, я рядом с ним – настоящая сука.

– Ему только нужно найти себе другую жену, – сказала Эрин, вытаскивая предметное стекло. – Я хотела познакомить его с одной из моих подружек, но она не хочет связываться с копом. Говорит, они неуправляемы. – Она положила новое предметное стекло под линзу. – Давай я теперь покажу еще один волосок с того же халата. Этот привел меня в полное недоумение.

Джейн устроилась поудобнее в кресле и заглянула в окуляр.

– Он выглядит как тот, первый волосок. Что же в нем такого особенного?

– На первый взгляд он похож на предыдущий. Белый, прямой, длина около пяти сантиметров. И та же самая цветовая слоистость говорит нам, что он, вероятно, не человеческий. Поначалу я думала, что он тоже принадлежит Felis catus, домашнему коту. Но при увеличении в тысячу пятьсот раз становится заметно, что он совсем от другого животного. – Эрин развернулась к своему компьютеру, открыла на мониторе второе окошко, с другой микрофотографией, и поставила два изображения рядом.

Джейн нахмурилась:

– Второй волосок ничуть не похож на кошачий.

– Поверхностные чешуйки совсем другие. Они похожи на маленькие горные вершины с уплощенным верхом. Совсем не такие, как остистые чешуйки домашней кошки.

– А какому животному они принадлежат?

– Я сравнила их со всеми вариантами в моей базе данных. Но с таким я прежде не сталкивалась.

Таинственное животное. Джейн вспомнила дом Леона Готта и его стены с чучелами голов животных. Еще она вспомнила его таксидермическую мастерскую, где он регулярно очищал, высушивал и вытягивал шкуры животных, которых ему доставляли со всего мира.

– Это не может быть волосок снежного барса? – спросила она.

– Это уж совсем экзотика. Почему снежный барс?

– Потому что Готт работал со шкурой снежного барса, а теперь она пропала.

– Это чрезвычайно редкое животное, так что я не знаю, где взять образец его волоска для сравнения. Но существует способ определять принадлежность волосков. Помнишь, как мы идентифицировали волос, фигурировавший в убийстве в Чайна-тауне? Тот волос, который впоследствии оказался обезьяньим?

– Ты отправила его в лабораторию в Орегоне.

– Верно, в судебно-медицинскую лабораторию диких животных. У них есть база данных образцов кератина самых разных видов животных со всего мира. С помощью электрофореза можно анализировать протеиновую составляющую волоска и сравнивать с известными кератиновыми образцами.

– Давай так и сделаем. Если это волосок снежного барса, почти наверняка он из дома Готта.

– А пока найди-ка мне волосок той кошки, – сказала Эрин. – Если ДНК совпадет, у тебя будет доказательство, что два этих убийства связаны.

17

– Ты моя большая ошибка, – сказала Маура. – Не стоило брать тебя домой.

Кот, игнорируя ее, вылизывал лапу – тщательно намывался, сожрав банку импортного испанского тунца в оливковом масле, десять долларов за штуку. Расточительство, конечно, но кот отказывался есть сухой корм, а Маура сегодня по пути домой забыла купить еду для котов-лакомок. В ее кладовке оказалась одна драгоценная банка тунца, которую она собиралась использовать для приготовления вкусненького салата нисуаз[19] со свежим зеленым горошком и красным картофелем. Но нет, ее прожорливый питомец подобрал все до последнего кусочка и неторопливо удалился из кухни, давая Мауре понять, что в ее услугах он более не нуждается.

«Больше никакой дружбы. Я всего лишь прислуга». Маура помыла кошачью плошку в горячей мыльной воде и сунула ее в посудомойку, чтобы там она окончательно очистилась от микробов. Можно ли заразиться Toxoplasma gondii от кошки всего за одну неделю? В последнее время Маура боялась токсоплазмоза, так как прочла, что он может стать причиной шизофрении. Сумасшедшие тетки, помешанные на кошечках, становились такими по вине домашних любимцев. «Вот таким образом эти умные животные и контролируют нас, – думала Маура. – Заражают паразитом, который вынуждает подавать им десятидолларовые консервные банки тунца».

Раздался звонок в дверь.

Маура вымыла и вытерла руки, думая: «Микробы, умрите!», потом пошла к двери.

На крыльце стояла Джейн Риццоли.

– Я пришла за кошачьим волоском, – сказала она, вытаскивая из кармана пинцет и полиэтиленовый пакетик для вещдоков. – Предоставляю эту почетную обязанность тебе.

– А сама?

– Это же твой кот.

Маура, вздохнув, взяла пинцет и направилась в гостиную, где нашла кота на кофейном столике. Он смотрел на нее зелеными глазами, с подозрением. Они прожили вместе уже целую неделю, но между ними так и не возникла настоящая связь. Возможно ли это вообще? На месте преступления в доме Готта он демонстрировал приязнь к ней, мяукал и терся о ее ноги, пока не уговорил взять его. Но когда она привезла его домой, кот стал относиться к ней с полным безразличием, хотя она и ублажала его консервами с тунцом. Это был универсальный плач разочарованной жены: «Он меня обворожил, соблазнил, а теперь я у него в прислугах».

Маура опустилась на колени рядом с котом, который тут же спрыгнул с кофейного столика и неторопливо пошел в кухню, всем своим видом изображая благородное презрение.

– Его нужно выдрать из животного, – сказала Джейн.

– Да знаю я, знаю. – Маура последовала за котом по коридору, бормоча: – Почему я себя так глупо чувствую?

Кот сидел там, где должна была стоять его плошка, устремив на Мауру обвиняющий взгляд.

– Может, он голоден, – сказала Джейн.

– Я его только что покормила.

– Покорми еще раз.

Джейн открыла холодильник и достала упаковку густой сметаны.

– Мне она нужна, – попыталась возразить Маура.

– А мне нужен кошачий волосок.

Джейн положила сметаны в плошку, поставила на пол. Кот тут же принялся ее лизать и даже не заметил, как Джейн выдрала у него из спины три волоска.

– Когда ничего не помогает, попробуй взятку, – сказала Джейн, укладывая волоски в пакетик для вещдоков. – А теперь мне нужен образчик шерсти другого кота.

– Его поймать еще никому не удавалось.

– Да, это будет непросто. Фрост каждый день заезжает туда, но так ни разу его и не видел.

– Ты уверена, что он все еще в доме? Не удрал?

– Кто-то же поедает кошачью еду. А в доме куча мест, где кот может спрятаться. Может, удастся его поймать. Слушай, у тебя есть картонная коробка? Мне бы она пригодилась.

– Еще тебе понадобятся перчатки. Ты хоть представляешь, какими жуткими инфекциями чревата кошачья царапина? – Маура отправилась в кладовку и нашла там пару коричневых кожаных перчаток. – Попробуй эти.

– Ой-ой, они с виду такие дорогие. Постараюсь вернуть их тебе в целости и сохранности. – С этими словами она направилась к выходу.

– Постой. Мне тоже нужны перчатки. У меня тут еще есть.

– Ты что, тоже едешь?

– Этот кот не хочет быть пойманным. – Маура залезла в карман куртки и вытащила еще пару перчаток. – Тут понадобится не менее двух женщин.

В доме все еще висел запах смерти. Хотя тело и внутренности увезли отсюда несколько дней назад, разложение оставило в воздухе след, зловонный букет запахов, которые просочились во все шкафы, в каждую щелочку, проникли в мебель, ковры и занавеси. Как дым после пожара, вонь разложения не желала покидать захваченное пространство, она упрямо цеплялась за дом Готта, словно призрак его самого. Сюда еще не приходила команда уборщиков, чтобы вымести и вычистить дом, и на полу оставались кровавые следы собачьих и кошачьих лап. Неделю назад, когда Маура вошла сюда, вместе с ней были детективы и криминалисты, их голоса разносились по этим комнатам. Сегодня она слышала тишину брошенного дома, тишину, нарушаемую жужжанием одной-единственной мухи, которая бесцельно кружила по гостиной.

Джейн поставила картонную коробку:

– Давай будем обходить комнату за комнатой. Сначала первый этаж.

– Почему мне вдруг пришла в голову погибшая смотрительница из зоопарка? – спросила Маура.

– Это домашний кот, а не леопард.

– Даже симпатичные домашние котики тоже хищники, это заложено в глубинах их ДНК. – Маура надела перчатки. – Я читала одно исследование, так вот, по оценке автора, домашние коты убивают почти четыре миллиарда птиц в год.

– Миллиарда? Точно?

– Они для этого рождены. Тихие, проворные и быстрые.

– Иными словами, трудноуловимые. – Джейн вздохнула.

– К сожалению. – Маура вытащила из коробки банное полотенце, прихваченное из дома. Она собиралась набросить его на убегающего кота, а потом засунуть его в коробку, не получив царапин. – Это в любом случае нужно сделать. Бедняга Фрост не может провести остаток жизни, привозя кошачью еду киске-убийце. Как думаешь, когда мы поймаем кота, Фрост возьмет его себе?

– Если мы отвезем кота в приют, то Фрост с нами в жизни больше не заговорит. Поверь мне, когда я завезу этого кота к Фросту домой, он там останется навсегда.

Обе надели перчатки. Чучела звериных голов взирали с высоты на то, как две женщины приступают к охоте. Джейн ползала на четвереньках и заглядывала под диваны и кресла. Маура обыскивала шкафы и закутки, где мог прятаться кот. Отряхивая пыль с ладоней, она выпрямилась, и вдруг ее внимание привлекла голова африканского льва. Глаза его светились таким умом, что Маура почти не удивилась бы, спрыгни эта голова со стены.

– Вот он! – крикнула Джейн.

Маура развернулась и увидела, как что-то белое метнулось через гостиную и взбежало по лестнице. Она схватила коробку и последовала за Джейн на второй этаж.

– Хозяйская спальня! – прокричала Джейн.

Они вошли в спальню и закрыли за собой дверь.

– Ну вот, попался, – сказала Джейн. – Я знаю, что он забежал сюда. Где же он, чертяка, прячется?

Маура осмотрела мебель. Огромная кровать, две прикроватные тумбочки, массивный комод. Зеркало на стене отражало их раскрасневшиеся раздосадованные лица.

Джейн опустилась на колени, заглянула под кровать.

– Здесь его нет, – сообщила она.

Маура повернулась к гардеробной и увидела, что дверь приоткрыта. Больше спрятаться в комнате было негде. Они переглянулись и одновременно перевели дыхание.

– «Мы идем на охоту, мы идем на охоту»[20], – тихо пропела Джейн и включила свет в гардеробной.

Их взорам предстали пиджаки, свитера и множество рубашек в клетку. Джейн сдвинула в сторону теплую куртку, чтобы заглянуть поглубже, и тут же отпрянула: кот с истошным воплем бросился мимо нее и выскочил в дверь.

– Черт! – Джейн уставилась на правый рукав, продранный когтями. – Отныне я официально ненавижу котов. Куда засранец убежал?

– Под кровать.

Джейн двинулась к своему врагу из рода кошачьих.

– Все, доброй тетеньки из полиции больше нет. Кот, ты теперь мой.

– Джейн, у тебя кровь идет. У меня спиртовые тампоны в сумочке внизу.

– Сначала поймаем его. Становись по другую сторону кровати и гони его на меня.

Маура опустилась на колени и заглянула под кровать. На нее смотрела пара желтых кошачьих глаз, а рычание, исходившее из горла животного, было таким диким, что волоски на руках Мауры встали дыбом. Это был не какой-нибудь ласковый котенок. Это был демонический Флаффи.

– Я держу наготове полотенце, – сказала Джейн. – Гони его на меня.

Маура робко помахала рукой на животное:

– Пст.

Кот обнажил зубы и зашипел.

– Пст? – хохотнула Джейн. – Маура, это все, что ты можешь?

– Ну хорошо. Кот, кыш! – Маура опять помахала рукой, и кот попятился. Маура сняла туфлю и замахнулась на кота. – Брысь!

Кот бросился из своего укрытия под кроватью. Хотя Маура и не видела последовавшей за этим борьбы, но мяуканье и шипение слышала, как и приглушенные проклятия Джейн, боровшейся с котом. К тому времени, когда Маура поднялась на ноги, Джейн успела замотать демонического Флаффи в банное полотенце, засунула сопротивляющегося кота вместе с полотенцем в коробку и закрыла клапаны. Коробка сотрясалась и дребезжала пятнадцатью фунтами озлобленного животного.

– Мне не нужно делать уколы от бешенства? – спросила Джейн, глядя на царапину.

– Прежде всего тебе нужны мыло и антисептик. Помой руку. Я спущусь и принесу спиртовые тампоны.

Маура поддерживала старый бойскаутский лозунг «Будь готов», и в ее сумке всегда были резиновые перчатки, спиртовые тампоны, пинцеты, бахилы и пластиковые пакетики для вещдоков. Свою сумку она нашла на кофейном столике – там, где ее и оставила. Маура вытащила сверток с тампонами и уже хотела вернуться наверх, как вдруг заметила пустой гвоздь в стене. Вокруг пустого места висели рамочки с фотографиями Леона Готта в разных охотничьих экспедициях, он стоял со своим ружьем над поверженной добычей. Олень, буйвол, кабан, лев. Висела в рамочке и копия статьи о Готте из «Хаб мэгэзин»: «Мастер охотничьих трофеев: интервью с бостонским таксидермистом».

Джейн спустилась по лестнице в гостиную:

– Так мне стоит волноваться по поводу бешенства?

Маура показала на пустой гвоздь:

– Отсюда что-то снимали?

– Я тут беспокоюсь, как бы мне руку не отняли, а ты спрашиваешь о пустом месте на стене.

– Тут что-то пропало, Джейн. На прошлой неделе все так и было?

– Да, было. Я тогда обратила внимание на этот гвоздь. Могу проверить по видеосъемке, было ли здесь что-нибудь. – Джейн замолчала, внезапно уставившись на торчащий гвоздь. – Интересно…

– Что?

Джейн повернулась к ней:

– Готт звонил Джоди Андервуд, просил прислать африканские фотографии Эллиота. – Она показала на пустое пространство на стене. – Ты думаешь, это как-то связано с его звонком?

Маура взволнованно покачала головой:

– Отсутствующая фотография?

– В тот же день он звонил в отделение Интерпола в Южной Африке. И опять это было связано с Эллиотом.

– С чего это он вспомнил про сына? Эллиот исчез шесть лет назад.

– Шесть лет назад. – Джейн снова посмотрела на пустое место на стене, где раньше что-то висело. – В Ботсване.

18

Ботсвана

«Сколько может человек обходиться без сна?» – думаю я, глядя в свете костра на Джонни, который клюет носом. Глаза его полузакрыты, корпус наклоняется вперед, как дерево, готовое упасть. Но пальцы по-прежнему крепко держат ружье, лежащее у него на коленях, словно оружие – это часть его тела, продолжение конечностей. Весь вечер остальные поглядывали на него, и я знаю, что Ричард не прочь завладеть оружием, но даже полусонный Джонни слишком грозен, чтобы с ним связываться. После смерти Исао Джонни спал только урывками днем, и он полон решимости бодрствовать ночью. Если это продлится еще несколько дней, он либо впадет в ступор, либо сойдет с ума.

В любом случае ружье останется в его руках.

Я оглядываю лица у костра. Сильвия и Вивиан сидят друг подле друга, светлые волосы обеих одинаково встрепаны, на лицах печать тревоги. Странные вещи делает буш даже с красивыми женщинами. Лишает их наносного лоска, делает тусклыми волосы, смывает макияж, оставляет плоть и кости. Именно это я и вижу, глядя на них: две женщины, медленно деградирующие к первобытному состоянию. Это уже

произошло с миссис Мацунагой, которая выглядит как собственный хрупкий надломленный костяк. Она по-прежнему не ест. Тарелка с мясом, которую я ей даю, остается нетронутой у ее ног. Чтобы немного поддержать ее физически, я добавила две ложки сахара в ее чай, но она тут же выплюнула его и теперь смотрит на меня недоверчивым взглядом, словно я пыталась ее отравить.

Да что говорить, все смотрят на меня недоверчиво, потому что я не присоединилась к команде «Джонни виноват». Они считают, что я перешла на темную сторону, что я шпионка Джонни, хотя мне хочется лишь одного – найти самый вероятный путь к спасению. Я знаю, что турист из Ричарда никакой, хотя он со мной не согласен. Неловкий, перепуганный Эллиот вот уже несколько дней не бреется, глаза у него воспаленные, и я не удивлюсь, если он начнет бредить как сумасшедший. Блондинки разваливаются прямо у меня на глазах. Единственный человек, который остался самим собой, который знает, что делает, – это Джонни. Я ставлю на него.

И поэтому остальные больше не смотрят на меня. Они смотрят в сторону или мимо меня, бегло переглядываются некой безмолвной глазной азбукой Морзе. Мы в реальности переживаем телевизионную программу «Выживший», и мне ясно, что большинством голосов я изгнана с острова.

Блондинки отправляются спать первыми, они уходят от костра, прижавшись друг к другу и перешептываясь. Потом исчезают Эллиот и Кейко – расходятся по своим палаткам. На минуту перед костром остаемся только мы с Ричардом, но мы относимся друг к другу с таким подозрением, что и говорить-то нам не о чем. Мне с трудом верится, что когда-то я любила этого человека. Дни, проведенные в буше, добавили красивую грубоватую мужественность его лицу, но теперь я вижу за ней мелочное тщеславие. Истинная причина его нелюбви к Джонни в том, что Ричард рядом с ним – пустышка. Все сводится к тому, кто мужественнее. Ричард всегда должен быть героем собственной истории.

Он, кажется, собирается что-то сказать, но тут мы оба понимаем, что Джонни не спит, его глаза светятся в темноте. Ричард, не сказав ни слова, поднимается. Я вижу, как он уходит, ныряет в нашу палатку, и одновременно ловлю на себе взгляд Джонни, чувствую его жар на моих щеках.

– Где вы познакомились? – спрашивает Джонни.

Он сидит так недвижно, опираясь о дерево, что кажется частью ствола, все его тело – как одно длинное, изогнутое корневище.

– В книжном магазине, конечно. Он пришел подписывать экземпляры своей книги «Варианты убийства».

– О чем она?

– Обычный триллер Р. Ренуика. Герой оказывается на отдаленном острове с террористами. Он использует свои навыки жизни на природе и расправляется с ними по одному. Люди поедают такие книги, как конфетки, и набился полный магазин желающих получить автограф. А потом он с персоналом магазина отправился в паб выпить. Я была уверена, что он положил глаз на мою коллегу Сейди. Но нет, он пошел домой ко мне.

– Вы, кажется, удивлены.

– Вы не видели Сейди.

– И когда это было?

– Почти четыре года назад.

Достаточно давно, чтобы Ричарду наскучило. Достаточно давно, чтобы накопились обиды и болячки и мужчина начал сомневаться в правильности выбора.

– Значит, вы должны хорошо знать друг друга, – сказал Джонни.

– Должны.

– Вы не уверены?

– Разве можно в чем-то быть уверенным?

Он скашивает глаза на палатку Ричарда:

– В некоторых людях никогда нельзя быть уверенным. Так же, как нельзя быть уверенным в некоторых животных. Можно приручить льва или слона, можно даже доверять им. Но леопарду доверять нельзя никогда.

– И к какому роду животных вы относите Ричарда? – спрашиваю я полусерьезно.

Даже намека на улыбку не появляется на лице Джонни.

– Это уж вы мне скажите.

Его ответ, произнесенный таким спокойным голосом, заставляет меня задуматься о почти четырех годах, проведенных с Ричардом. Четыре года мы делили постель и стол, но между нами всегда сохранялась дистанция. Это он всегда тянул, презрительно усмехался, когда я заговаривала о браке, словно эти разговоры были ниже нашего достоинства, но думаю, что я все время знала, почему он никогда не женится на мне. Просто не хотела признаваться в этом самой себе. Он ждал свою единственную. А я ею не была.

– Вы ему доверяете? – шепчет Джонни.

– Почему вы спрашиваете?

– Хотя вы и прожили с ним четыре года, знаете ли вы, каков он на самом деле? На что он способен?

– Вы не думаете, что это Ричард…

– А вы?

– Все остальные именно это говорят про вас. Что мы не можем вам доверять. Что вы намеренно затащили нас сюда.

– И вы тоже так думаете?

– Я думаю, что если бы вы хотели нас убить, то уже давно сделали бы это.

Он смотрит на меня, и я остро ощущаю, что ружье – в его руках. Пока он контролирует ружье, он контролирует и нас. Теперь я спрашиваю себя, не совершила ли я роковую ошибку. Может быть, я доверилась не тому человеку?

– О чем еще они говорят? – спрашивает он. – Что планируют?

– Никто ничего не планирует. Просто они испуганы. Мы все испуганы.

– Причин пугаться нет, пока кто-нибудь не совершит что-то необдуманное. Пока вы доверяете мне. Не кому-то иному, а мне.

Даже не Ричарду – вот что он имеет в виду, хотя и не говорит. Не считает ли он, что Ричард виноват в том, что случилось? Или это часть игры «Разделяй и властвуй», которую ведет Джонни, сея семена подозрения?

Эти семена уже укоренились.

Позднее, лежа в палатке рядом с Кейко, я вспоминаю все вечера, когда Ричард поздно возвращался домой. Был у литературного агента – так он

обычно говорил. Или обедал со своей издательской группой. Больше всего я опасалась того, что он заведет интрижку с другой женщиной. Теперь я спрашиваю себя: что, если мне не хватало воображения и причины его отсутствия были более темными, более ужасающими, чем простая неверность?

За стенами палатки звучит ночной хор насекомых, а хищники ходят кругами у нашего лагеря, и сдерживает их только огонь костра. И одинокий человек с ружьем.

Джонни хочет, чтобы я доверяла ему. Джонни обещает обеспечить нашу безопасность.

За эту мысль я цепляюсь, погружаясь в сон. Джонни говорит, что мы это переживем, и я ему верю.

До рассвета, когда все меняется.

На этот раз кричит Эллиот. Его испуганное «Боже мой! Боже мой!» пробуждает меня, швыряя в кошмар реальности. Кейко нет, я в палатке одна. Я даже не надеваю брюки, выкатываюсь из палатки в футболке и трусиках, задерживаюсь, только чтобы надеть ботинки.

Весь лагерь уже пробудился, все собрались у палатки Эллиота. Блондинки цепляются друг за дружку, волосы у них сальные, растрепанные, ноги голые, хотя рассвет прохладный. Они, как и я, выскочили из палатки в чем были. На Кейко пижама, на ногах маленькие японские сандалии. Полностью одет только Ричард. Он стоит, держа Эллиота за плечо, и пытается успокоить его, но тот лишь трясет головой и рыдает.

– Нет ее, – говорит Ричард. – Ее больше здесь нет.

– Может, она прячется в моей одежде! Или в одеялах.

– Я посмотрю еще раз, ладно? Но я ее не видел.

– А что, если там еще одна?

– Еще одна кто? – спрашиваю я.

Все поворачиваются, смотрят на меня, и я вижу подозрительность в их глазах. Мне они не доверяют, потому что я сделала ставку на врага.

– Змея, – говорит Сильвия и обхватывает себя дрожащими руками. – Каким-то образом она заползла в палатку Эллиота.

Я опускаю глаза на землю – не удивлюсь, если увижу, как к моим ботинкам ползет змея. Я научилась не выходить босиком в этой земле пауков и кусачих насекомых.

– Она зашипела на меня, – говорит Эллиот. – Я от этого проснулся. Открыл глаза и увидел ее – она свернулась у моих ног. Я уже был уверен… – Он проводит дрожащей рукой по лицу. – Боже мой. Мы не протянем здесь еще неделю!

– Эллиот, прекратите, – приказывает Ричард.

– Как я могу спать после этого? Как все мы сможем спать, если мы не знаем, что` может заползти в нашу постель?

– Это была африканская гадюка, – говорит Джонни. – Скорее всего.

Ему опять удалось испугать меня, приблизившись совершенно бесшумно. Я поворачиваюсь и вижу, как он подбрасывает дрова в гаснущий костер.

– Вы видели ее? – спрашиваю я.

– Нет. Но Эллиот говорит, что она шипела на него. – Джонни идет к нам, как всегда держа в руках ружье. – Она была желто-коричневая? В крапинку, с треугольной головой? – спрашивает он у Эллиота.

– Это была змея – вот все, что я знаю! Вы думаете, я спрашивал ее имя?

– Африканские гадюки часто встречаются в буше. Возможно, мы еще увидим их.

– Насколько они ядовиты? – спрашивает Ричард.

– Если не принять мер, то укус может быть смертельным. Но если вам от этого будет легче, то их укусы часто сухие, без яда. Она, вероятно, забралась в постель Эллиота, чтобы согреться. Рептилии нередко так себя ведут. – Он оглядел нас. – Поэтому я вас всех предупреждал, что палатку нужно тщательно застегивать на молнию.

– Она и была застегнута, – говорит Эллиот.

– Тогда как змея попала внутрь?

– Вы знаете, что я до безумия боюсь заболеть малярией. Я всегда застегиваю палатку, чтобы не налетели комары. И я уж никак не думал, что целая долбаная змея сможет туда пробраться.

– Возможно, она заползла туда днем, – говорю я. – Пока вас не было.

Джонни, не говоря ни слова, обходит палатку Эллиота. Уж не змею ли он ищет? Уж не думает ли он, что она притаилась где-то там под брезентом, ждет новой возможности заползти внутрь? Джонни внезапно падает на колени, и мы теряем его из виду. Тишина становится невыносимой.

Сильвия срывающимся голосом кричит:

– Что, змея все еще там?

Джонни не отвечает. Он поднимается, и, когда я вижу выражение его лица, руки у меня становятся как ледышки.

– Что такое? – спрашивает Сильвия. – Что такое?

– Идите сюда и посмотрите сами, – спокойно говорит он.

Вдоль нижней кромки палатки, почти скрытый низкой травой, проходит разрез. Это не разрыв, а чистый, ровный разрез в полотне, и смысл этого сразу становится ясен всем.

Эллиот недоуменно оглядывается:

– Кто это сделал? Кто, черт побери, разрезал мою палатку?

– У вас у всех есть ножи, – замечает Джонни. – Это мог сделать любой.

– Не любой, – говорит Ричард. – Мы спали. Вы дежурили всю ночь, были на вахте, как вы говорите.

– Как только стало светать, я ушел за топливом для костра. – Джонни оглядывает Ричарда. – А как давно вы одеты?

– Вы видите, что он делает, а? – Ричард оглядывает нас. – Не забывайте, в чьих руках ружье. Кто здесь всем заправлял, когда все полетело к чертям!

– Почему моя палатка? – Голос Эллиота дрожит, и паника охватывает всех нас. – Почему я?

– Мужчины, – тихо говорит Вивиан. – Он в первую очередь устраняет мужчин. Он убил Кларенса. Потом Исао. А теперь Эллиот…

Ричард делает шаг в сторону Джонни, и ружье мгновенно поднимается, его ствол направлен прямо в грудь Ричарда.

– Назад, – говорит Джонни.

– Вот, значит, как оно будет, – говорит Ричард. – Первым он убьет меня. Потом – Эллиота. А как насчет женщин, Джонни? Милли, может быть, и на вашей стороне, но остальных вам не убить. Если мы будем сопротивляться.

– Это вы, – говорит Джонни. – Вы всё это делаете.

Ричард еще раз шагнул вперед:

– Я тот, кто вас остановит.

– Ричард, – говорю я умоляюще, – не делай этого.

– Милли, тебе пора определиться, на чьей ты стороне.

– Нет тут никаких сторон! Мы должны поговорить об этом. Мы должны вести себя разумно.

Ричард приближается еще на один шаг к Джонни. Это вызов, соревнование нервов. Буш лишил его разума, и теперь он действует, побуждаемый дикой яростью. Направленной на Джонни, его соперника. На меня, предательницу. Время замедляется, и я с мучительной ясностью вижу все в малейших подробностях. Капельки пота на лбу Джонни. Хрустнувшую веточку под ногой Ричарда, который продолжает наступать. Руку Джонни, его напрягшиеся в готовности к выстрелу мышцы.

И я вижу Кейко, маленькую, хрупкую Кейко, которая неслышно проникает за спину Джонни. Я вижу, как она поднимает руки. Я вижу, как она обрушивает камень на голову Джонни.

Он все еще жив.

Несколько минут спустя после удара он открывает глаза. Камень разорвал ему кожу, и из него вытекло жуткое количество крови, но он смотрит на нас ясными глазами, полностью отдавая себе отчет в том, что происходит.

– Вы совершаете ошибку. Все вы, – говорит он. – Вы должны выслушать меня.

– Никто вас не слушает, – говорит Ричард.

Его тень надвигается на Джонни, и он останавливается, глядя на него. Ружье в его руках, и теперь он контролирует ситуацию.

Джонни стонет и пытается встать, но ему тяжело даже сесть.

– Без меня вы все погибнете.

Ричард смотрит на остальных, кто стоит вокруг Джонни:

– Проголосуем?

Вивиан мотает головой:

– Я ему не верю.

– И что мы с ним теперь сделаем? – спрашивает Эллиот.

– Свяжем, вот что. – Ричард кивает блондинкам. – Найдите-ка веревку.

– Нет. Нет. – Джонни с трудом поднимается на ноги. Хотя его качает, подступиться к нему никто не решается. – Можете пристрелить меня, если хотите, Ричард. Здесь и сейчас. Но я не позволю себя связать. Не позволю превратить меня в нечто беспомощное. В этих местах.

– Свяжите его! – командует Ричард блондинкам, но они стоят не двигаясь. – Эллиот, сделайте это.

– Только попробуйте, – рычит Джонни.

Эллиот бледнеет и отшатывается.

Джонни поворачивается к Ричарду и говорит:

– Ну хорошо, ружье теперь у вас, да? Это доказывает, что вы – альфа-самец. В этом смысл затеянной вами игры?

– Какие, к черту, игры? – Эллиот покачивает головой. – Нет, мы всего лишь пытаемся остаться в живых.

– Тогда не верьте ему, – говорит Джонни.

Ричард крепче сжимает в руках ружье. Боже мой, он собирается стрелять. Он готов хладнокровно убить безоружного человека. Я кидаюсь к нему, хватаю ствол винтовки и отвожу его вниз.

Удар Ричарда по лицу сбивает меня с ног.

– Ты хочешь, чтобы нас всех убили, Милли? – кричит он. – Ты этого добиваешься?

Я прикасаюсь к горящей щеке. Он никогда прежде не поднимал на меня руку. Случись это где-то в другом месте, я бы вызвала полицию, но здесь я бессильна, здесь нет властей, которые пришли бы мне на помощь. Я оглядываю остальных и не вижу сочувствия на их лицах. Блондинки, Кейко, Эллиот – все они на стороне Ричарда.

– Хорошо, – говорит Джонни. – В ваших руках оружие, Ричард. Можете воспользоваться им в любое время. Но если собираетесь убить меня, стреляйте в спину. – Он отворачивается и идет прочь.

– Если вы вернетесь в лагерь, я вас убью! – кричит Ричард.

Джонни откликается через плечо:

– Я, пожалуй, предпочту те шансы, что у меня есть в буше.

– Мы будем вести наблюдение. Если увидим вас где-нибудь поблизости…

– Не увидите. Я предпочту довериться животным. – Джонни останавливается, смотрит на меня. – Идемте со мной, Милли. Прошу вас.

Я гляжу то на Ричарда, то на Джонни – необходимость выбора парализует меня.

– Нет, оставайтесь с нами, – говорит Вивиан. – Мы в любой день можем ждать самолета, который отправят на наши поиски.

– К тому времени, когда прилетит самолет, вы все будете мертвы, – говорит Джонни. Он протягивает ко мне руки. – Я позабочусь о вас, клянусь. Я не допущу, чтобы с вами что-то случилось. Умоляю, Милли, доверьтесь мне.

– Не сходите с ума, – говорит Эллиот. – Вы не можете ему верить.

Я вспоминаю все, что случилось: Кларенса и Исао, чью плоть сгрызли с костей. Машину, которая неожиданно перестала заводиться. Змею в недавно разрезанной палатке Эллиота. Я вспоминаю то, что открыл мне Джонни всего несколько дней назад – о том, что он мальчишкой коллекционировал змей. Кто, кроме Джонни, может знать, как обращаться с гремучей змеей? Ничто из случившегося здесь нельзя рассматривать как простое невезение. Нет, нас привезли сюда на заклание, и только Джонни мог осуществить этот план.

Он читает решение в моих глазах, и лицо его искривляет болезненная гримаса, словно я нанесла ему смертельный удар. Несколько секунд он стоит, переживая свое поражение, его лицо – маска печали.

– Я бы сделал для вас все, что в моих силах, – тихо говорит он мне. Потом, покачав головой, разворачивается и идет прочь.

Мы все смотрим, как он исчезает в буше.

– Думаете, он вернется? – спрашивает Вивиан.

Ричард поглаживает ружье, лежащее рядом с ним; теперь оно всегда у него под рукой.

– Пусть попробует – тут-то я его и буду ждать.

Мы сидим вокруг костра. Эллиот разложил такой огромный, это настоящий бушующий ад среди темноты. Пламя слишком высокое и слишком жаркое, сидеть у такого костра – никакого удовольствия, к тому же это бесполезный перевод дров, но я понимаю, что побудило его к этому. Пламя сдерживает хищников, которые в этот самый момент наблюдают за нами. Других костров мы не увидели, и я не знаю, где Джонни в эту черную, черную ночь. Какие он знает методы, чтобы остаться живым, когда повсюду клыки и когти?

– Будем дежурить парами, – говорит Ричард. – Никто ни на минуту не должен оставаться здесь в одиночестве. Первую вахту несут Эллиот и Вивиан. Мы с Сильвией – вторую. Так переживем ночь. Станем придерживаться такого порядка, не будем терять рассудок и дождемся самолета, который вышлют, чтобы нас найти.

Мне до боли ясно, что он исключил меня из дежурств. Я понимаю, почему в дежурстве не участвует Кейко: после невероятной атаки на Джонни она снова погрузилась в молчание. Но по крайней мере, теперь она стала есть – несколько ложек консервированных бобов и немного крекеров. Но вот я – здоровая и готовая помочь, а никто и не смотрит в мою сторону.

– А я? – спрашиваю я. – Что делать мне?

– Мы сами, Милли. Тебе ничего не надо делать.

Его голос не допускает никаких возражений. И уж конечно, он не потерпит их от женщины, однажды вставшей на сторону Джонни. Не сказав больше ни слова, я ухожу от костра и залезаю в палатку. Сегодня я

возвращаюсь к Ричарду, потому что Кейко не хочет моего присутствия в своей палатке. Я – пария, предатель, который может заколоть во сне.

Когда час спустя в палатку заползает Ричард, я все еще не сплю.

– Между нами все кончено, – говорю я.

Он и не собирается возражать:

– Это очевидно.

– И кого ты выберешь? Сильвию или Вивиан?

– Это имеет значение?

– Да нет, пожалуй. Как бы ее ни звали, все сводится к тому, чтобы потрахать кого-то новенького.

– А ты и Джонни? Признай, ты готова была бросить меня ради него.

Я поворачиваюсь к Ричарду, но вижу только его силуэт на фоне палаточной стенки, подсвеченной пламенем костра.

– Я ведь осталась, разве нет?

– Лишь потому, что у нас оказалось ружье.

– И это делает тебя победителем, да? Королем буша?

– Я сражаюсь за наши долбаные жизни. Остальные это понимают. Что же тебе не ясно?

Воздух вырывается из меня долгим, печальным вздохом.

– Мне все предельно ясно, Ричард. Я знаю: ты считаешь, что поступаешь правильно. Даже если ты понятия не имеешь, что тебе делать дальше.

– Каковы бы ни были наши проблемы, Милли, мы должны держаться вместе, иначе не выжить. У нас есть ружье и припасы, и численное превосходство на нашей стороне. Но я не знаю, что может придумать Джонни. То ли он ушел в буш, то ли он собирается вернуться и прикончить всех нас. – Он замолкает на несколько секунд. – Ведь мы в конечном счете свидетели.

– Свидетели чего? Мы не видели, чтобы он кого-то убил. Ты не сможешь доказать, что он сделал что-то плохое.

– Тогда пусть это доказывает полиция. Когда мы выберемся отсюда.

Некоторое время мы лежим молча. Сквозь стенки палатки я слышу, как разговаривают у костра на вахте Эллиот и Вивиан. Я слышу пронзительный треск насекомых и далекий хохот гиен. «Жив ли еще Джонни, – спрашиваю я себя, – или его тело в этот самый момент раздирают на части и пожирают?»

Рука Ричарда касается моей. Медленно, нерешительно его пальцы сплетаются с моими.

– Люди меняются, Милли. Если мы расстаемся, это еще не значит, что прошедшие три года были прожиты напрасно.

– Четыре.

– Мы уже не те, какими были, когда познакомились. Это жизнь, и мы должны относиться к этому по-взрослому. Решить, как разделить наши пожитки, как сообщить друзьям. Как сделать все это достойно.

Ему говорить это гораздо легче. Пусть я и первая сказала, что между нами все кончено, но уходит по-настоящему именно он. Теперь я понимаю, что он уже давным-давно начал уходить от меня. К окончательному разрыву нас привела Африка, которая показала нам, как мы не подходим друг другу.

Возможно, я и любила его когда-то, но теперь думаю, что он никогда мне не нравился по-настоящему. И уж определенно не нравится он мне сейчас, когда таким деловым тоном говорит об условиях нашего расставания. Как мне найти новую квартиру сразу по приезде в Лондон? Примет ли меня сестра, пока я буду искать подходящее жилье? И потом, есть все те вещи, что мы покупали вместе. Кухонные принадлежности заберу я, компакт-диски и электроника останутся у него. Справедливо? И хорошо, что у нас нет домашних животных – их-то не разделишь. Как это не похоже на тот вечер, когда мы сидели бок о бок на диване, планируя путешествие в Ботсвану. Я воображала себе звездные небеса и коктейли у костра, а не хладнокровные разговоры о разделе имущества.

Я поворачиваюсь на бок спиной к нему.

– Ладно, – говорит он. – Поговорим об этом потом. Как цивилизованные люди.

– Хорошо, – бормочу я. – Как цивилизованные.

– А теперь мне нужно поспать. В четыре часа нужно вставать на дежурство.

Я просыпаюсь в темноте и какое-то время не могу сообразить, в чьей я палатке. Потом осознание обрушивается на меня с почти физической болью. Мой разрыв с Ричардом. Одиночество, которое меня ждет. В палатке так темно, что я не вижу, лежит ли он рядом. Протягиваю руку, но на его месте пустота. Вот оно, будущее. Мне придется привыкать спать одной.

Слышу хруст ветки: какой-то человек – или зверь – проходит у палатки.

Я напрягаю зрение, пытаясь увидеть, что там за брезентовой стенкой, но там такая темнота, что я даже пламени костра не вижу. Кто допустил, чтобы огонь погас? Кто-то должен подкинуть дров в костер, пока он не погас совсем. Я натягиваю брюки, ищу ботинки. После всех разговоров о том, что нужно быть настороже, эти бесполезные идиоты не смогли даже поддерживать огонь в костре – нашем главном защитнике.

В тот момент, когда я расстегиваю молнию палатки, раздается первый выстрел.

Женский крик. Кто это – Сильвия? Вивиан? Не могу разобрать, слышу только панику.

– У него ружье! Боже мой, у него…

Я пытаюсь в темноте нашарить рюкзак – там у меня спрятан фонарик. В тот момент, когда я нащупываю ремень, гремит второй выстрел.

Я выбираюсь из палатки, но вижу только тени и тени. Что-то движется перед затухающими углями костра. Джонни. Он вернулся, чтобы отомстить.

Гремит третий выстрел, и я бросаюсь во тьму буша, почти к проволоке, которой обтянут лагерь по периметру, но натыкаюсь на что-то и падаю на колени. Я чувствую теплую плоть, длинные спутанные волосы. И кровь. Одна из блондинок.

Я тут же вскакиваю и вслепую бросаюсь в темноту. Слышу звон колокольчика, когда задеваю ботинком провод.

Следующая пуля пролетает так близко, что я слышу ее свист.

Но по крайней мере, теперь я окутана тьмой – такую цель Джонни не может увидеть. Я слышу у себя за спиной крики ужаса и один последний оглушительный выстрел.

У меня нет выбора – я в одиночестве кидаюсь в ночь.

19

Бостон

– Всегда пытается доказать, что он отличный работник. Мог бы, по крайней мере, приехать вовремя, – сказал Кроу, недовольно посмотрев на часы. – Он должен был появиться двадцать минут назад.

– Я уверена, что детектив Там опаздывает по уважительной причине, – сказала Маура.

Она переложила правую бедренную кость неизвестной в надлежащее анатомическое положение, и стол из нержавеющей стали издал при этом зловещий звон. Под холодным больничным сиянием ламп в прозекторской кости казались пластмассовыми и ненастоящими. Лиши молодую женщину кожи и плоти – и вот что от нее останется: костная основа, которая держала на себе плоть. Прибывающие в морг скелеты нередко неполны – утрачены малые кости рук и ног, которые легко могут унести хищники. Но эта неизвестная была завернута в пластиковую ткань и зарыта достаточно глубоко, что защитило ее от когтей, зубов и клювов. Ее плоть и внутренности стали пищей для насекомых и бактерий, очистивших кости. Маура расположила скелет на столе с точностью высококлассного стратега, который готовится к игре в анатомические шахматы.

– Все считают, что он голова. Но это только потому, что он азиат, – сказал Кроу. – А на самом деле он вовсе не такой умник, как ему кажется.

У Мауры не было желания ввязываться в этот разговор и вообще в какой-либо разговор с детективом Кроу. Когда он пускался в рассуждения о некомпетентности других, обычно речь шла об адвокатах и судьях – им доставалось на орехи. Но сегодня Маура чувствовала себя особенно неловко, потому что Кроу напустился на своего напарника Тама.

– И еще он такой скользкий тип. Никогда не замечали? Что-то затевает у меня за спиной, – сказал Кроу. – Я тут вчера увидел документ на его ноутбуке, спросил у него, что это такое. Так вот, он в ответ нажимает «Искейп» и закрывает файл. Говорит, это его собственные изыскания. Вот так.

Маура совместила левую малоберцовую кость с соответствующей большеберцовой и положила их друг подле друга, словно две костяные рельсы.

– Я увидел, что у него на компьютере был файл ВиКАПа[21]. Я его не просил там ничего искать. Что это еще за ерунда? Что он скрывает от меня? В какую игру играет?

Маура, не отрываясь от костей, сказала:

– Вряд ли можно считать преступлением поиск в ВиКАПе.

– И при этом ни словом не обмолвиться напарнику? Я вам говорю – он скользкий тип. И это отвлекает его от нашего дела.

– Может, он как раз и искал что-то по вашему делу.

– Тогда зачем делать это втайне от меня? Чтобы вытащить эту информацию, как кролика из шляпы, и произвести на всех хорошее впечатление? Сюрприз: гениальный детектив Там раскрывает дело! Да, он был бы рад утереть мне нос.

– Это на него не похоже.

– Вы его еще не раскусили, док.

«Но тебя-то я раскусила», – подумала Маура. Брюзжание Кроу было классическим примером проецирования собственных недостатков на других. Если кто и жаждал быть в центре внимания, так это сам Кроу, которого коллеги называли Коп Голливуд. Если где поблизости появлялась телекамера, он был тут как тут, загорелый, в сшитом на заказ костюме. Маура выложила на стол последнюю кость, а Кроу снова отправил в голосовую почту Тама злобное сообщение. Насколько проще было иметь дело с молчанием мертвецов. Пока кости неизвестной терпеливо ждали на столе, Кроу расхаживал по комнате, излучая токсичные лучи ненависти.

– Вы хотите узнать об останках этой неизвестной, детектив? Или будете ждать моего письменного доклада? – спросила она, надеясь, что Кроу выберет последнее и оставит ее в покое.

Он сунул мобильник в карман:

– Да-да. Давайте. Что у нас есть?

– К счастью, у нас есть цельный скелет, а потому можно обойтись без экстраполяций. Это скелет женщины в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет. Ее рост, по моей оценке, сделанной на основании длины бедра, пять футов три или четыре дюйма. Восстановление лица по костям черепа даст нам представление о ее внешности, но если вы посмотрите на череп… – Маура подняла его, вгляделась в носовые кости,

перевернула, чтобы посмотреть на верхние зубы. – Высокая носовая полость, высокая переносица. Ровные верхнечелюстные резцы. Все это говорит о принадлежности к европейской расе.

– Белая девушка.

– Да. С хорошими зубами. Все четыре зуба мудрости удалены, кариеса нет. Зубы идеально ровные.

– Богатая белая девушка. Не из Англии.

– Можете мне поверить: профилактическую ортодонтию изобрели англичане.

Пытаясь не обращать внимания на его назойливые замечания, Маура занялась грудной клеткой. И опять ее внимание привлекла царапина на мечевидном отростке. Она пыталась представить себе, каким еще способом там могла появиться эта отметина, но ничего, кроме воздействия лезвием ножа, ей в голову не приходило. Делаешь разрез брюшины снизу вверх, и твой нож упирается в это место – в кость, которая защищает сердце и легкие.

– Может, это следствие ножевого ранения, – сказал Кроу. – Может быть, убийца целился в сердце.

– Это возможно.

– И все же вы полагаете, что ее выпотрошили. Как Леона Готта.

– Я думаю, что ни одной гипотезы исключать пока не следует.

– Вы не можете назвать мне лучшее время смерти?

– Лучшего времени смерти не бывает. Бывает более точное.

– Как вам угодно.

– Я уже говорила на месте захоронения, что полное скелетирование может длиться от нескольких месяцев до нескольких лет, в зависимости от глубины залегания трупа. Любая оценка будет неточна, но тот факт, что здесь мы имеем дело с далеко зашедшей сегментацией…

Она замолчала, разглядывая торакальные ребра. На месте захоронения она этого не увидела, и даже сейчас, в ярком свете ламп, эти отметины были едва заметны. Три царапины на равном расстоянии друг от друга на задней стороне ребра. Такие же отметины, как и на черепе женщины. Это было сделано тем же инструментом.

Дверь открылась, и вошел детектив Там.

– Опоздание на сорок пять минут, – резко проговорил Кроу. – Может, лучше было вообще не приходить?

Там даже не взглянул на напарника – он смотрел на Мауру.

– Я получил ответ на ваш вопрос, доктор Айлз, – сказал он, протягивая ей папку.

– Ты что, работаешь не на меня? – возвысил голос Кроу.

– Доктор Айлз попросила меня об услуге.

– Забавно, что ты забыл мне об этом доложить.

Маура открыла папку, просмотрела первую страницу. Перелистнула ее, потом еще одну.

– Я не люблю тайн, Там, – сказал Кроу. – И я очень не люблю напарников, которые что-то от меня скрывают.

– Вы уже сообщили об этом детективу Риццоли? – неожиданно заговорила Маура, глядя на Тама.

– Нет еще.

– Пожалуй, нужно ей позвонить.

– Зачем втягивать в это дело Риццоли? – спросил Кроу.

Маура обвела взглядом кости на столе.

– Затем, что вы и детектив Риццоли будете работать над этим делом совместно.

Для полицейского, появившегося в отделе по расследованию убийств всего месяц назад, Джонни Там здорово навострился работать с онлайновой Программой предотвращения насильственных преступлений, иначе известной как ВиКАП. Несколько ударов по клавишам, и Там вышел на портал правоохранительных органов, откуда получил доступ к базе данных ФБР по более чем ста пятидесяти тысячам насильственных преступлений по всей стране.

– Заносить в базу данные по анализу преступлений – настоящий геморрой, – сказал Там. – Никто не хочет отвечать на двести вопросов и писать резюме, чтобы добавить ваше дело в базу данных. Поэтому тут наверняка неполный список. Но то, что мы все же находим в ВиКАПе, наводит на размышления. – Он развернул свой ноутбук, чтобы остальные сидевшие за конференц-столом могли видеть монитор. – Вот результаты моих предварительных поисков, полученные по первоначальному запросу. Все эти преступления имели место в течение последнего десятилетия. Резюме – в той папке, что я вам дал.

Маура, сидевшая в конце стола, смотрела на Джейн, Фроста и Кроу, которые листали стопки бумаг, врученных им Тамом. Через закрытую дверь она слышала смех в коридоре и позванивание лифта, но в этой комнате только шуршали переворачиваемые листы бумаги да раздавалось скептическое мычание. Маура редко присоединялась к совещаниям детективов, но в это утро Там попросил ее поприсутствовать в качестве консультанта. Ее место было в морге, где покойники с ней не спорили, и она чувствовала себя не в своей тарелке среди полицейских, у которых с языка всегда было готово сорваться возражение.

Кроу швырнул лист на стопку бумаг.

– Ты думаешь, что это все один преступник – носится по стране и совершает эти преступления. И ты собираешься его найти, сидя за компьютером и играя в лотерею с ВиКАПом?

– Первый список – это только начало, – сказал Там. – Теперь я имею предварительную базу данных, с которой можно работать.

– У тебя убийства в восьми штатах! Три женщины, восемь мужчин. Девять белых, один латиноамериканец, один черный. Возраст самый разный – от двадцати до шестидесяти четырех. Что это за сумасшедший шаблон действий для убийцы?

– Вы знаете, как я не люблю соглашаться с Кроу, – сказала Джейн. – Но в его словах есть резон. Я не вижу тут никакой системы. Если эти убийства совершил один человек, то почему он выбрал конкретно эти жертвы? У них нет ничего общего, насколько я могу судить.

– Потому исходное общее состояло в наблюдении доктора Айлз при виде неизвестного трупа: оранжевая веревка, которой были связаны щиколотки. Такая же, как на Готте.

– Мы с ней уже обсуждали этот факт, – сказала Джейн. – Я не считаю его достаточным свидетельством взаимосвязи преступлений.

Маура отметила, что, говоря это, Джейн не смотрела на нее. «Потому что она злится на меня? – спросила себя Маура. – Считает, что я не должна изображать из себя копа и мое место в морге, со скальпелем в руке?»

– И оранжевая веревка – это все, что связывает данные преступления? – спросил Кроу.

– На обеих жертвах оранжевая, плотного плетения нейлоновая веревка диаметром три шестнадцатых дюйма, – сказал Там.

– Такая продается во всех магазинах, – фыркнул Кроу. – Черт побери, да у меня в гараже, может, такая есть.

– В моем запросе присутствовала не только нейлоновая веревка, – возразил Там. – Эти двенадцать убитых все были подвешены вверх ногами. Одни на деревьях, другие на потолочных балках.

– И все же это не говорит о почерке убийцы, – сказал Кроу.

– Дайте ему закончить, детектив Кроу, – вмешалась Маура. До этого момента она едва произнесла несколько слов, но больше молчать не могла. – Тогда вы поймете, к чему мы ведем. Между нашими двумя делами и преступлениями, совершенными в иных частях страны, может существовать довольно убедительная связь.

– И вы с Тамом вот-вот вытащите кролика из шляпы. – Кроу взял несколько страниц из стопки и разложил на столе. – Ну хорошо, посмотрим, что у вас есть. Первая жертва: пятидесятилетний адвокат из Сакраменто, белый. Шесть лет назад найден в гараже подвешенным головой вниз, руки и щиколотки связаны, горло перерезано. Жертва номер два: двадцатидвухлетний латиноамериканец, водитель грузовика, найден подвешенным головой вниз в Фениксе, штат Аризона. Руки и ноги связаны, по всему телу ожоги и порезы, гениталии отрезаны. Хм. Очень мило. Позволю себе высказать предположение: наркокартель. Жертва номер три: тридцатидвухлетний белый мужчина, привлекался за мелкие кражи, найден подвешенным головой вниз на дереве в Мэне. Брюшина вскрыта, внутренние органы удалены. Опа, а в этом случае убийца нам известен. Был выдан ордер на арест его бывшего дружка. Так что этого можно вычеркнуть из списка. – Кроу поднял глаза. – Мне продолжать дальше, доктор Айлз?

– Тут есть кое-что более важное, чем связанные щиколотки и веревка.

– Да, я знаю. Три царапины, нанесенные то ли ножом, то ли нет. Это лишь отвлекает внимание. Может, Там и будет выполнять вашу команду

«апорт», но я должен заняться делом. И вы так еще и не сказали мне, когда умерла эта неизвестная.

– Я назвала вам приблизительное время смерти.

– Ну да, между двумя и двадцатью годами назад. Вот уж где конкретика-то.

– Детектив Кроу, ваш напарник несколько часов посвятил этому анализу. Хотя бы выслушать-то его вы можете?

– О'кей. – Кроу швырнул на стол авторучку. – Валяй, Там. Расскажи нам, каким образом убитые из твоего списка связаны с нашей неизвестной.

– Не все они связаны, – сказал Там. Температура в комнате, может, и повышалась, но он оставался невозмутимым, как всегда. – Первый список, что вы видели, был первоначальным рядом сходных убийств, у которых общим были только веревка и подвешенный за ноги труп. После этого я изменил поиск, сделав запрос «эвисцерация», поскольку мы знаем, что именно это и произошло с Готтом. Доктор Айлз на основании царапин на грудине подозревает, что то же самое было сделано и с нашей неизвестной. ВиКАП дал нам несколько дополнительных имен – жертвы, которые всего лишь подверглись эвисцерации, но не были подвешены на веревке.

Джейн посмотрела на Фроста:

– Не каждый день услышишь такую фразочку – «всего лишь подверглись эвисцерации».

– Я просматривал эти дела по эвисцерации, и одно из них в особенности привлекло мое внимание. Это дело четырехлетней давности. Жертва – тридцатипятилетняя женщина, туристка из Невады, они стояли лагерем с друзьями. В группе были две женщины и трое мужчин, но отыскали только ее. Остальные так и не найдены. Судя по воздействию насекомых на труп, женщина к моменту обнаружения была мертва уже три-четыре дня. Но тело сохранилось в достаточной степени, чтобы коронер мог установить факт эвисцерации.

– Три-четыре дня на дикой природе, и труп сохранился настолько, что коронер сумел это определить? – спросил Кроу.

– Да. Потому что ее оставили не на земле. Тело было подвешено на ветке дерева. Эвисцерация и подвешивание на высоте. Я подумал, может, это сочетание и является ключом. Так поступает с добычей охотник. Подвешивает и потрошит. А это навело меня на мысль о Леоне Готте и

его связи с охотой и охотниками. Я вернулся в базу данных ВиКАПа и начал все сначала. На этот раз я искал нераскрытые убийства, совершенные на дикой природе. У жертвы должны быть отметины на грудинной кости или что-то еще, связанное с эвисцерацией. И вот тут-то я и нашел кое-что интересное. Не одну жертву, а целую группу вроде тех туристов в Неваде. Три года назад в Монтане исчезли три охотника на лосей. Все трое были мужчинами. Один был впоследствии найден частично скелетированным, он был заклинен между веток дерева. Челюстная кость второго – всего только челюстная кость – нашлась несколько месяцев спустя близ логова пумы. Коронер предположил, что охотники пали жертвой пумы или медведя, но медведь не смог бы затащить тело на дерево. А потому коронер остановился на пуме. Хотя я и не могу сказать, затаскивают ли и они своих жертв на деревья.

– Ты говоришь, что они были охотниками, а значит, они были вооружены, – заметил Фрост. – Как может убийца уложить трех вооруженных человек?

– Хороший вопрос. Одно ружье так и не было найдено. Два других оставались в палатках. Видимо, убийца застал их врасплох.

До этого времени Джейн слушала со скептическим выражением. Теперь она подалась вперед, впилась взглядом в Тама:

– Расскажи-ка мне еще про эту туристку из Невады. Каким было заключение коронера о причине смерти?

– В том случае тоже рассматривалась вероятность нападения пумы. Но речь идет о четырех туристах, и двое из них были мужчины. Причина смерти осталась неустановленной.

– Могла пума убить четырех человек?

– Не знаю, – сказал Там. – Тут нужна консультация специалиста по крупным кошкам. Даже если пума и убила всех четырех туристов, то осталась одна деталь, которая беспокоила коронера. По этой причине убитая женщина и была добавлена в базу данных ВиКАПа.

– Отметина на грудине?

– Да. И три гильзы. Их нашли поблизости на земле. У туристов оружия не было, но у кого-то находившегося поблизости оно было. – Там оглядел трех детективов за столом. – Я начал с поисков по нейлоновой веревке, а закончил совсем иным общим знаменателем. Эвисцерация. Подъем трупа на высоту. И районы, где бывают охотники.

– А что насчет того мелкого воришки из Мэна, которого нашли подвешенным на дереве и выпотрошенным? – спросил Фрост. – Ты говоришь, что в этом деле был подозреваемый.

Там кивнул:

– Имя подозреваемого – Ник Тибодо, так называемый приятель жертвы. Белый мужчина, рост шесть футов два дюйма, вес двести фунтов. У него до этого были отсидки за кражу со взломом, воровство, разбойное нападение и всякое такое.

– То есть история насилия.

– Несомненно. И вот еще что: Тибодо – страстный охотник на оленей.

Там повернул свой ноутбук и показал им фотографию молодого человека с коротко стриженными волосами и прямым взглядом. Он стоял рядом со своей добычей – частично освежеванным оленем, который висел на дереве, подвешенный за задние ноги. Даже в просторной охотничьей одежде было видно, что Ник Тибодо – человек сильный, мускулистый, с толстой шеей и мощными руками.

– Эта фотография была сделана около шести лет назад, так что теперь он немного старше, – сказал Там. – Он вырос в Мэне, знает глухие места и умеет обращаться с оружием. Судя по этой фотографии, он знает, как освежевать оленя.

– А может быть, и другую крупную дичь, – сказала Маура. – Вот наша общая нить – охота. Может быть, Тибодо наскучило охотиться на оленей. Может быть, убийство человека доставляло ему такое удовольствие, что он стал охотиться на эту, более заманчивую добычу. Вспомните и время этих убийств. Пять лет назад был убит, повешен и выпотрошен приятель Тибодо. После этого Тибодо исчезает. Год спустя происходит нападение на четырех невооруженных туристов в Неваде. Год спустя – три вооруженных охотника в Монтане. Этот убийца все время поднимает ставки, отчего охота становится более волнующей. И наверное, более рискованной.

– Леон Готт тоже непростая добыча, – согласился Фрост. – Он был вооружен до зубов и хорошо известен в кругах охотников. Убийца наверняка знал об этом.

– Но зачем тогда ему понадобилась наша неизвестная? – спросил Кроу. – Женщина? Какой тут был для него вызов?

Джейн фыркнула:

– Ну да, мы же такие слабые, беззащитные существа. Откуда ты знаешь, может, она тоже была охотницей.

– Не будем забывать про Джоди Андервуд, – напомнил Фрост. – Она была женщиной. А ее убийство, похоже, связано с Готтом.

– Я думаю, мы должны плотнее заняться нашей неизвестной, – сказал Там. – Если ее убили более шести лет назад, то, возможно, она была одной из самых первых жертв. Ее идентификация – ключ к решению этого дела.

Джейн закрыла папку и посмотрела на Тама:

– Вы с Маурой, кажется, неплохая команда. Когда это случилось?

– Когда она попросила меня поискать в ВиКАПе похожие дела, – сказал Там. – Я числю это с того времени.

Джейн перевела взгляд на Мауру:

– Могла бы позвонить мне.

– Могла, – признала Маура. – Но у меня не было ничего, кроме наития. И я не хотела тратить твое время. – Она встала, собираясь уходить. – Спасибо, детектив Там. Вы ничего не упустили, и мне нечего добавить. Так что я возвращаюсь в морг.

«Там, где мое место, – среди послушных покойников», – подумала она, выходя из конференц-зала.

Маура вошла в кабину лифта, но Джейн успела проскочить следом.

– Давай поговорим, – сказала Джейн, когда закрылась дверь и от разговора было уже не уйти. – Почему ты обратилась к Таму?

Маура смотрела на указатель этажей.

– Он был готов мне помочь.

– А я – нет?

– Ты не соглашалась со мной, не видела сходства.

– А ты просила меня конкретно провести для тебя поиск по базе данных?

– Так или иначе, Там заполнял бланк ВиКАПа на неопознанный труп. Он новичок в отделе по расследованию убийств и горит желанием проявить себя. Он не возражал против моей теории.

– А я – завзятый циник.

– Ты скептик, Джейн. Мне пришлось бы уговаривать тебя сделать это, а это отнимает слишком много сил.

– Слишком много сил? Даже между друзьями?

– Даже между друзьями, – сказала Маура, выходя из кабины.

Но от Джейн так просто не отделаешься – она зашагала за Маурой на крытую автостоянку.

– Ты все еще злишься, что я не согласилась с тобой.

– Нет.

– Злишься-злишься, иначе ты попросила бы меня, а не Тама.

– Ты не хотела видеть сходства между делом Готта и этой неизвестной, но оно есть. Я это чувствую.

– Чувствуешь? С каких пор ты слушаешь внутренний голос, а не факты?

– Это ты всегда говоришь о внутреннем голосе.

– А ты – никогда. Только о фактах и логике. Что же изменилось?

Маура остановилась у своей машины, но пока не стала ее отпирать. Просто стояла у двери, глядя на собственное отражение в зеркале.

– Она написала мне еще одно письмо, – сказала она. – Моя мать.

Последовала долгая пауза.

– И ты не выбросила его в мусорную корзину?

– Я не могла, Джейн. Есть вещи, которые я должна узнать, прежде чем она умрет. Почему она отказалась от меня. Кто я такая на самом деле.

– Ты знаешь, кто ты такая, и это не имеет к ней никакого отношения.

– Откуда ты знаешь? – Маура сделала шаг к Джейн. – Может, ты видишь только то, что я тебе показываю. Может, я прячу от тебя правду.

– Которая состоит в том, что ты такой же монстр, как она? – Маура подошла так близко к Джейн, что теперь они стояли глаза в глаза, но Джейн только рассмеялась. – Ты самый нестрашный человек из всех, кого я знаю. Если не считать Фроста. Амальтея – настоящий мутант, но тебе она это по наследству не передала.

– Одно я от нее унаследовала. Мы обе видим темноту. Там, где все остальные видят солнечный свет, мы замечаем то, что в тени. Ребенка с синяками. Жену, которая боится раскрыть рот. Дом, в котором всегда задернуты занавески. Амальтея называла это даром распознавать зло.

Маура вытащила из сумочки конверт и протянула его Джейн.

– Это что?

– Вырезки из газет. Она сохраняет все заметки, где есть упоминания обо мне, следит за всеми делами, в которых я участвую.

– Включая Готта и этот скелет неизвестной.

– Конечно.

– Ну теперь я знаю, откуда у этой истории ноги растут. Амальтея Лэнк сообщает тебе, что тут есть связь, а ты ей веришь. – Джейн покачала головой. – Я ведь предупреждала тебя относительно нее. Она тобой манипулирует.

– Она видит то, чего не видят другие. Замечает улики, скрытые под ворохом никчемных подробностей.

– И как ей это удается? Она и подробностей-то никаких не знает.

– Даже в тюрьму просачиваются слухи. Ей рассказывают что-то, пишут или посылают новые вырезки. Она видит связи. И в этом случае она оказалась права.

– Ну да. Не будь она осужденным преступником, из нее вышел бы великий криминалист.

– Может, и вышел бы. Ведь она в конечном счете моя мать.

Джейн подняла обе руки, показывая, что сдается:

– Хорошо, ты хочешь наделить ее этими способностями – пожалуйста, я не могу тебе препятствовать. Но я сразу замечаю ошибку, когда она попадается мне на глаза.

– И ты с удовольствием тыкаешь меня в нее носом.

– А кто еще скажет тебе? В этом и заключается дружба, Маура. Друг остановит тебя, прежде чем ты опять испортишь себе жизнь.

«Опять». У Мауры не было ответа, и она молча смотрела на Джейн, сраженная правотой ее слов. «Опять». Она вспомнила все случаи, когда Джейн пыталась остановить ее, не дать совершить ошибку, которая и много месяцев спустя все еще не давала ей покоя. Когда она и отец Даниэль Брофи сходились все ближе и ближе в любовных отношениях, обреченных на несчастливый конец, Джейн говорила голосом разума, предупреждала о неизбежном жестоком разочаровании. Но Маура проигнорировала этот голос.

– Прошу тебя, – тихо произнесла Джейн. – Тебе будет потом больно, а я не хочу этого. – Она крепко, по-дружески сжала руку Мауры. – Во всех остальных отношениях ты такая умная.

– Кроме отношений с людьми.

Джейн рассмеялась:

– С людьми всегда проблема, верно?

– Может, мне стоит держаться котов, – сказала Маура, открывая дверь машины и садясь на водительское сиденье. – С ними, по крайней мере, ты точно знаешь свое место.

20

Омары, лоси и голубика. Вот что приходит в голову большинству людей, когда они слышат название штата Мэн, но у Джейн с этим штатом были связаны гораздо более мрачные образы. Она думала о темных чащах, топких болотах и всяких укромных местах, где может исчезнуть человеческое существо. И еще она вспоминала об их последней с Фростом поездке на север всего пятью месяцами ранее, тем вечером, который закончился кровью и смертью. Мэн для Джейн был не раем для отпускников, а местом, где случаются всякие ужасы.

Пять лет назад такой ужас случился с мелким воришкой по имени Брэндон Тайрон.

Дождь перешел в град. Они ехали по Прибрежному шоссе № 1, за рулем сидел Фрост. Хотя обогреватель был включен на полную, ноги у Джейн мерзли, и она жалела, что утром не надела сапожки, а вышла в тоненьких туфлях без каблука, которые и теперь были на ней. Хотя мысль о том, что лето прошло, была ей ненавистна, достаточно было

взглянуть в окно машины на голые деревья и серое небо, как становилось ясно: самый темный сезон уже на дворе. Они ехали в саму зиму.

Фрост сбросил газ, когда они проезжали мимо двух охотников в оранжевой одежде со светоотражающими элементами – те грузили выпотрошенную тушу оленихи в пикап.

– Мама Бэмби.

– Ноябрь. Охотничий сезон.

– Я нервничаю, пересекая границу штата, где грохочет столько ружейных выстрелов. Бабах! И еще один идиот из Массачусетса – покойник.

– Ты когда-нибудь охотился?

– И желания такого не возникало.

– Из-за мамы Бэмби?

– Понимаешь, я не против охоты. Просто я не вижу здесь удовольствия. Тащиться с ружьем в лес. Морозить себе задницу. А потом… – Его пробрала дрожь.

– А потом потрошить оленя? – Джейн рассмеялась. – Нет, не могу тебя представить за этим занятием.

– А ты бы смогла?

– Ну, если бы была необходимость. Оттуда берется мясо.

– Нет, мясо берется из супермаркета, где оно упаковано в пластик. Никаких потрохов.

За окнами машины с голых ветвей капала ледяная вода, а над горизонтом собирались темные тучи. В такой день ходить по лесу могут только сумасшедшие, и когда они приехали на парковку, где охотники оставляли свои машины, отправляясь в лес, Джейн не удивилась, не увидев здесь ни одной. Они посидели несколько секунд, разглядывая мрачный лес и столы для пикника, усыпанные опавшими листьями.

– Ну, мы приехали. Так где он? – спросила Джейн.

– Он опаздывает всего на десять минут. – Фрост вытащил сотовый. – Сигнала нет. Как нам его достать?

Джейн распахнула дверь:

– Ну, я ждать не могу. Прогуляюсь в лесок.

– Ты уверена, что это благоразумно? Охотничий сезон.

Она показала на объявление, прибитое к дереву неподалеку: «ЗДЕСЬ ОХОТА ЗАПРЕЩЕНА».

– Это запретная зона для охоты. Безопасно.

– Думаю, мы должны ждать его в машине.

– Нет, я правда не могу ждать. Описаюсь.

Она вышла из машины и пошла к лесу. Тонкие брюки плохо защищали ее от промозглого ветра, а мочевой пузырь на холоде пронзила боль. Она зашла на несколько ярдов в лес, но ноябрь сорвал все листья, и за голыми ветками она все еще видела машину. Джейн пошла дальше, и каждый треск веточки под ее ногами звучал в этой лесной тишине как взрыв. Зайдя за несколько вечнозеленых кустиков, она расстегнула брюки и присела, надеясь, что никто не выйдет из леса и не увидит ее во всей голозадой красе.

Раздался выстрел.

Она даже не успела вскочить на ноги, как послышался голос Фроста, окликавший ее, затем топот приближающихся к ней сквозь подлесок ног. Вдруг она увидела его, и он был не один: в нескольких шагах за Фростом бежал плотного сложения человек, который весело посмотрел на нее, увидев, как она натягивает брюки.

– Мы услышали выстрел, – сказал покрасневший Фрост, быстро отведя в сторону взгляд. – Извини, я не хотел…

– Забудем об этом, – оборвала его Джейн, которой наконец удалось застегнуть молнию. – Здесь запретная для стрельбы зона. Кто тут стреляет, черт побери?

– Похоже, стреляли в долине, – сказал коренастый человек. – И вам, ребята, не стоит заходить в лес без оранжевой одежды со светоотражателями. – Ни один стрелок не промахнулся бы, прицелившись в его оранжевый жилет, надетый поверх куртки. – Вы, вероятно, Риццоли. – Он посмотрел на место, над которым она сидела на корточках, и не стал протягивать руку.

– Это детектив Барбер, полиция штата Мэн, – сказал Фрост.

Барбер слегка кивнул:

– Я удивился, когда вы позвонили вчера. Никогда не думал, что Ник Тибодо объявится в Бостоне.

– Мы не говорили, что он объявился в Бостоне, – сказала Джейн. – Мы просто хотели понять, что он за птица. Что он собой представляет и не тот ли он человек, которого мы ищем.

– Вы хотели увидеть место, где мы нашли тело Тайрона пять лет назад. Давайте я вам покажу.

Барбер пошел вперед, уверенно двигаясь по подлеску. Через несколько шагов Джейн зацепилась брючиной за ежевичную ветку, и ей пришлось остановиться. Когда она снова распрямилась, отцепив ветку, оранжевый жилет Барбера мелькал далеко впереди за зарослями голых веток.

Вдали прогремел еще один выстрел. «А я тут вся в черно-коричневом, настоящий медведь». Она зашагала за Барбером, спеша оказаться близ спасительного оранжевого жилета. Когда она догнала их, Барбер свернул на протоптанную тропинку.

– Тело Тайрона нашли два туриста из Виргинии, – сказал Барбер, даже не оборачиваясь, чтобы проверить, слышит ли она. – С ними была собака, она-то и вывела их прямо на тело.

– Да, покойников всегда находят собаки, – сказал Фрост, в голосе которого неожиданно зазвучали уверенные нотки специалиста по трупам, обнаруженным в дикой природе.

– Это случилось поздним летом, так что деревья были в листве и увидеть тело было нелегко. Его можно было унюхать, если ветер дул в нужную сторону. Но в лесу все время кто-то умирает, так что время от времени неизбежно встречаются мертвые животные. Однако мертвый человек, висящий на дереве головой вниз со вспоротым животом, – такого никто не ждет. – Барбер кивнул, показывая на тропинку. – Мы как раз выходим к тому месту.

– Откуда вы знаете? – спросила Джейн. – Эти деревья для меня все на одно лицо.

– Вот из-за этого. – Он показал на висящее поперек тропы объявление «ОХОТА ЗАПРЕЩЕНА». – От этого объявления до того места несколько десятков шагов.

– Вы считаете, что место играло какую-то роль? Это объявление несло какое-то послание?

– Да. Это был большой «хрен вам» в сторону власти.

– А может быть, послание в другом: «Прекратите охотиться». Потому что один из убитых в Бостоне был охотником, и мы думаем, что это убийство являлось неким политическим жестом.

Барбер отрицательно покачал головой:

– Тогда здесь вы ищете не того человека. Ник Тибодо не был помешан на правах животных. Он был заядлым охотником. – Барбер сошел с тропинки в лес. – Я вам покажу это дерево.

С каждым шагом холод ощущался все явственнее. Туфли Джейн промокли, и теперь начали замерзать ноги. Слой опавших листьев был здесь по голень, а под листьями скрывались кротовые норы и цепляющиеся за ноги корневища. В теплый августовский день пять лет назад прогулка убийцы по этому лесу была гораздо приятнее, хотя, вероятно, его появление взбудоражило комаров. Может быть, в то время жертва еще была жива и ничего не подозревала о намерениях своего спутника? Или же Брэндон Тайрон уже мертвым лежал на плечах убийцы, как выпотрошенный олень?

– Вот это дерево, – показал Барбер. – Он висел головой вниз на той ветке.

Джейн посмотрела на ветку, на которой все еще подрагивали несколько пожухлых листьев. Она не увидела ничего такого, что отличало бы этот дуб от других, ни малейшего намека на происходившее пять лет назад. Обычное дерево без каких-либо тайн.

– По заключению судмедэксперта, Тайрон провисел здесь около двух дней, – сказал Барбер. – Висел он высоко, а потому достать его могли только насекомые и птицы, так что труп оставался цельным. – Он помолчал. – Кроме внутренностей, которые сразу были сожраны. – Он посмотрел на ветку, словно все еще видел подвешенного на ней Брэндона Тайрона, полускрытого зелеными листьями. – Ни его бумажника, ни одежды мы так и не нашли. Вероятно, их уничтожили, чтобы его было труднее идентифицировать.

– А может, убийца забрал их в качестве трофеев, – сказала Джейн. – Так охотники сдирают шкуру с животного, чтобы напоминала им о радостях охоты.

– Нет, не думаю, что это было какое-то ритуальное действо. Ник просто, как всегда, проявил практичность.

Джейн посмотрела на Барбера:

– Вы говорите так, будто знаете подозреваемого.

– Знаю. Мы выросли в одном городке, так что я знаю и Ника, и его брата Эдди.

– И насколько хорошо?

– Достаточно, чтобы утверждать, что эти ребята со школьных лет пакостничали. В двенадцать Ник уже воровал мелочь из карманов других ребят. В четырнадцать грабил машины. В шестнадцать перешел на дома. Убитый, Брэндон Тайрон, был ничуть не лучше. Ник и Тайрон на пару являлись сюда, воровали вещи из палаток и машин туристов. После того как Ник убил Тайрона, мы нашли в гараже Тайрона целый склад ворованного. Может, они из-за этого и рассорились. Там обнаружилось немало неплохих вещей. Фотокамеры, серебряная зажигалка, бумажник, набитый кредитками. Я думаю, они подрались, потому что не могли поделить это добро, и Тайрон оказался побежденным. Подлый маленький ублюдок. Досталось ему по заслугам.

– Где сейчас, по-вашему, Ник Тибодо?

– Я думаю, он подался куда-нибудь на запад. Может, в Калифорнию. Никак не думал, что он окажется в Бостоне, но, может, он хочет быть поближе к своему братишке Эдди.

– А где живет Эдди?

– Милях в пяти отсюда. Уж как мы его ни допрашивали, но он до сего дня отказывается сообщить, где находится Ник.

– Отказывается или не знает?

– Клянется, что не знает. Но эти ребята Тибодо – они себе на уме, они сами по себе, а остальной мир сам по себе. Не забывайте, что Мэн – северная оконечность Аппалачей, и некоторые из этих семей на первое место ставят родственные узы. Что бы ни сделал твой брат, стой за него до конца. Видимо, этого правила придерживается и Эдди. Придумал план, как вывезти Ника отсюда и помочь ему исчезнуть.

– На пять лет?

– Не так уж трудно, если тебе помогает брат. Вот почему я до сих пор приглядываю за Эдди. Я знаю, куда он ходит и кому звонит. Он, конечно, сыт мной по горло, потому что понимает: я это все равно так не оставлю. Он знает, я с него глаз не спускаю.

– Нам нужно поговорить с Эдди Тибодо, – сказала Джейн.

– Правду вам из него не выудить.

– И все же мы хотели бы попробовать.

Барбер посмотрел на часы:

– Хорошо. У меня есть свободный час. Можем прямо сейчас поехать в его дом.

Джейн и Фрост переглянулись. Фрост сказал:

– Может, будет лучше, если мы с ним побеседуем вдвоем?

– Вы не хотите, чтобы я присутствовал?

– У вас долгая история взаимоотношений, – сказала Джейн. – И очевидно, не очень дружеская. Если вы будете, это его сразу насторожит.

– Ладно, я понял. Я плохой полицейский, а вы хотите быть хорошими. Да, в этом есть резон. – Он посмотрел на оружие в поясной кобуре Джейн. – И я вижу, вы оба вооружены. Это хорошо.

– А что? С Эдди проблемы? – спросил Фрост.

– Он непредсказуемый. Помните о том, что Ник сделал с Тайроном, и будьте настороже. Потому что эти братья способны на что угодно.

В гараже Эдди Тибодо головой вниз висел выпотрошенный олень с рогами в четыре ответвления. Заполненный всевозможным инструментом, запасными покрышками, мусорными бачками и рыболовными снастями, этот гараж был похож на все другие гаражи Америки, если бы не мертвое животное, свисавшее с крюка на потолке, и лужица крови, которая натекла на бетонный пол.

– Не знаю, что еще сказать про моего брата. Я уже полиции рассказал все, что знал.

Эдди поднес нож к задней ноге оленя, прорезал кожу от голеностопа до паха. Действуя с ловкостью человека, завалившего не одного оленя, он обеими руками ухватился за кожу, крякнул от усилия, стаскивая ее; обнажились алые мышцы и связки в серебристой соединительной ткани. В открытом гараже было холодно, и Эдди, переводя дыхание, выпустил облачко пара. Как и у его брата Ника на фотографии, у Эдди были

широкие плечи, темные глаза и то же самое каменное выражение лица, но он являл собой неопрятную версию брата: на нем был комбинезон в кровавых пятнах и шерстяная шапочка. В зрелом возрасте тридцати девяти лет в его щетине уже серебрилась седина.

– После того как Тайрона нашли на дереве, местная полиция все время меня достает, задает одни и те же вопросы, черт бы их драл. Где может скрываться Ник? Кто его прячет? Я им все время говорю, что у них какая-то путаница в мозгах. Что, наверно, и с Ником тоже что-то случилось. Если бы он пустился в бега, то никогда бы не ушел без выживалки.

– Без чего? – спросил Фрост.

– Вы что, не слышали о выживалке? – Эдди нахмурился, глядя на них между освежеванными задними ногами оленя.

– И что же это такое?

– Это рюкзачок, куда складываешь самые необходимые для выживания вещи. На тот случай, если система идет вразнос. Понимаете, если случается какая катастрофа типа грязной бомбы или атаки террористов, то люди из больших городов оказываются в мире, где им грозит опасность. Нет электричества, люди в панике. Вот для чего вам нужен рюкзачок-выживалка.

Эдди содрал еще часть шкуры, и Фрост, ощутив запах окровавленного оленьего мяса, сырого и с душком, поморщился.

Эдди развеселился:

– Я смотрю, вы не любитель дичи?

Фрост вперился взглядом в отливающее красноватым блеском мясо, перемежающееся жиром.

– Я один раз попробовал.

– Не понравилось?

– Не очень.

– Значит, плохо приготовили. Или неправильно застрелили. Чтобы у мяса был хороший вкус, оленя нужно убить сразу. Одной пулей, без всякой беготни. Если же вы его только ранили и вам приходится гоняться за ним, то у мяса будет привкус страха.

Фрост смотрел на обнаженные мышцы, которые недавно носили этого оленя по лесу и полям.

– А какой вкус у страха?

– Вкус сгоревшего мяса. Паника посылает самые разнообразные гормоны в системы животного, и вы ощущаете вкус борьбы. Это убивает изюминку. – Он чисто срезал кусок мяса размером с кулак с задней ноги и швырнул в таз из нержавеющей стали. – Этот олень был убит правильно. Даже понять не успел, что случилось. Хорошее будет мясо.

– Вы когда-нибудь охотились с братом? – спросила Джейн.

– Мы с Ником с детства вместе охотились. – Он срезал еще кусок мяса. – Мне этого не хватает.

– Он был хороший стрелок?

– Получше меня. Очень точный, никогда не спешил.

– Значит, он мог выжить в лесу.

Эдди посмотрел на нее холодным взглядом:

– Пять лет прошло. Вы думаете, он все еще там? Живет, как какой пещерный человек?

– А где он, по вашему мнению?

Эдди уронил нож в ведерко, и на цементный пол выплеснулась подкрашенная кровью вода.

– Вы не того ищете.

– А кого надо искать?

– Не Ника. Он не убийца.

Джейн оглядела убитого оленя, левая нога которого теперь была лишена мяса – осталась одна кость.

– Когда нашли Тайрона, дружка Ника, он был выпотрошен и висел, как этот олень.

– И что?

– Ник был охотником.

– Я тоже охотник. Но я никого не убивал. Я просто кормлю семью, а вы от этого очень далеки, вы и обвалочного ножа, наверно, никогда не видели. – Он вытащил сполоснутый нож из ведра и протянул его Джейн. – Поглядим, на что вы способны, детектив. Возьмите, возьмите его. Отрежьте кусок, почувствуйте, что это такое – своими руками добывать себе обед. Или боитесь кровью ручки запачкать?

Джейн читала презрение в его глазах. Нет-нет, городская девушка никогда не испачкает руки. А вот люди вроде братьев Тибодо охотятся, держат фермы, закалывают скот, чтобы у таких, как она, был стейк на тарелке. Она могла смотреть на таких, как он, с презрением, но он ровно так же смотрел на таких, как она.

Она взяла нож, подошла к туше, вонзила его глубоко, до самой кости. Когда остывшая плоть раскрылась, она ощутила запах всего того, чем был прежде олень: свежей травы, желудей и лесного мха. И крови, дикой и красной. Мясо отделилось от кости, плотный, алый кусок. Джейн швырнула его в таз. Она даже не взглянула на Эдди, отрезая следующий кусок.

– Если не Ник убил своего дружка Тайрона, то кто, по-вашему, это сделал? – спросила она, вонзая нож в мясо.

– Не знаю.

– Ник совершал прежде насильственные преступления.

– Он был не ангел. Случались и драки.

– А с Тайроном он когда-нибудь дрался?

– Один раз.

– Тот, о котором известно вам.

Эдди взял другой нож и вонзил его глубоко в тушу, вырезая филейную часть. Он действовал ножом на расстоянии вытянутой руки от Джейн, но она спокойно вырезала еще один кусок из ноги.

– Тайрон тоже был не ангел, и оба любили выпить. – Эдди отделил филейную часть, скользкую, как угорь, и швырнул в таз. Ополоснул лезвие в ведерке с ледяной водой. – Если человек один раз потерял контроль над собой, это еще не значит, что он чудовище.

– Может быть, Ник не просто потерял контроль над собой. Может быть, спор перерос во что-то большее, чем драка?

Эдди посмотрел ей прямо в глаза:

– Зачем же ему подвешивать его на дереве там, где его легко могут увидеть? Ник не такой дурак. Он умеет заметать следы. Если бы он убил Тайрона, то утащил бы его в лес и там закопал. Или разбросал бы тело по кускам, чтоб его сожрали животные. Но то, что сделали с Тайроном, – это другое, что-то отвратительное. Мой брат так не поступил бы.

Он направился к верстаку заточить нож, и все разговоры закончились с воем наждака. Стальной таз был полон мяса – там лежало фунтов двадцать, но еще оставалось разделать половину оленьей туши. За дверями гаража лил ледяной дождь. На этой пустынной сельской дороге было мало домов, и в последние полчаса Джейн не видела ни одной машины. И вот они стояли здесь, у черта на куличках, смотрели, как озлобленный человек точит нож.

– Ваш брат часто ездил в Бостон? – спросила она, повысив голос, чтобы было слышно за скрежетом наждака.

– Ездил иногда. Не часто.

– Он никогда не упоминал о человеке по имени Леон Готт?

Эдди скользнул по ней взглядом:

– Так вот в чем дело? Убийство Леона Готта?

– Вы его знали?

– Не лично. Но имя, конечно, слышал. Большинство охотников его знают. Сделать ему заказ мало кому по карману, но если вы хотите получить чучело из своего трофея, то вам нужно обратиться к Готту. – Эдди помолчал. – Так вы поэтому сюда приехали расспрашивать о Нике? Думаете, он прикончил Готта?

– Мы просто спрашиваем, знали ли они друг друга.

– Мы читали статьи Готта в «Трофи хантер». И еще мы ездили в «Габелас»[22], смотрели изготовленные им чучела крупных зверей. Но насколько мне известно, Ник лично его никогда не видел.

– Он когда-либо ездил в Монтану?

– Много лет назад. Мы оба ездили. Посмотреть Йеллоустоун[23].

– Как давно это было?

– Это имеет значение?

– Да, имеет.

Эдди положил заточенный нож и тихо спросил:

– Почему вы спрашиваете про Монтану?

– Там были убиты другие люди, мистер Тибодо.

– Вы хотите сказать, убиты, как Тайрон?

– Много сходного.

– И кто эти люди?

– Охотники в Монтане. Это случилось три года назад.

Эдди покачал головой:

– Мой брат пропал пять лет назад.

– Но он был в Монтане. Он знаком с этим штатом.

– Да это и была-то всего одна дурацкая поездка в Йеллоустоун!

– А как насчет Невады? – спросил Фрост. – Там он бывал?

– Нет. Его что, подозревают еще в одном убийстве? – Эдди перевел взгляд с Джейн на Фроста, потом хмыкнул. – Какие еще убийства вы хотите на него повесить? Он себя не способен защитить, так что можете списать на него все свои глухари.

– Где он, Эдди?

– Хотел бы я знать! – Он раздраженно скинул на пол пустой таз, и тот ударился о бетон, оглушительно зазвенев. – Хотел бы я, чтобы вы, долбаные копы, делали как надо свою долбаную работу и находили убийц! А вы вместо этого изводите меня вопросами про Ника. Я его не видел, не слышал вот уже пять лет. В последний раз он сидел на крылечке и пил пиво с Тайроном. Они спорили из-за какого-то дерьма, найденного в палаточном лагере.

– Найденного? – Джейн усмехнулась. – То есть украденного.

– Не знаю. Но они не дрались, поняли? Это был просто оживленный разговор. Потом они пошли к Тайрону – всё. Больше я его не видел. А

несколько дней спустя здесь появилась полиция штата. Машину Ника нашли на охотничьей парковке у леса. И нашли Тайрона. Но никаких следов Ника они так и не обнаружили. – Эдди опустился на скамью и тяжело вздохнул, словно так устал, что стоять больше не мог. – Вот что я знаю. И это все, что я знаю.

– Вы сказали, машину Ника нашли на охотничьей парковке у леса.

– Да. Полиция решила, что он ушел в дикие места. Прячется где-то в лесу типа как Рэмбо, живет с земли.

– А вы как думаете, что случилось?

Эдди помолчал немного, глядя на свои мозолистые ладони, ногти, с въевшейся под них кровью.

– Я думаю, мой брат мертв, – тихо сказал он. – Думаю, кости его разбросаны где-то, а мы их пока не нашли. Или он висит на каком-нибудь дереве, как Тайрон.

– Значит, вы считаете, что его убили.

Эдди поднял голову и посмотрел на Джейн:

– Я думаю, там, в лесу, они наткнулись на кого-то еще.

21

Ботсвана

Когда поднимается солнце, я одна в этом диком месте. Я несколько часов плутала в темноте и теперь понятия не имею, насколько удалилась от лагеря. Знаю только, что шла вниз по течению, потому что шум реки всю ночь оставался у меня слева. Цвет небес меняется с розового на золотой, а меня так одолевает жажда, что я опускаюсь на колени у кромки воды и пью, как дикое животное. Еще вчера я настаивала бы на том, чтобы воду вскипятили или сначала очистили йодом. Переживала бы по поводу всех жутких микробов, которые попадут в мой желудок, по поводу увеличивающейся с каждым глотком роковой порции бактерий и паразитов. Теперь все это не имеет значения, потому что смерть неизбежна. Я набираю воду в ладони и пью столь жадно, что она попадает мне на лицо, стекает по подбородку.

Наконец, утолив жажду, я откидываюсь назад и за кустами папирусной осоки вижу деревья и колышущиеся за рекой травы. Для существ, которые обитают в этом зеленом и враждебном мире, я всего лишь ходячий источник мяса, и куда ни глянь, мне видятся только зубы,

готовые разодрать меня на части. С восходом начинают шумно щебетать птицы, я поднимаю голову и вижу в небе стервятников, описывающих неторопливые круги. Может быть, они уже приметили меня и теперь ждут, когда можно будет мною пообедать. Я поворачиваюсь вверх по течению и вижу четкие следы, которые оставила вдоль берега. Я помню, как легко Джонни находил даже самые неприметные отпечатки. Мои следы для него будут сиять, как неоновые лампочки. Теперь, когда наступил день, он найдет меня, потому что не сможет допустить, чтобы я выжила. Кроме меня, теперь никто не знает, что случилось.

Я встаю и продолжаю идти вниз по реке вдоль берега.

Я не могу себе позволить думать о Ричарде и остальных. Я могу сосредоточиться только на одном: остаться в живых. Страх гонит меня все глубже и глубже в эту дикую землю. Я понятия не имею, куда течет река. Я вспоминаю путеводитель: там говорилось, что реки и ручьи дельты Окаванго питаются дождями ангольского нагорья. Вся эта вода, которая ежегодно затопляет здесь лагуны и болота, где волшебным образом рождается столько дикой африканской жизни, в конечном счете выливается в выжженную солнцем пустыню Калахари. Я поднимаю голову, чтобы определить местонахождение солнца, которое лишь теперь поднимается над вершинами деревьев. Я иду на юг.

И мне хочется есть.

В моем рюкзачке – шесть энергетических плиток, по двести сорок калорий каждая. Я помню, что засунула их в рюкзак еще в Лондоне на случай, если еда в буше мне не понравится, и помню, что Ричард посмеялся над моим вкусом и нелюбовью к приключениям. В мгновение ока я уминаю одну плитку, и мне приходится приказать себе не трогать остальные – оставить на потом. Если я не буду удаляться от реки, то о воде можно не беспокоиться, хотя в ней куча болезней, даже названия которых я не могу произнести. Но зона, близкая к воде, опасна, там так часто встречаются хищник и жертва, жизнь и смерть. У моих ног лежит выбеленный солнцем череп животного. Какое-то похожее на оленя существо встретило смерть здесь, на берегу реки. По воде проходит рябь, и на поверхности появляются бусины крокодильих глаз. Лучше держаться отсюда подальше. Я ухожу в траву и вижу там тропинку. Следы, оставленные в пыли, говорят мне, что я иду дорогой слонов.

Когда страшно, все вокруг обретает преувеличенную резкость. Видишь слишком много, слышишь слишком много, и быстрой сменой образов и звуков я потрясена, один из них может стать единственным предупреждением о приближении моей смерти. И все эти звуки и картинки нужно осмысливать мгновенно. Почему там колыхнулась трава? Просто ветерок подул. Крылья вспорхнули над камышом?

Орлан-крикун. Шуршание в низком кустарнике? Это всего лишь бродит бородавочник. На горизонте двигаются стройные антилопы и более темные фигуры южноафриканских буйволов. Повсюду я вижу жизнь – летающую, верещащую, плавающую, кормящуюся. Прекрасную, голодную и опасную. Теперь меня обнаружили комары, пируют моей кровушкой. Мои драгоценные таблетки остались в палатке, так что меня может не только растерзать лев, растоптать буйвол, утащить крокодил или раздавить бегемот, но и отправить на тот свет малярия.

Жара усиливается, комары становятся безжалостными. Я на ходу отмахиваюсь от них как сумасшедшая, но они сгустились в кусачее облако, и отделаться от них невозможно. Я в отчаянии возвращаюсь к берегу реки, зачерпываю ил и обмазываю им лицо, шею и руки. Он отвратительный, с разлагающимися растениями и тошнотворным запахом, но я наношу все новые и новые слои, пока на мне не образуется настоящий панцирь. Потом поднимаюсь на ноги – первобытное существо, рожденное в гумусе. Вроде Адама.

Я продолжаю идти слоновьей тропой. Слоны тоже предпочитают двигаться вдоль берега реки. На ходу я замечаю на тропе и другие следы, которые говорят мне, что этот путь используется самыми разными животными. Это некий эквивалент суперхайвея в буше, все мы идем вслед за слонами. Если этим же путем ходят антилопы импала и куду, то наверняка сюда заглядывают и львы.

Вот еще одна зона убийства, где встречаются хищник и жертва.

Но высокая трава по обеим сторонам от меня тоже таит в себе немало угроз, и к тому же мне не хватит сил проложить собственную тропу в густом буше. Я должна двигаться быстро, потому что где-то у меня за спиной Джонни, самый беспощадный из хищников. Почему я не желала видеть очевидного? Видеть, как один за другим исчезают люди, а их плоть и кости пожирает эта голодная земля. Я была слепа к его игре. Каждый взгляд, которым удостаивал меня Джонни, каждое его доброе слово были всего лишь прелюдией к убийству.

Солнце достигает зенита, а я продолжаю идти слоновьей тропой. Ил засыхает, образуя твердую корку на моей коже, и ее крошки попадают мне в рот, когда я ем вторую энергетическую плитку, но я не обращаю внимания, глотаю песок и все, что там есть. Знаю, что должна беречь съестные припасы, но меня уже мучает голод, и я решаю, что хуже всего было бы умереть с несъеденными плитками в рюкзаке. Тропа снова уходит к реке, и я нахожу лагуну столь черную и неподвижную, что в воде дважды отражаются небеса. Дневная жара заставляет буш смолкнуть, даже птицы затихли. У кромки воды стоит дерево, на котором я вижу десятки странных покачивающихся мешков, они висят, как

рождественские шары на елке. В полубредовом от жары, измотанном состоянии я воображаю, что набрела на колонию иноземных коконов, оставленных вызревать здесь, где их никто не обнаружит. Потом прилетает птица и исчезает в одном из мешков. Это гнезда ткачиков.

Вода в лагуне приходит в движение, словно что-то пробудилось в ней. Я отшатываюсь от воды, чувствуя в ней угрозу, которая готовится застать меня врасплох. Отступая в траву, я спиной чувствую холодок этой опасности.

Тем вечером я выхожу прямо на слоновье стадо.

В таком густом буше даже очень крупное животное вроде слона может застать тебя врасплох, и, выйдя из рощи акаций, прямо перед собой я вдруг вижу слониху. Она, кажется, испугана не меньше меня и издает трубный звук, громкий, пронзающий насквозь. Я слишком потрясена, чтобы броситься наутек. Стою замерев, за спиной у меня акации, передо мной – слон, тоже стоит неподвижно. Мы смотрим друг на друга, и тут я вижу мощные серые формы, двигающиеся вокруг меня. Их тут целое стадо, они обламывают ветки, отрывают прутья. Они, конечно, понимают, что я здесь, и перестают кормиться, настороженно оглядывая пришельца, покрытого илистой коркой. Любому из них ничего не стоит меня убить. Свалить хоботом, топнуть массивной ногой по груди – и они будут избавлены от этой угрозы. Я чувствую, что они изучают меня, решают мою судьбу. Потом один из слонов отрывает ветку и засовывает в рот. Один за другим они возобновляют трапезу. Они вынесли вердикт и отсрочили приведение смертного приговора в исполнение.

Я осторожно отступаю в рощу, двигаюсь под защиту громадного дерева, которое возвышается над акациями. Я карабкаюсь по массивному стволу, пока не оказываюсь на высоте, недоступной для слонов, где усаживаюсь в развилке ветвей. Как и мои предки-приматы, я нахожу безопасность на дереве. Вдали воют гиены и рычат львы: предупреждение о грядущей ночной схватке. Со своего высокого места на дереве я вижу заход солнца. В тени подо мной продолжают кормиться слоны, шуршат листвой, топчутся. Утешительные звуки.

Ночь оживает воплями и рычанием. Подмигивают звезды, похожие на кристаллы на черном небе. За выгнутыми ветками мне удается разглядеть созвездие Скорпиона – его мне показывал Джонни в первую ночь. Джонни много чему научил меня, и теперь я не могу понять, зачем ему это было нужно. Чтобы дать мне шанс в схватке, сделать более достойной жертвой?

Я каким-то образом сумела пережить всех остальных. Я вспоминаю Кларенса и Эллиота, супругов Мацунага и блондинок. Но больше всего мои мысли занимает Ричард и то, что было между нами прежде. Я помню обещания, которые мы давали друг другу, ночи, когда мы засыпали обнявшись. Начинаю вдруг плакать по Ричарду, по всему тому, что было между нами, и мои рыдания в этом ночном хоре звуков больше похожи на звериный зов. Я плачу до боли в груди, пока у меня не начинает жечь в горле. Плачу до полного изнеможения, пока совсем не сникаю.

Я засыпаю так, как засыпали мои предки миллион лет назад, – на дереве под звездами.

На рассвете четвертого дня я разрываю обертку последней энергетической плитки. Я съедаю ее медленно, каждый укус – акт почтения священной силе еды. Поскольку это моя последняя еда, каждый орешек, каждый лепесток овсяных хлопьев – это радостный всплеск вкуса, никогда прежде не оцененный по-настоящему. Я вспоминаю множество праздничных трапез – ни одна из них не была так священна, как эта, когда я поедаю последнюю плитку, сидя на дереве и глядя, как золотится с восходом небо. Слизываю последние крошки с обертки, потом спускаюсь к берегу, где становлюсь на колени, словно в молитве, и пью струящуюся воду.

Поднимаясь на ноги, я чувствую странное удовлетворение. Не помню, когда на посадочную полосу должен вернуться самолет, но это теперь вряд ли имеет значение. Джонни скажет летчику, что произошла катастрофа, никого не осталось в живых и тратить время на поиски не имеет смысла. Никто не будет меня искать. Для мира я уже мертва.

Я зачерпываю ил из реки и наношу на лицо и руки новый панцирь. Я уже ощущаю, как солнечные лучи пекут мне шею и рои кусачих насекомых поднимаются из камышей. День едва начался, а я уже без сил.

Я заставляю себя подняться на ноги. Снова плетусь на юг.

К середине следующего дня я чувствую такой голод, что от желудочных спазмов складываюсь пополам. Я пью речную воду, надеясь, что она облегчит эти боли, но выпиваю слишком много, слишком быстро, и вода проливается из меня. Я стою коленями в речной грязи, меня рвет, и я пла́чу. Как просто было бы сейчас сдаться! Лечь и позволить животным покончить со мной. Мою плоть, мои кости растащат по этой дикой земле,

и я навсегда соединюсь с Африкой. Из этой земли мы все вышли, и в эту землю я вернусь. Подходящее место, чтобы умереть.

Что-то всплескивает воду, и я, подняв голову, вижу торчащие над поверхностью уши. Бегемот. Я достаточно близко, чтобы насторожить его, но страха уже нет, мне уже все равно, останусь я жить или умру. Хотя бегемот заметил мое присутствие, он продолжает беззаботно блаженствовать. По мутной воде проходит рябь, создаваемая мелкой рыбешкой и насекомыми, с небес ныряют в воду журавли. В этом месте, где я умираю, столько всякой жизни. Я наблюдаю за каким-то насекомым, которое устремляется к зарослям тростника, и внезапно чувствую такой голод, что готова съесть и стрекозу. Но сноровки не хватает – удается ухватить только тростник, толстый, волокнистый. Не знаю, может, он ядовитый, но мне все равно – нужно заполнить чем-то желудок и облегчить спазмы.

Перочинным ножом из моего рюкзака я срезаю несколько тростинок и начинаю их грызть. Кожица мягкая, внутренности крахмалистые.

Я жую и жую, пока у меня во рту не остается один комок жестких волокон. Я выплевываю его. Спазмы в животе стихают. Я срезаю еще несколько тростинок и начинаю грызть их, как животное. Как бегемот, который мирно кормится рядом. Откусывает и грызет, откусывает и грызет. С каждым глотком я наполняю себя бушем, чувствую, как становлюсь его частью.

Женщина, которой я была когда-то, Милли Джекобсон, пришла к концу своего пути. Стоя на коленях у кромки реки, я прощаюсь с ее душой.

22

Бостон

Маура не могла его видеть, но знала, что он за ней наблюдает.

– Вон там, на уступе, – сказал доктор Алан Роудс, специалист по крупным кошкам. – Он за травяными зарослями. Его трудно разглядеть, потому что он идеально сливается с камнем.

Лишь теперь Маура увидела рыжие глаза. Они смотрели на нее, только на нее, взгляд холодный, целеустремленный – такой взгляд гипнотизирует жертву хищника.

– Я бы его вообще не увидела, – пробормотала она.

Она уже и без того дрожала на холодном ветру, а встретив безжалостный взгляд пумы, почувствовала, как холод пронизал ее до костей.

– Он-то вас сразу заметил, – сказал Роудс. – Он, вероятно, следил за вами с того момента, как мы вышли из-за угла и оказались в его поле зрения.

– Вы сказали, что он следил за мной. Но не за вами?

– Для хищника важно определить наиболее доступную жертву – ту, с которой легче справиться. Пума не станет нападать на взрослого мужчину, если может атаковать женщину или ребенка. Вы видите семейство, которое приближается к нам? Посмотрите, что происходит. Следите за ее глазами.

Пума на уступе внезапно повернула голову, пришла в полную готовность, мышцы напряглись, она присела, изготавливаясь к прыжку.

Она больше не смотрела на Мауру. Глаза-лазеры вперились в новую потенциальную жертву, приближавшуюся к вольеру. Теперь ее интересовал ребенок.

– Ее привлекают движение и размер, – сказал Роудс. – Когда мимо вольера пробегает ребенок, в голове кошки словно щелкает выключатель. Инстинкты берут верх. – Роудс взглянул на нее. – Мне любопытно, откуда у вас такой интерес к пумам. Это не значит, что я отказываюсь отвечать на ваши вопросы, – тут же добавил он. – Напротив, я был бы рад рассказать вам гораздо больше за ланчем. Если хотите.

– Большие кошки меня очаровывают, но я здесь в связи с тем делом, которое сейчас расследуется.

– Значит, по работе.

Что это прозвучало в его голосе – разочарование? Маура не могла прочесть выражение его лица, потому что он отвернулся к вольеру и наблюдал за пумой, опершись локтями о перила. Она прикинула, каким может быть ланч с Аланом Роудсом. Интересный разговор с человеком, явно преданным работе. В его глазах светится ум, и хотя ростом он невысок, благодаря работе не под крышей выглядит жилистым и загорелым. Вот в такого крепкого, надежного человека она и должна была бы влюбиться, но в ней ничего не вспыхнуло. Погоня же за вспышкой не принесла ей ничего, кроме разочарований. Почему она никогда не вдохновлялась встречей с человеком, который мог сделать ее счастливой?

– Каким образом поведение пумы может быть связано с медицинской экспертизой? – спросил Роудс.

– Я хочу больше узнать о способах охоты кошек. О том, как они убивают жертву.

Он нахмурился:

– Разве у нас в штате пума нападала на человека? Это определенно соответствовало бы слухам, которые до меня доходят.

– Каким слухам?

– О пумах в Массачусетсе. Сообщается, что их видели по всей Новой Англии, но теперь в этих местах пума – что-то вроде призрака. Встречи с этим животным ни разу не были подтверждены. Однако одна особь погибла в Коннектикуте несколько лет назад.

– В Коннектикуте? Это что, сбежала из дома?

– Нет, она определенно была дикой. Ее сбил внедорожник на хайвее в Милфорде. Судя по анализу ДНК, она мигрировала сюда из Южной Дакоты и принадлежит к тамошней группе диких пум. Так что эти кошки, вне всякого сомнения, добрались до Восточного побережья. Возможно, есть они и у нас, в Массачусетсе.

– Меня это пугает. Но вас такая перспектива, похоже, воодушевляет.

Роудс застенчиво рассмеялся:

– Специалисты по акулам любят акул. Динозавроведы без ума от тираннозавров. Это не означает, что они хотят встретиться с одним из них, но мы все в какой-то мере восхищаемся крупными хищниками. Вы знаете, когда-то этот континент принадлежал пумам, от Восточного побережья до Западного. Но потом пришли мы и почти истребили их. Я думаю, это здорово, что они возвращаются.

Семейство с ребенком двинулось дальше по дорожкам зоопарка. И снова взгляд пумы прилип к Мауре.

– Если они вернулись сюда, – сказала она, – то нужно забыть о спокойных прогулках по лесу.

– Ну, этого я бы не опасался. Вы посмотрите, сколько пум в Калифорнии. Камеры ночного видения зафиксировали их движение по Гриффит-парку в Лос-Анджелесе. Какие-либо происшествия случаются довольно редко, хотя они и нападали на бегунов трусцой и велосипедистов. У них инстинкт – преследовать двигающуюся добычу. Всякое движение их привлекает.

– Значит, люди должны поворачиваться к ним лицом и отражать нападение?

– Откровенно говоря, вы никогда не увидите атаку пумы. Вы поймете, что она атакует, когда она уже вопьется зубами вам в шею.

– Как в случае с Дебби Лопес.

Роудс помолчал, потом тихо сказал:

– Да, как это случилось с несчастной Дебби. – Он посмотрел на Мауру. – Так, значит, здесь все-таки произошло нападение пумы на человека?

– Это случилось в Неваде. В горах Сьерра.

– Там эти кошки определенно водятся. И как это случилось?

– Жертвой была женщина-туристка. Когда ее нашли, тело было растерзано крылатыми падальщиками. Но некоторые детали навели коронера на мысль о нападении пумы. Во-первых, жертва была расчленена.

– Такое случается при нападении крупных кошек.

– Во-вторых, место, где было найдено тело. На дереве.

Роудс уставился на нее:

– На дереве?

– Она была поднята на ветку футах в десяти над землей. Вопрос в том, как она туда попала? Могла ее затащить туда пума?

Он на несколько секунд задумался:

– Я бы не сказал, что это типично для пум.

– Леопард, убив Дебби Лопес, затащил ее на камни. Вы сказали, что они делают это инстинктивно, защищая свою добычу.

– Да, такое поведение типично для африканского леопарда. В буше они конкурируют с другими хищниками – львами, гиенами, крокодилами. Они оберегают свою добычу от падальщиков, затаскивая ее на дерево. Когда она наверху и недоступна другим хищникам, леопард может кормиться ею без опаски. В Африке, если вы видите мертвую антилопу на дереве, затащить ее туда могло только одно животное.

– А пумы? Они не затаскивают добычу на деревья?

– У пумы в Северной Америке нет таких конкурентов-хищников, как в Африке. Пума может затащить добычу в кустарник или в пещеру, прежде чем начать есть. Но чтобы на дерево? – Роудс отрицательно покачал головой. – Это было бы странно. Такое поведение скорее свойственно африканскому леопарду.

Маура снова повернулась к вольеру. Кошка по-прежнему пожирала ее глазами, словно лишь Маура могла удовлетворить голод хищника.

– Расскажите мне еще о леопардах.

– Не могу себе представить леопарда на свободе в Неваде, если только он не сбежал из зоопарка.

– И все же я бы хотела узнать о них побольше. Их привычки. Способы охоты.

– Что ж, я больше всего знаком с Panthera pardus, африканским леопардом. Есть еще несколько подвидов – Panthera orientalis, Panthera fusca, Panthera pardus japonensis, но они не так хорошо изучены. Прежде чем мы почти полностью их истребили, леопарды встречались повсюду в Азии, Африке и даже на таком далеком западе, как Англия. Грустно, что их так мало осталось в мире. В особенности еще потому, что они ускорили наше восхождение по эволюционной лестнице.

– Каким же образом?

– Существует теория, что первые гоминиды в Африке кормились не охотой, а воровством: они таскали пищу у леопардов с деревьев. Что-то вроде выездного ресторана фастфуда. Нет нужды самому гоняться за антилопой. Сиди себе и жди, когда леопард загрызет ее и затащит на дерево. Он съест, сколько ему надо, за несколько часов. А тут уж ты лови миг удачи – воруй оставшееся. Этот готовый запас протеина, возможно, ускорил развитие мыслительных процессов у наших предков.

– А леопард не защищал свою добычу?

– Нет, днем леопарды ее не охраняют, это подтверждено данными радиомониторинга, когда на леопардов надевали ошейники. Они набьют брюхо, покинут свою кладовку, а через несколько часов вернутся, чтобы еще раз подкормиться. Поскольку туши зачастую выпотрошены, мясо остается съедобным по нескольку дней. Это позволяло нам, гоминидам, залезать потихоньку на дерево и таскать мясо себе на обед. Но вы правы, занятие это было вполне безопасным. В древних пещерах,

облюбованных леопардами, часто встречаются кости доисторических гоминидов. Мы воровали их обеды, а они иногда обедали нами.

Маура вспомнила о своем коте, о том, как внимательно он за ней наблюдает, – почти как эта пума. Связь между кошками и людьми сложнее, чем между просто хищником и добычей. Домашний кот может сидеть у тебя на коленях и есть с руки, но охотничьи инстинкты у него остаются.

Как и у нас.

– Они ведут одиночный образ жизни? – спросила Маура.

– Да, как и большинство кошек. Исключение составляют львы. А леопарды – абсолютные одиночки. Самки оставляют котят на срок до недели, потому что предпочитают охотиться и добывать корм сами по себе. В полтора года котята покидают мамочку и определяют собственную охотничью территорию. Кроме периода спаривания, они держатся в одиночестве, ведут весьма скрытный образ жизни, увидеть их очень нелегко. Они ночные охотники, умеют незаметно подкрадываться к жертве. Понятно, почему они играют такую заметную роль в мифологии. Темнота, вероятно, пугала древнего человека, потому что он знал: в любую ночь на его горле могут сомкнуться клыки большой кошки.

Маура подумала о Дебре Лопес, последним чувством которой, видимо, был страх. Она посмотрела на вольер леопарда, находившийся в нескольких ярдах от места, где они стояли. После гибели смотрительницы клетка временно была огорожена, но посетители зоопарка останавливались и фотографировали загородку на свои сотовые телефоны. Смерть подобна рок-звезде, всегда привлекает публику.

– Вы сказали, что большие кошки потрошат добычу, – вновь заговорила Маура.

– Да, у них определенная схема питания. Леопарды разрывают брюшину жертвы от хвоста. Это позволяет извлечь внутренности – их поедают в течение первых двадцати четырех часов. И благодаря этому остальная туша разлагается медленнее. Так что кошка ест ее не спеша. – Роудс замолчал, так как зазвонил его сотовый. Посмотрев на Мауру извиняющимся взглядом, он ответил на вызов. – Да? Боже мой, Марси, я об этом совершенно забыл. Сейчас буду. – Он со вздохом отключился. – Извините, меня ждут на совете директоров. Вечный поиск денег.

– Спасибо, что потратили на меня время. Очень мне помогли.

– Я был рад. – Он двинулся по дорожке, но вдруг повернулся и сказал: – Если захотите частную экскурсию после закрытия зоопарка, дайте мне знать.

Маура проводила его взглядом – он прибавил шагу и через несколько секунд исчез за поворотом, а она вдруг осталась одна, дрожа на ветру.

Нет, не совсем одна. За прутьями пустующей клетки леопарда она увидела рыжеватые волосы цвета львиной гривы и широкие плечи, прикрытые коричневой курткой на овечьем меху. Это был ветеринар зоопарка доктор Оберлин. Несколько секунд они смотрели друг на друга, как два осторожных животных, неожиданно встретившихся в буше. Потом он коротко кивнул, помахал и исчез в кустарнике того же цвета, что и его куртка.

«Невидимый, как пума, – подумала она. – Я и не знала, что он там».

23

– Если эти разные случаи в отдаленных друг от друга местах связаны, то мы имеем дело с набором весьма сложных поведенческих ритуалов, – сказал доктор Лоренс Цукер, психолог-криминалист, консультировавший бостонскую полицию.

Этот светловолосый крупный человек был частым гостем отдела по расследованию убийств. Со своего места во главе стола он смотрел на Мауру и четырех детективов, собравшихся этим утром в конференц-зале. Во внешности Цукера было что-то пугающее – он напоминал рептилию, и, когда его взгляд скользил по Мауре, ей казалось, что она ощущает на щеке холодный язык ящерицы.

– Давайте только не будем спешить, – призвал всех детектив Кроу. – Мы еще не установили, что эти случаи связаны между собой. Гипотезу предложила доктор Айлз, а не мы.

– И мы продолжаем расследование, – сказала Джейн. – Вчера мы с Фростом ездили в Мэн, пытались прояснить случай пятилетней давности. Имя убитого – Брэндон Тайрон, его выпотрошенное тело нашли подвешенным на дереве.

– И что вы думаете по этому поводу? – спросил Цукер.

– Не могу сказать, что картина после нашей поездки прояснилась. Полиция штата держит под прицелом одного подозреваемого, его зовут Ник Тибодо. Они с жертвой были знакомы. Возможно, они поссорились и это стало причиной убийства.

– Я звонил в Монтану и Неваду, – сказал Кроу, – разговаривал с тамошними детективами об этих делах. Они считают, что в обоих случаях виноваты пумы. Я не понимаю, как эти смерти могут быть связаны с нашим случаем. Или с убийством в Мэне.

– Их связывает символика, – сказала Маура, не в силах больше молчать.

Не будучи ни полицейским, ни психологом, она снова оказалась чужаком на этом заседании, придя по приглашению доктора Цукера. Все взгляды обратились к ней, и Маура почувствовала, как стена скептицизма отделила ее от остальных. Стена, которую ей предстояло разрушить. Кроу изолировал ее всеми имеющимися силовыми полями. И Фрост, и Джейн изображали открытость к диалогу, но в голосе Джейн совершенно отсутствовал энтузиазм. Что касается Джонни Тама, он, как всегда, был тайной за семью печатями – держал свое мнение при себе.

– После разговора с доктором Роудсом о биологии леопардов я поняла, что это и есть общая особенность. То, как леопард охотится, как питается, как затаскивает жертву наверх. Мы наблюдаем это во всех случаях.

– Так кого же мы ищем? – хихикнул Кроу. – Человека-леопарда?

– Вы можете посмеиваться над этим, детектив Кроу, – сказал Цукер, – но не сбрасывайте гипотезу доктора Айлз со счетов. Когда она сказала мне об этом вчера, у меня тоже были сомнения. Но потом я просмотрел дела об этих убийствах за границами Массачусетса.

– В Неваде и Монтане факты убийств не доказаны, – заметил Кроу. – Медэксперты в обоих случаях говорят, что причиной смерти могло быть нападение пумы.

– Доктор Роудс утверждает, что пумы не затаскивают добычу на деревья, – сказала Маура. – И что случилось с остальными людьми из обеих групп? В Неваде было четыре туриста. Нашли только одного. В Монтане – четыре охотника, но нашли останки лишь двух. Пумы не смогли бы вовсе не оставить от всех никаких следов.

– Может, там было семейство пум.

– Это вообще не пума, – возразила Маура.

– Знаете, доктор Айлз, мне трудно свести воедино ваши меняющиеся гипотезы. – Кроу оглядел присутствующих. – Сначала вы утверждаете, что убийца ненавидит охотников и потому подвешивает их и потрошит. А теперь что? Какой-то сумасшедший, вообразивший себя леопардом?

– Он не обязательно сумасшедший.

– Слушайте, если бы я начал изображать леопарда, – сказал Кроу, – вы бы вызвали людей в белых халатах, чтобы меня заперли.

– Мы вообще можем прийти к какому-нибудь заключению? – пробормотала Джейн.

– Мы должны выслушать доктора Айлз, – сказал доктор Цукер. – Опишите нам еще раз состояние тела мистера Готта.

– Мы все читали отчет по результатам вскрытия, – запротестовал Кроу.

– И тем не менее пусть она еще раз опишет характер повреждений.

Маура кивнула:

– Мы имеем вдавленный перелом правой теменной кости, совместимый с ударом тупым предметом. Имеют место также множественные параллельные разрывы гортани, возможно посмертного происхождения. Обнаружены сдавленные повреждения щитовидного хряща, что, вероятнее всего, привело к удушению. Брюшина рассечена одним надрезом от мечевидного отростка до паха, внутренности из грудной и брюшной полости удалены. – Она помолчала. – Хотите, чтобы я продолжила?

– Нет, я бы сказал, это дает нам достаточное представление. А теперь позвольте зачитать вам описание врача, сделанное на другом месте преступления. – Цукер надел очки. – «Жертва – женщина лет восемнадцати, обнаружена мертвой в ее хижине на рассвете. Ее горло раздавлено, а лицо и шея разодраны когтями хищника, повреждения такие сильные, что, видимо, являются следствием пожирания плоти хищником. Внутренности и печень отсутствуют, но отмечу одну особенность: отсечение внутренностей с одной стороны сделано чрезвычайно аккуратно. Дальнейшее исследование установило, что брюшина была рассечена исключительно чисто и ровно – такую рану не могло нанести ни одно известное мне дикое животное. Таким образом, несмотря на мое первоначальное впечатление, согласно которому несчастная явилась жертвой леопарда или льва, я должен прийти к выводу, что это преступление человека». – Он положил лист бумаги, с которого читал. – Вы ведь все заметили, что доклад имеет поразительное сходство с тем, о чем только что говорила доктор Айлз?

– А что это за дело? – спросил Фрост.

– Это было написано немецким доктором-миссионером, работавшим в Сьерра-Леоне. – Цукер помолчал. – В тысяча девятьсот сорок восьмом году.

В комнате воцарилось молчание. Маура оглядела сидящих за столом и увидела удивление Фроста и Тама, скептицизм Кроу. «А что думает Джейн? Что я хватила через край и преследую призраков?»

– Позвольте выразиться прямо, – сказал Кроу. – Вы полагаете, мы имеем дело с убийцей, который делал это в тысяча девятьсот сорок восьмом году? А это значит, что ему сейчас… сколько? Лет восемьдесят пять?

– Мы говорим вовсе не об этом, – сказала Маура.

– Так в чем состоит ваша новая гипотеза, доктор Айлз?

– Суть в том, что существует исторический прецедент этих ритуальных убийств. То, что происходит сегодня – параллельные отметины, эвисцерация, – является отражением происходившего на протяжении веков.

– Мы что, говорим о культе? О призраках? Или вернулись к человеку-леопарду?

– Ради бога, дай ей сказать, Кроу. – Джейн посмотрела на Мауру. – Я надеюсь, у тебя есть не только восторги перед сверхъестественным.

– Это очень реальная вещь, – сказала Маура. – Но сначала нужен небольшой исторический экскурс во времени, почти на век назад. – Она обратилась к Цукеру: – Вы не расскажете им эту историю?

– С удовольствием. Потому что история эта восхитительна, – сказал Цукер. – Приблизительно во время Первой мировой войны в Западной Африке, согласно сообщениям, случилось несколько таинственных смертей. Жертвами были мужчины, женщины и дети. Их находили со следами того, что казалось когтями, их шеи были раздавлены, животы выпотрошены. Некоторые частично съедены. Все указывало на нападение крупных кошек, а один из свидетелей видел нечто, показавшееся ему леопардом, убегающим в буш. Решили, что какая-то бешеная кошка прокрадывается в деревни и нападает на людей во сне. Но местные власти вскоре поняли, что леопард тут ни при чем. Убийцами были люди, принадлежащие к древнему культу, уходящему в глубину веков. К тайному обществу, которое так сильно идентифицирует себя с леопардами, что его члены искренне верят: если выпить кровь жертвы или поесть ее мяса, то можно на самом деле трансформироваться в это животное. Они убивают, чтобы стать сильными, набраться энергии тотемного животного. Осуществляя эти ритуальные убийства, член общества облачается в шкуру леопарда и стальными когтями наносит раны жертве.

– В шкуру леопарда? – переспросила Джейн.

Цукер кивнул:

– Таким образом, кража шкуры снежного барса обретает новый смысл, не правда ли?

– И этот культ леопарда все еще существует в Африке? – спросил Там.

– Слухи ходят, – сказал Цукер. – В сороковые годы в Нигерии происходили десятки убийств, которые приписывали людям-леопардам. Некоторые из них совершались даже при свете дня. Власти приняли меры, нагнали туда дополнительно сотни полицейских, в конечном счете они арестовали и казнили несколько подозреваемых. Нападения прекратились, но исчез ли культ? Может, он просто ушел в подполье… и распространился?

– До Бостона? – усмехнулся Кроу.

– Слушайте, у нас здесь есть дела, в которых фигурируют последователи культа вуду и сатанисты, – сказал Там. – Почему не люди-леопарды?

– Эти убийства в Африке, связанные с культом леопарда, – сказал Фрост. – Какой у них был мотив?

– У некоторых, возможно, политический – устранение конкурентов, – ответил Цукер. – Но это не объясняет немотивированные убийства женщин и детей. Нет, за этим стояло что-то еще – то же самое, что порождало культы ритуальных убийств по всему миру. Огромное число людей приносилось в жертву самым разным верованиям. Убиваете ли вы для устрашения врагов или чтобы умилостивить богов вроде Зевса или Кали, все равно это сводится к одному – завоеванию власти.

Цукер оглядел людей за столом, и Маура снова ощутила холодный поцелуй ящерицы.

– Посмотрите на особенности этих убийств, и вы увидите общую черту: охота как средство власти. Убийца может иметь вполне заурядную внешность и выполнять заурядную работу. Это не дает ему острых ощущений или чувства власти, которые он получает при убийстве. Поэтому он ищет жертву, у него есть для этого средства и свобода. Причина какого еще количества смертей была неправильно классифицирована как происшествие с дикими зверями? Сколько еще пропавших туристов на деле были жертвой убийцы?

– Леон Готт не был туристом, – сказал Кроу. – Его убили в собственном гараже.

– Вероятно, чтобы похитить шкуру снежного барса, – подхватил Цукер. – Это тотемный символ убийцы, он использует его в ритуальных целях.

– Мы знаем, что Готт хвастался этим снежным барсом на охотничьих форумах, – сказал Фрост. – Он всем сообщил, что у него будет одно из самых редких животных на земле.

– А это опять указывает на охотника как на подозреваемого. Здесь и практическое, и символическое объяснение. Убийца идентифицирует себя с леопардом, одним из самых совершенных хищников в природе. Кроме того, он сам прекрасно чувствует себя в дикой природе. Но в отличие от других охотников его добыча не олень или лось – он выбирает людей. Туристов или путешественников. Это сложнее всего, и он предпочитает дикие места, чтобы выслеживать добычу. Горы Невады. Леса Мэна. Монтана.

– Ботсвана, – тихо произнесла Джейн.

Цукер, нахмурившись, посмотрел на нее:

– Что вы имеете в виду?

– Сын Леона Готта исчез в Ботсване. Вместе с группой туристов они отправились на сафари в какое-то глухое место.

При упоминании Эллиота Готта пульс Мауры пустился галопом.

– Как и туристы. Как и охотники, – сказала она. – Они идут в дикие места и пропадают там.

Шаблоны. Все дело в том, чтобы видеть шаблоны. Она посмотрела на Джейн:

– Если Эллиот Готт стал одной из его жертв, это означает, что шесть лет назад этот убийца уже выслеживал жертвы.

Джейн кивнула:

– В Африке.

Этот файл уже несколько дней хранился в ноутбуке Джейн – его прислали из Главного национального бюро Интерпола в Ботсване. Он содержал почти сотню страниц с докладом полицейской службы Мауна, полицейской службы Южно-Африканской Республики и Йоханнесбургского отделения Интерпола. Джейн, когда она получила

этот файл, была убеждена, что он никак не связан с убийством Леона Готта шестью годами позже, а потому лишь мельком пробежала его. Но исчезновение туристов в Неваде и охотников в Монтане имело тревожные параллели с обреченным сафари Эллиота Готта, и вот теперь она села за стол и вновь открыла этот файл. В отделе звонили телефоны, Фрост громко хрустел оберткой, разворачивая сэндвичи, а Джейн изучала информацию, на сей раз гораздо внимательнее.

В докладе Интерпола содержалось резюме событий и проведенного расследования. 20 августа шесть лет назад семь туристов из разных стран сели на самолет в Мауне, Ботсвана, и направились в дельту Окаванго. Туристов высадили на отдаленной посадочной полосе, где их встретили следопыт и проводник, оба из Южной Африки. На машине они направились вглубь дельты, где каждую ночь должны были проводить в разных местах, спать в палатках, питаться добытой дичью. Сайт проводника обещал «настоящее африканское приключение в одном из последних райских уголков, оставшихся на земле».

Для шести из этих несчастных туристов это приключение стало путешествием в небытие.

Джейн перешла на следующую страницу, прочла список известных жертв, их гражданство, были ли обнаружены останки.

«Сильвия ван Офвеген (ЮАР). Пропала, считается мертвой. Останков не найдено.

Вивиан Крёйсвик (ЮАР). Мертва. Останки частично найдены, установлено по ДНК.

Эллиот Готт (США). Пропал, считается мертвым. Останков не найдено.

Исао Мацунага (Япония). Мертв, захороненные останки найдены близ стоянки. Установлено по ДНК.

Кейко Мацунага (Япония). Пропала, считается мертвой. Останков не найдено.

Ричард Ренуик (Великобритания). Пропал, считается мертвым. Останков не найдено.

Кларенс Нгобо (ЮАР). Мертв. Останки частично найдены. Установлено по ДНК».

Она уже собиралась перейти на следующую страницу, но вдруг остановилась: ее внимание привлекло одно из имен в списке жертв. Это имя пробудило в ней какое-то слабое воспоминание. Почему оно

показалось ей знакомым? Джейн попыталась восстановить образ, навеянный этим именем.

Она повернулась к Фросту, с удовольствием поедавшему сэндвич с индейкой:

– У тебя дело Брэндона Тайрона из Мэна?

– Да.

– Ты его прочел?

– Да. Там все то, что нам уже рассказал детектив Барбер.

– Там был список ворованного из гаража Тайрона. Можно посмотреть еще раз?

Фрост положил сэндвич, перебрал стопку папок на своем столе:

– Не помню там ничего интересного. Несколько фотокамер. Кредитные карточки, айпод…

– Там была серебряная зажигалка?

– Да. – Он вытащил папку, протянул ее Джейн. – И что?

Она принялась листать дело, пока не дошла до списка предметов, похищенных Брэндоном Тайроном и Ником Тибодо из палаток и машин в палаточном лагере в Мэне. Она пробежала список и нашла то, что ей запомнилось: «Зажигалка чистого серебра. С гравировкой „Р. Ренуик“». Джейн посмотрела в свой ноутбук. На имена жертв в Ботсване.

«Ричард Ренуик (Великобритания). Пропал, считается мертвым».

– Черт побери, – сказала она и потянулась к телефону.

– Что там? – спросил Фрост.

– Может, ничего. А может, всё.

Джейн набрала номер.

На третий звонок она услышала голос:

– Детектив Барбер.

– Привет. Это Джейн Риццоли, бостонская полиция. Я по поводу того дела об убийстве Брэндона Тайрона, что вы нам дали. Там есть список вещей, которые вы нашли в гараже Тайрона.

– Да. То, что они с Ником украли из кемпинга.

– Вы нашли всех владельцев этих вещей?

– Большинство нашли. Кредитные карточки, предметы с именами – тут было просто. После того как стало известно, что украденные вещи обнаружились, несколько владельцев заявили свои права.

– Меня интересует конкретная вещь. Зажигалка чистого серебра с выгравированным на ней именем.

Барбер не колеблясь ответил:

– Нет. Владелец не был найден.

– Вы уверены, что никто не предъявлял на нее права?

– Да. Я разговаривал со всеми, кто приходил за вещами. На всякий случай – может, они видели что-нибудь в палаточном лагере. Может, видели Ника и Тайрона. За зажигалкой никто не пришел, и это меня удивило. Чистое серебро. Кто-то явно заплатил за нее кучу денег.

– А вы не пытались найти владельца по имени? Р. Ренуик?

Барбер рассмеялся:

– Попытайтесь прогуглить «Р. Ренуик». Получите тысяч двадцать результатов. Мы могли только передать сообщение в новостях и надеяться, что владелец нам позвонит. Наверно, он не заметил потери. – Барбер помолчал. – А почему вы спрашиваете о зажигалке?

– Из-за имени – Р. Ренуик. Оно всплыло в другом деле. Жертва по имени Ричард Ренуик.

– И что за дело?

– Убийство нескольких человек шесть лет назад. В Ботсване.

– В Африке? – Барбер фыркнул. – Ближний свет. Вам не кажется, что это скорее совпадение?

Может, и совпадение, подумала Джейн, повесив трубку. А может быть, это имя связывает все эти случаи. Шесть лет назад Ричард Ренуик погиб

в Африке. Год спустя зажигалка с его именем появилась в Мэне. Не попала ли она в Штаты в кармане убийцы?

– Ты не хочешь рассказать, что там у тебя? – спросил Фрост, когда она набрала очередной номер.

– Мне нужно найти кое-кого.

Он посмотрел через ее плечо на страницу, открытую в ноутбуке:

– Дело из Ботсваны? Какое это имеет отношение к…

Она подняла руку, призывая его к молчанию, когда в трубке раздался обычный лаконичный ответ ее мужа:

– Габриэль Дин.

– Привет, мистер специальный агент. Можешь оказать мне услугу?

– Дай-ка догадаюсь, – сказал он со смехом. – У нас кончилось молоко?

– Нет, я хочу, чтобы ты надел фирменную шапочку своего Бюро. Мне нужно найти одну женщину, а я понятия не имею, где она. У тебя ведь есть приятель в Интерполе Южной Африки. Хенк… как-то там.

– Хенк Андриссен.

– Да, он. Он мне не поможет?

– Это международное дело?

– Убийство нескольких человек в Ботсване. Я тебе рассказывала. Туристы, которые исчезли на сафари. Беда в том, что это произошло шесть лет назад, и я не знаю, где теперь ее искать. Думаю, она вернулась в Лондон.

– Как ее зовут?

– Милли Джекобсон. Единственная выжившая.

24

Южная Африка

Каждое утро в течение последних пяти дней карминная щурка прилетает ко мне во двор. Я выхожу в задний дворик с чашкой кофе, а птичка невозмутимо сидит там, ярко-красное украшение среди веселой

путаницы веток и цветов. Я столько сил отдала этому саду, копала, удобряла, полола, поливала, преображала в мое собственное убежище то, что раньше было просто зарослями кустарников. Но в этот теплый ноябрьский день я почти не замечаю ни ярких бутонов, ни залетную птичку. Телефонный звонок прошлым вечером настолько меня потряс, что ни о чем другом я не могу думать.

Ко мне присоединяется Кристофер, и чугунные ножки стула скребут по плиткам дворика, когда он садится за садовый столик с чашкой кофе.

– Что собираешься делать? – спрашивает он.

Я вдыхаю запах цветов, впиваюсь взглядом в решетку, увитую великолепными виноградными плетями.

– Я не хочу ехать.

– Значит, ты решила.

– Да, – вздыхаю я. – Не поеду.

– Я могу освободить тебя от этого. Скажу, чтобы оставили тебя в покое. Ты ответила на все их вопросы – чего им еще надо?

– Может быть, немного смелости от меня, – шепчу я.

– Боже мой, Милли. Да ты храбрейшая из всех известных мне женщин!

Это вызывает у меня смех, потому что я вовсе не чувствую себя смелой. Скорее уж – дрожащей мышью, страшащейся покинуть этот дом, где я чувствую себя в безопасности. Не хочу уезжать отсюда, потому что знаю, что происходит там, в мире. Я знаю, кто там, и мои руки дрожат при мысли о том, что я снова увижу его. Но эта женщина из бостонской полиции, она именно об этом меня и просит. «Вы знаете его в лицо. Вы знаете, как он думает и охотится. Вы нам нужны, чтобы помочь его найти».

«Прежде чем он совершит еще одно убийство».

Кристофер тянется ко мне, прикасается к моей руке. И только теперь я замечаю, как мне холодно. И как теплы его пальцы.

– Тебе снился сегодня какой-то страшный сон, да?

– Ты заметил?

– Трудно не заметить – мы ведь спим рядом.

– Мне много месяцев ничего не снилось. Я уж решила, что все кончилось.

– Проклятый телефонный звонок, – бормочет он. – Понимаешь, у них ведь нет ничего стопроцентного. Только гипотеза. Может быть, они ищут кого-то совершенно другого.

– Они нашли зажигалку Ричарда.

– Ты не знаешь наверняка, что это именно та зажигалка.

– Еще один Р. Ренуик?

– Достаточно распространенное имя. В любом случае, если это та самая зажигалка, значит убийца далеко. Переселился на другой континент.

Поэтому я и хочу остаться здесь, где Джонни меня не найдет. Было бы безумием с моей стороны отправиться на поиски монстра. Я допиваю кофе и встаю, стул скрежещет по плитке. Не знаю, о чем я думала, покупая кованую мебель. Может быть, руководствовалась ощущением долговечности, мыслью о том, что я могу быть уверена в ее надежности, но эти стулья слишком тяжелые, передвигать их трудно. Возвращаюсь в дом, чувствуя на себе новую ношу, столь же тяжелую, как чугунные стулья, выкованную страхом и привязывающую меня к этому месту. Я иду к раковине вымыть чашки и блюдца, убрать со стола, который и без того блещет чистотой.

«Вы знаете, как он думает. И как охотится».

Внезапно перед моим мысленным взором возникает лицо Джонни Постьюмуса, оно как живое, словно он стоит у моей кухни и смотрит в окно. Я вздрагиваю, и ложка падает на пол. Он всегда там, преследует меня, этакая заблудшая мысль. Уехав из Ботсваны, я была уверена, что в один прекрасный день он меня найдет. Единственная выжившая, единственный свидетель, которого он не смог убить. Он наверняка не может игнорировать этот факт. Но месяцы становились годами, а ни ботсванская, ни южноафриканская полиция не обращались ко мне, и я начала надеяться, что Джонни мертв. Что его кости разбросаны где-то по бушу, как и кости Ричарда. Как и кости остальных. Я не знала другого способа чувствовать себя в безопасности: только представлять его мертвым. За последние шесть лет никто его не видел и не слышал, а потому разумно было уверовать, что он мертв и не может мне повредить.

Этот звонок из Бостона меняет все.

Легкие шажки по лестнице – и в кухню, пританцовывая, входит наша дочка Вайолет. В свои четыре года она все еще бесстрашна, потому что мы лгали ей. Мы говорили, что мир – это место, где светло и покойно, и она не знает, что чудовища существуют на самом деле. Кристофер подхватывает ее на руки, кружит и, смеясь, несет в гостиную на субботний утренний ритуал просмотра мультиков. Посуда вымыта, кофейник я сполоснула, но я выхаживаю по кухне, ищу, что бы еще сделать, – что угодно, лишь бы отвлечься.

Сажусь за компьютер и вижу несколько писем, пришедших на мой ящик со вчерашнего вечера, – от сестры из Лондона, от других матерей из детского сада Вайолет, от какого-то нигерийца, желающего перевести на мой счет целое состояние, если только я назову ему этот счет.

И есть письмо от детектива Джейн Риццоли из Бостона. Он было прислано вчера вечером – и часа не прошло после нашего телефонного разговора.

Я не знаю, открывать ли его, предчувствуя, что это точка невозврата. Если я пересеку эту черту, вернуться за мою надежную стену отрицания будет уже невозможно. В соседней комнате смеются Кристофер и Вайолет – они смотрят мультипликационное побоище, а я сижу тут, сердце у меня колотится, руки как ледышки.

Я кликаю мышкой. С таким же успехом я могла поджечь запал динамитной шашки, потому что изображение на экране ударяет меня похлеще любого взрыва. Это фотография зажигалки из чистого серебра, найденная полицией Мэна в сумке с украденными вещами. Я вижу имя Р. Ренуик и жирный гравировочный шрифт, который так нравился Ричарду. Но мое внимание привлекает царапина. Едва различимая, она все же видна, проходит через вершину буквы «Р», словно отметина, оставленная когтем на сверкающей матовой поверхности. Я вспоминаю день, когда это случилось: зажигалка выпала из кармана Ричарда и ударилась о лондонский асфальт. Вспоминаю, как часто он прикуривал от нее, как был доволен, когда я сделала ему этот подарок на день рождения. Подарок такой дорогой, претенциозный, но он сам попросил о нем, и это был Ричард, который всегда метил свою территорию, даже если эта территория – сияющий кусочек серебра. Я помню, как он закуривал сигарету «голуаз» у костра, как щеголевато щелкала серебряная крышечка.

У меня нет сомнений – это его зажигалка. Каким-то образом в кармане убийцы она проделала путь из дельты Окаванго через океан – в Америку. Теперь они просят меня повторить его путь.

Я читаю письмо от детектива Риццоли, сопровождающее фотографию: «Это та самая зажигалка? Если да, нам нужно срочно обсудить это. Вы сможете приехать в Бостон?»

За окнами кухни ярко светит солнце, и мой сад в лучшем своем летнем виде. В Бостоне вот-вот начнется зима, и можно представить, как там холодно, серо, даже хуже, чем в Лондоне. Она и вообразить не может, о чем просит. Говорит, ей известны факты о случившемся, но факты – нечто холодное, бескровное, как куски металла, сваренные в статую, – вот только души у нее нет. Детективу Риццоли не понять, что я пережила в дельте.

Я делаю глубокий вдох и набираю ответ: «Извините, но в Бостон я прилететь не могу».

25

Габриэль служил прежде в морской пехоте и там приобрел немало навыков выживания, один из них – способность (которой завидовала Джейн) при первой же возможности быстро перехватывать пару-тройку драгоценных часов сна. Несколько минут спустя после того, как самолет набрал высоту, экипаж притушил свет в салоне, Габриэль откинул спинку сиденья, закрыл глаза и сразу же переместился в страну снов. У Джейн сна не было ни в одном глазу, она считала часы до посадки и думала о Милли Джекобсон.

Милли, единственная выжившая в том обреченном сафари, не вернулась в Лондон, как предполагала Джейн, а жила теперь в долине Хекс-Ривер, в небольшом южноафриканском городке. Сражаясь за жизнь, она провела две кошмарные недели в буше, покрывала себя слоем ила, ела только тростники и траву, а когда все закончилось, эта женщина – служащая книжного магазина, девушка лондонского разлива, не вернулась в родной город, а предпочла остаться в Африке, на континенте, который чуть ее не убил.

На фотографиях Милли Джекобсон, сделанных вскоре после выхода из буша, видно, как она исхудала к концу этого испытания. С фотографии в ее английском паспорте смотрела молодая темноволосая женщина с голубыми глазами и лицом, сужающимся к подбородку, приятно ординарная, не красавица, но и не простушка. На фотографии, сделанной в больнице, где она проходила курс восстановления, – совершенно другое, изменившееся лицо, и Джейн никак не могла поверить, что это один и тот же человек. В какой-то момент в буше та женщина, которая раньше была Милли Джекобсон, словно змея, сбросила прежнюю кожу, и появилось костлявое, выжженное солнцем до черноты существо с загнанными глазами.

Пока все остальные в самолете спали, Джейн снова просматривала полицейский отчет о гибели туристов на сафари в Ботсване. В то время дело получило широкую огласку в Великобритании, где Ричард Ренуик был популярным автором триллеров. В Штатах его знали мало, и Джейн никогда не читала его книг, а они, по словам лондонской «Таймс», были «насыщены действием», «приводным ремнем которого является тестостерон». Статья была почти целиком посвящена Ренуику, и только два абзаца – его подружке Милли Джекобсон. Но теперь именно Милли целиком завладела вниманием Джейн, которая ошеломленно разглядывала фотографию молодой женщины в файле Интерпола. Фотография была сделана вскоре после спасения Милли, и Джейн видела в ее лице отражение самой себя, какой она была всего несколько лет назад. К ним обеим прикоснулась холодная рука убийцы, и они обе выжили. Такое не забывается.

Когда они с Габриэлем покинули Бостон, там шел снег с дождем и задувал ветер, да и в Лондоне во время их короткой остановки погода была не лучше – такая же серая и зимняя. А потому Джейн испытала потрясение, оказавшись несколько часов спустя в по-летнему теплом Кейптауне. Здесь сезоны были перевернуты с ног на голову, и в аэропорту она видела людей, облаченных в шорты и платья без рукавов, тогда как на ней самой все еще оставались водолазка и шерстяной свитер, в которые она облачилась в Бостоне. К тому времени, когда они получили багаж и прошли пограничный контроль, пот лился с нее ручьем и ей хотелось одного: раздеться до майки.

Она уже взялась за водолазку, когда услышала громогласное:

– Дин Аладдин! Наконец-то ты добрался до Африки!

– Хенк, спасибо, что встретил нас, – сказал Габриэль.

Джейн стащила с себя водолазку и увидела мужа в обществе громадного светловолосого человека. Они похлопывали друг друга по плечам в этаком характерном мужском приветствии, одновременно дружеском и агрессивном.

– Что, долгий перелет? – сказал Хенк. – Зато теперь можете насладиться теплой погодой. – Он посмотрел на Джейн взглядом, от которого она в своей майке почувствовала себя раздетой. Глаза у него казались неестественно светлыми на багровом от загара лице, такой же серебристый оттенок голубизны она видела как-то раз в волчьих глазах. – А вы, вероятно, Джейн, – сказал он, протягивая влажную мясистую руку. – Хенк Андриссен. Наконец-то я вижу женщину, которая околдовала Аладдина. Я думал, это не по силам никому.

Габриэль рассмеялся:

– Джейн не просто какая-то женщина.

Они обменялись рукопожатием, и Джейн почувствовала, что Хенк оценивает ее. «Занятно, – подумала она, – видимо, он полагал, что Дина Аладдина околдует какая-то другая женщина, покрасивее, которая на выходе из самолета не будет походить на выжатую половую тряпку».

– Я о вас тоже слышала, – сказала она. – Что-то о пьяной ночи в Гааге двенадцать лет назад.

Хенк посмотрел на Габриэля:

– Надеюсь, ты рассказал отредактированную версию?

– Хотите сказать, что эта история не только о том, как двое мужчин зашли в бар?

Хенк рассмеялся:

– Это все, что вам нужно знать. – Он взял ее чемодан. – Идемте к машине.

Они вышли из терминала, и Джейн на несколько шагов отстала от мужчин, чтобы они могли обменяться последними новостями. Габриэль проспал почти весь перелет из Лондона и теперь шел энергичной, пружинистой походкой человека, готового активно прожить еще один день. Она знала, что Хенк на добрых десять лет старше Габриэля, что он был трижды женат, что родился в Брюсселе, а последние десять лет работал в Южноафриканском бюро Интерпола. Еще она знала о его репутации любителя выпить и женолюба и сейчас спрашивала себя, в какую же историю он втянул Габриэля в ту историческую ночь в Гааге. Хенк наверняка был заводилой, поскольку она не могла представить своего мужа, воспитанного в пуританских традициях, в роли пьяного гуляки. Глядя на них сзади, она понимала, кому внутренняя дисциплина пошла на пользу. У Габриэля была стройная фигура бегуна, и он шел уверенно и целеустремленно, тогда как широкая талия Хенка свидетельствовала о его невоздержанности. И в то же время они явно находили общий язык – их дружба была выкована в пылу расследования убийств в Косово.

Хенк подвел их к серебристому «БМВ» – автомобилю мечты любого ловеласа. Он показал на переднее сиденье:

– Джейн, хотите ехать спереди?

– Нет, предоставлю эту честь Габриэлю. Наверняка вы захотите рассказать ему о множестве проказ.

– Сзади вид похуже будет, – сказал Хенк, когда они расселись и пристегнулись. – Но я гарантирую, что пункт назначения вам понравится.

– А куда мы едем?

– На Столовую гору[24]. Вы прилетели ненадолго, а это место никак нельзя пропустить. Ваш номер в отеле все равно еще, наверное, не готов, так почему бы нам не отправиться прямиком туда?

Габриэль взглянул на нее:

– Не возражаешь, Джейн?

Конечно, ей хотелось принять душ и лечь в постель. Голова болела от ослепительного солнца, во рту была настоящая битумная яма, но, если Габриэлю хочется начать день с осмотра достопримечательностей, она из кожи вон вылезет, а от парней не отстанет.

– Едем, – сказала она.

Полтора часа спустя они заехали на парковку нижней станции канатной дороги у Столовой горы. Выйдя из машины, Джейн уставилась на тросы, уходившие вдоль склона в небеса. Она не особенно боялась высоты, но при мысли о полете на головокружительную высоту по этим тонким струнам в животе у нее стало нехорошо. Она внезапно забыла про усталость, и в голове у нее зароились образы рвущихся тросов, сведения о смерти при падении с высоты двух тысяч футов.

– Я вам обещаю: такого вида нигде больше нет, – сказал Хенк.

– Господи Исусе! Там же люди на скале.

– Столовая гора – излюбленное место скалолазов.

– Они что, совсем рехнулись?

– Да, мы каждый год теряем несколько скалолазов. После падения с такой высоты уже никакого спасения. Только извлечение тела.

– И мы собираемся туда? На самый верх?

– Вы боитесь высоты? – Бледные волчьи глаза весело посмотрели на нее.

– Можешь мне поверить, Хенк, – сказал со смехом Габриэль. – Даже если бы она и боялась, то не призналась бы в этом ни за что на свете.

«И когда-нибудь эта дурацкая гордыня станет причиной моей смерти», – подумала Джейн, садясь в вагончик вместе с десятками других туристов. Ей не давал покоя вопрос, когда эта система проходила проверку в последний раз. Она вглядывалась в работников канатной дороги – нет ли среди них пьяных, обкурившихся и сумасшедших; пересчитывала пассажиров по головам, чтобы убедиться, что их число не превысило норму, надеясь, что при расчетах проектировщики исходили из того, что пассажиры будут той же весовой категории, что и Хенк.

– Ну вот вам первая возможность увидеть Африку, – сказал Хенк, наклонившись, чтобы прошептать ей это в ухо. – Вас удивляет этот вид?

Джейн проглотила слюну:

– Я ее не так себе представляла.

– А что вы себе представляли? Что здесь повсюду бегают львы и зебры?

– Ну, в общем, да.

– Большинство американцев именно так и думают об Африке. Они смотрят по телевизору слишком много передач о животных, а когда сходят с самолета в камуфляжной одежде и спортивных куртках, то удивляются, увидев современный город вроде Кейптауна. Ни одной зебры поблизости. Разве что в зоопарке.

– А я-то надеялась увидеть зебру.

– Тогда вам понадобится несколько свободных дней, чтобы слетать в буш.

– Жаль, но времени у меня нет, – вздохнула Джейн. – К сожалению, наши агентства держат нас на коротком поводке. Досуг в командировках не предусматривается.

Вагончик плавно остановился, двери открылись.

– Ну тогда давайте немного поработаем, – сказал Хенк. – А одновременно можем наслаждаться видом.

С края плоской вершины Столовой горы Джейн с удивлением оглядывала достопримечательности Кейптауна, на которые указывал Хенк: обнажения скальной породы, известные как Пик дьявола и

Сигнальная гора, Столовую бухту и остров Роббен на севере, где почти два десятилетия провел в заключении Нельсон Мандела.

– Здесь столько истории. Столько всего я мог бы рассказать вам об этой стране, – Хенк посмотрел на нее, – но теперь мы займемся делом. Убийства в Ботсване.

– Габриэль сказал, что вы участвовали в расследовании.

– Но не на первом этапе – следствие начали еще в Ботсване, а Интерпол подключился, только когда ботсванская полиция установила, что убийца пересек границу и находится в Южно-Африканской Республике. Он воспользовался кредитными карточками двух жертв в приграничных городках. Расплачивался в тех заведениях, где не требуется вводить ПИН-код. Машина, на которой они путешествовали, была найдена около Йоханнесбурга. Хотя преступления совершены в Ботсване, Джонни Постьюмус – гражданин ЮАР. Это дело затронуло несколько стран, вот почему потребовалось участие Интерпола. Мы объявили его в розыск, но так до сих пор и не нашли.

– И дело с тех пор ничуть не продвинулось?

– Не особенно. Но вы должны представлять себе, какие трудности тут стоят перед нами. В этой стране совершается около пятидесяти убийств в день – из расчета на сто тысяч населения это в шесть раз больше, чем в Штатах. Многие дела остаются нерасследованными, полиция завалена работой, криминалистические лаборатории недофинансируются. Кроме того, сами убийства произошли в другой стране – в Ботсване. Координация между разными юрисдикциями не облегчает работу.

– Но вы уверены, что вам нужен именно Джонни Постьюмус, – заметил Габриэль.

Андриссен помолчал, и эти несколько секунд тишины говорили больше любых слов, произнесенных потом.

– Точку я еще не поставил.

– Почему?

– Я покопался в его прошлом. Джонни Постьюмус родился в Южной Африке, сын фермеров. В восемнадцать лет поступил работать в охотничий домик в заповеднике Саби-Сэндс. Он бывал в Мозамбике и Ботсване и в конечном счете стал работать в одиночку – независимым проводником. Жалоб на него никогда не поступало. За годы работы он завоевал репутацию надежного человека. Если не считать одной пьяной

драки, никакого криминала или насильственных действий за ним не числилось.

– О которых вам было бы известно…

– Верно, возможно, какие-то случаи не зафиксированы полицией. Убил кого-нибудь в буше, а тело так и не нашли. У меня просто возник естественный вопрос, потому что в его биографии ничто не настораживало. Ничто в его поведении не указывало, что он в один прекрасный день способен увезти восьмерых человек в дельту и там расправиться с семью из них.

– По словам единственной выжившей, именно это и произошло, – сказала Джейн.

– Да, – согласился Хенк. – Об этом она сообщила.

– Есть какие-то сомнения?

– Она опознала Постьюмуса по фотографии двухлетней давности на паспорте, предъявленной ей ботсванской полицией. Других его снимков практически нет, утрачены в пожаре, когда семь лет назад сгорела ферма его родителей. Не забывайте, миз Джекобсон вышла из буша едва живая. Можно ли быть уверенным в правильности ее опознания после таких испытаний и на основании паспортной фотографии?

– Если это не Джонни Постьюмус, то кто?

– Мы знаем, что он использовал кредитные карточки своих жертв. Он взял их паспорта и в те несколько недель, когда они числились пропавшими, мог выдавать себя за одного из них. Это позволило бы ему стать кем угодно, отправиться практически в любое место мира. Включая и Америку.

– А настоящий Джонни Постьюмус? Вы считаете, он мертв?

– Это только гипотеза.

– Но есть какие-нибудь свидетельства, подтверждающие эту теорию? Тело? Хоть какие-то останки?

– Ну, тут тысячи неидентифицированных человеческих останков с мест преступлений по всей стране. Но у нас не хватает средств для их идентификации. Из-за недостатка денег в криминалистических лабораториях на анализ ДНК могут уходить месяцы. А то и годы. Может быть, среди неопознанных останков есть и Постьюмус.

– А может, он жив и обитает сейчас в Бостоне, – сказала Джейн. – Может быть, у него нет уголовного прошлого только потому, что до Ботсваны он не совершил ни одной ошибки.

– Вы имеете в виду Милли Джекобсон.

– Он позволил ей бежать.

Хенк помолчал несколько секунд, оглядывая Столовую бухту.

– Я сомневаюсь, что в то время он считал это проблемой… Я говорю про ее побег.

– Единственная женщина, которая может его опознать?

– Он вполне мог считать ее мертвой. Окажись в дельте любой другой турист, мужчина или женщина, он и двух дней бы не протянул. Я уж не говорю о двух неделях. Она должна была умереть в буше.

– И почему не умерла?

– Стойкость? Везение? – Он пожал плечами. – Чудо.

– Ты видел эту женщину, – сказал Габриэль. – Какой она тебе показалась?

– Я встречался с ней несколько лет назад. Фамилия ее теперь не Джекобсон, а Дебрюйн. Она вышла замуж за южноафриканца. Я помню ее как… абсолютно непримечательную. Такое у меня сложилось впечатление, и, откровенно говоря, я был удивлен. Я читал ее показания и примерно понимал, что ей пришлось пережить. Ожидал увидеть суперженщину.

Джейн нахмурилась:

– Думаете, она дала неправдивые показания?

– Что она встречалась с дикими слонами? Что две недели шла по бушу без еды и оружия? Что питалась только травой и стеблями тростника? – Он покачал головой. – Неудивительно, что полицейские в Ботсване поначалу ей не поверили. Пока не получили подтверждения того, что семь иностранцев не явились в срок на посадку, хотя билеты на соответствующие международные рейсы были куплены ими заранее. Они нашли летчика, доставлявшего туристов в буш, спросили, почему он не заявил об их пропаже. Он сказал, что ему позвонили и сообщили о возвращении в Маун на машине. Лишь несколько дней спустя ботсванская полиция поняла, что Милли Джекобсон говорит правду.

– Но у вас, похоже, есть сомнения.

– Потому что, когда я встретился с ней, она показалась мне слегка… как бы сказать… обеспокоенной.

– Чем же?

– Она скрытная. Не очень общительная. Живет в маленьком городке – у ее мужа там ферма – и почти никогда не выезжает оттуда. Отказалась приехать в Кейптаун для беседы. Мне пришлось ехать в Таус-Ривер, чтобы поговорить с ней.

– Мы отправляемся туда завтра. Она согласилась общаться с нами только на таких условиях.

– Поездка вас ждет великолепная. Прекрасные горы, фермы, виноградники. Но придется вам нелегко. Ее муж – здоровенный упрямый африканер, который никого к ней не подпускает. Думаю, таким образом он пытается ее защитить и не скрывает, что не хочет, чтобы полиция расстраивала его супругу. Прежде чем вы сможете поговорить с ней, вам придется иметь дело с ним.

– Я это прекрасно понимаю, – сказал Габриэль. – Любой муж вел бы себя именно так.

– Изолировал бы жену в глухомани?

– Обеспечивал бы безопасность всеми доступными ему способами. При условии, что она не возражает. – Он скосил глаза на Джейн. – Потому что, Господь свидетель, не каждая жена на это согласится.

Хенк рассмеялся:

– У вас двоих явно были бои местного масштаба по этому вопросу.

– Потому что Джейн слишком часто испытывает судьбу, черт возьми.

– Я – коп, – сказала Джейн. – Как я буду обезвреживать плохих ребят, если ты запрешь меня в безопасности? А этот фермер, похоже, именно так и поступил с женой. Упрятал ее где-то в глуши.

– И вам для начала придется иметь дело с ним, – сказал Хенк. – Объяснить, как вам необходима помощь его жены. Убедить, что это ни в коей мере не подвергнет ее опасности, потому что для него главное – ее безопасность.

– И его не волнует, что Джонни Постьюмус, возможно, сейчас убивает других людей?

– Эти жертвы ему неизвестны. Он защищает близкого человека, и вам придется сначала завоевать его доверие.

– Как, по-вашему, Милли будет сотрудничать с нами? – спросил Габриэль.

– Только до определенной степени. И кто может ее в этом обвинить? Вы представьте, чего ей стоило выжить в дельте. Если вам выпадает такое испытание, вы уже никогда не будете прежним.

– Некоторые становятся сильнее, – сказала Джейн.

– А других такие испытания уничтожают. – Хенк покачал головой. – Боюсь, что Милли теперь не больше чем призрак.

26

Несмотря на все пережитое в буше, Милли Джекобсон не вернулась к привычным удобствам Лондона, а обосновалась в небольшом городке в долине Хекс-Ривер в Западно-Капской провинции. Если бы Джейн пришлось провести две такие жуткие недели в дикой Африке, обмазываться речным илом, спасаться от львов и крокодилов, питаться корнями и травой, то она сразу же отправилась бы домой в собственную постель, в знакомые места со всеми городскими удобствами. Но Милли Джекобсон, продавец книг из Лондона, родившаяся и выросшая в городе, отказалась от всего, что знала, и осталась жить в забытом богом городке Таус-Ривер.

Глядя из окна автомобиля, Джейн прекрасно понимала, что могло привлечь Милли. Она видела горы, реки и угодья, раскрашенные яркими цветами лета. Все здесь казалось ей необычным, от перевернутых с ног на голову сезонов до солнца, которое в зените находится на севере. А когда они сделали поворот, у нее внезапно закружилась голова, словно весь мир пришел во вращение.

– Великолепная земля. Посмотришь – и домой не хочется возвращаться, – сказал Габриэль.

– Да, это тебе не Бостон, – пробормотала Джейн.

– И не Лондон. Но я понимаю, почему у нее могло возникнуть желание остаться.

Джейн открыла глаза, прищурилась, глядя на бесконечные ряды виноградных лоз, на фрукты, созревающие на солнце.

– Что ж, ее муж из местных. Иногда из-за любви совершаются безумства.

– Например, собрать вещички и перебраться в Бостон?

Она взглянула на него:

– Ты жалеешь, что уехал из Вашингтона ради меня?

– Дай мне подумать.

– Габриэль!

Он рассмеялся:

– Жалею ли я, что женился и у нас родился самый чудесный в мире ребенок? А ты что думаешь?

– Я думаю, что не многие мужчины пошли бы на такую жертву.

– Не забывай почаще повторять себе это. Никогда не вредно иметь благодарную жену.

Она снова посмотрела на виноградники вдоль дороги:

– Кстати, если уж мы заговорили о благодарности. Мы в долгу перед мамой за то, что она столько времени проводит с дочкой. Как думаешь, не послать ли ей ящик южноафриканского вина? Ты же знаешь, как они с Винсом любят… – Она оборвала фразу на полуслове. В жизни Анжелы больше не было Винса Корсака – теперь там обосновался отец Джейн. Она вздохнула. – Никогда не думала, что скажу это, но мне не хватает Корсака.

– И твоей матери его тоже явно не хватает.

– Я, наверно, плохая дочь, если хочу, чтобы мой отец вернулся к своей шлюшке и оставил нас в покое?

– Ты хорошая дочь. Для своей матери.

– Которая не хочет меня слушать. Она пытается сделать счастливыми всех вокруг, кроме себя самой.

– Это ее выбор, Джейн. Ты должна его уважать, даже если не разделяешь.

Она не понимала и выбора Милли Джекобсон поселиться на краю света, вдали от всех и всего, что она знала. Милли по телефону высказалась вполне определенно: она не прилетит в Бостон помочь следствию. У нее четырехлетняя дочь и муж, которым она нужна, – стандартные и понятные предлоги, к которым прибегает женщина, когда не хочет называть истинную причину. А причина эта в том, что она боится большого мира. Хенк Андриссен назвал Милли призраком и предупредил, что выманить ее из Таус-Ривера не удастся. Да и муж Милли не допустит этого.

Он встретил их на крыльце, когда они с Габриэлем подъехали к дому, и одного взгляда на багровое лицо этого человека было для Джейн достаточно, чтобы понять: легким визит не будет. Кристофер Дебрюйн был дюж и грозен – в точности как и говорил о нем Хенк. Он был на десять лет старше Милли, светлые волосы наполовину поседели, он стоял, сложив на груди руки, – неподвижная стена мышц, сдерживающая чужаков. Когда Джейн и Габриэль вышли из взятой напрокат машины, он не спустился поздороваться, а ждал, когда незваные гости сами приблизятся к нему.

– Мистер Дебрюйн? – сказал Габриэль.

Кивок, ничего более.

– Я специальный агент Габриэль Дин. А это детектив Джейн Риццоли из бостонской полиции.

– И вас двоих отправили в такую даль?

– Расследование выходит за границы не только штата, но и нескольких государств, в нем задействованы разные агентства.

– Вы думаете, что все это ведет к моей жене?

– Мы думаем, у нее есть ключ к этому делу.

– И какое мне до этого дело?

«Двое мужчин, слишком много тестостерона», – подумала Джейн. Она вышла вперед, и Дебрюйн, нахмурившись, посмотрел на нее, словно соображая, как лучше дать от ворот поворот женщине.

– Мы проделали долгий путь, мистер Дебрюйн, – тихо сказала она. – Пожалуйста, позвольте нам побеседовать с Милли.

Он несколько секунд смотрел на нее.

– Она уехала за нашей дочерью.

– А когда вернется?

– Через некоторое время. – Он неохотно открыл дверь. – Вам лучше войти. Все равно сначала я должен сказать пару слов.

Они последовали за ним в дом, и Джейн увидела пол из широких досок, массивные потолочные балки. Этот дом был насквозь пропитан историей, начиная от перил ручной резьбы до старинных голландских изразцов – облицовки печи. Дебрюйн не предложил им ни чая, ни кофе, а сразу же показал на диван. Сам уселся в кресло напротив.

– Милли здесь чувствует себя защищенной, – сказал он. – Нам хорошо живется вместе на этой ферме. У нас есть дочь. Ей всего четыре года. А вы хотите все это изменить.

– Она может решить исход следствия, – сказала Джейн.

– Вы даже не понимаете, чего хотите от нее. После вашего первого звонка она потеряла сон. Просыпается с криками. Она даже из этой долины никуда не хочет выезжать, а вы хотите забрать ее в Бостон.

– Бостонская полиция возьмет ее под охрану, я обещаю. Она будет в полной безопасности.

– В безопасности? Вы хоть представляете себе, как ей трудно чувствовать себя в безопасности даже здесь? – Он пренебрежительно хмыкнул. – Ничего вы не представляете. Вы не знаете, что ей довелось пережить в буше.

– Мы читали ее показания.

– Показания? Вы считаете, что несколько страниц писанины могут передать, что она пережила? Я видел ее, когда она вышла из буша. Я тогда был в охотничьем домике в дельте – приехал туда отдохнуть, наблюдал за слонами. Каждый день нам подавали чай на веранде, и мы оттуда смотрели, как слоны пьют воду в реке. В тот день я увидел, как из буша вышло невиданное существо. Тощее – казалось, это связка прутиков, обмазанных речной грязью. Мы смотрели, не веря своим глазам, а оно пересекло лужок и подошло к ступеням. Мы сидели там с фарфоровыми чашками, с маленькими аккуратными пирожными и сэндвичами. А существо подошло ко мне, смотрит прямо в глаза и говорит: «Вы взаправду? Или я уже на небесах?» Я сказал ей, что если это небеса, то меня отправили не в то место. И вот тогда она упала на колени и принялась плакать. Потому что поняла: кошмар закончился.

Поняла, что в безопасности. – Дебрюйн устремил на Джейн жесткий, пронзительный взгляд. – Я поклялся, что смогу защитить ее. Что бы ни случилось.

– То же самое ей гарантирует и бостонская полиция, сэр, – сказала Джейн. – Если бы мы смогли убедить вас позволить ей…

– Убеждать вам нужно не меня – мою жену. – Он посмотрел в окно на машину, остановившуюся на подъездной дорожке. – Она приехала.

Они молча ждали. В замочной скважине повернулся ключ, потом зазвучали шаги по дому. Наконец в гостиную вбежала маленькая девочка. Как и ее отец, она была светловолосой и крепкой, на щеках играл здоровый румянец ребенка, который проводит жизнь на открытом воздухе. Едва обратив внимание на посторонних, она побежала прямо в объятия отца.

– А вот и моя Вайолет! – сказал Дебрюйн, сажая дочь себе на колени. – Ну, как покаталась?

– Он меня укусил.

– Кто – пони?

– Я дала ему яблоко, а он укусил меня за палец.

– Он наверняка не хотел этого. Я тебе все время говорю: кормить нужно с ладошки.

– Больше не буду давать ему яблоки.

– Преподашь ему хороший урок? – Он поднял голову, улыбаясь, и внезапно замер: увидел в дверях жену.

В отличие от мужа и дочери, волосы Милли были темными, она собрала их сзади в пучок, отчего лицо ее казалось пугающе худым и угловатым: щеки впалые, голубые глаза обведены темными тенями. Она улыбнулась гостям, но дурного предчувствия во взгляде скрыть не смогла.

– Милли, они из Бостона, – сказал Дебрюйн.

Джейн и Габриэль встали, представились. Пожатие руки Милли было как прикосновение к ледышке, так напряжены и холодны были ее пальцы.

– Спасибо, что согласились нас принять, – сказала Джейн, когда они все снова сели.

– Вы бывали в Африке прежде? – спросила Милли.

– Мы оба здесь впервые. Все так красиво. Включая ваш дом.

– Эта ферма принадлежала предкам Криса на протяжении нескольких поколений. Он вам ее покажет попозже. – Милли помолчала, словно ее вымотало даже это малое усилие, необходимое для поддержания ничего не значащего разговора. Ее взгляд упал на пустой кофейный столик, и она нахмурилась. – Крис, ты даже чая гостям не предложил?

Дебрюйн тут же вскочил на ноги.

– Да, извините. Совсем об этом забыл. – Он взял дочку за руку. – Идем, Вайолет, поможешь своему глупому папке.

Милли молча проводила взглядом дочку и мужа. И, только услышав далекий звон крышки чайника и шум воды из крана, она сказала:

– Я не поменяла решения в том, что касается полета в Бостон. Крис, наверно, сказал вам об этом.

– Сказал, и довольно откровенно, – ответила Джейн.

– Боюсь, вы попусту потеряли время, проделав такой путь, чтобы услышать от меня то, что я уже говорила по телефону.

– Нам нужно было увидеть вас.

– Зачем? Убедиться, что я не сумасшедшая? Что все, о чем я говорила полиции шесть лет назад, на самом деле случилось?

Милли посмотрела на Габриэля, потом опять на Джейн. Телефонные переговоры уже позволили установить между двумя женщинами какой-никакой контакт, и потому Габриэль молчал, позволяя Джейн вести разговор.

– Мы не сомневаемся, что все, о чем вы рассказали, – правда.

Милли опустила взгляд на свои руки, сложенные на коленях, и тихо сказала:

– Шесть лет назад полиция мне не поверила. Поначалу не поверила. Я рассказывала им все это, лежа на больничной кровати, и видела сомнение в их глазах. Беспомощная городская девчонка продержалась две недели в буше? Они решили, что я была в каком-то другом охотничьем домике, пошла прогуляться, заблудилась, а потом у меня помутилось сознание. Они сказали, что таблетки, которые я принимала

от малярии, сделали меня психопаткой или умалишенной. Что такое часто случается с туристами. Они сказали, что моя история далека от правды, потому что любой человек в такой ситуации умер бы от голода. Или его разорвали бы львы или гиены. Или растоптали слоны. И откуда я узнала, что смогу выжить, если буду есть тростник, как это делают местные племена? Они не могли поверить, что я выжила только из чистого везения. Но именно это со мной и случилось. Мне повезло, что я решила идти вниз по реке и вышла на туристский лагерь. Повезло, что я не отравилась какими-нибудь дикими ягодами или корой, а ела самый питательный тростник, какой могла найти. Повезло, что после двух недель в буше я вышла оттуда живой. Полиция сказала, что это невозможно. – Она перевела дыхание. – Но я сделала это.

– Я думаю, вы ошибаетесь, Милли, – сказала Джейн. – Дело не в везении, а в вас самой. Мы читали ваш рассказ. Как вы все ночи спали на деревьях. Как шли вдоль реки, не останавливаясь, даже когда уже не было сил. Вы каким-то образом нашли в себе волю выжить, когда почти любой другой сдался бы.

– Нет, – тихо ответила Милли. – Просто буш решил пощадить меня. – Она посмотрела в окно на величественное дерево, которое распростерло свои ветви в широком объятии. – Эта земля – живое, дышащее существо. Она решает, будете вы жить или умрете. По ночам на дереве я слышала, как бьется ее сердце, – так ребенок слышит биение сердца матери. И, просыпаясь утром, я спрашивала себя, позволит ли эта земля прожить мне еще день. Вот почему я вышла оттуда живой. Потому что земля позволила мне это. Она защитила меня. – Милли посмотрела на Джейн. – Защитила от него.

– От Джонни Постьюмуса?

Милли кивнула:

– Когда они наконец стали искать Джонни, было уже слишком поздно. Ему хватило времени, чтобы исчезнуть. Несколько недель спустя его машину нашли в Йоханнесбурге.

– Ту самую машину, которая не заводилась в буше.

– Да. Потом механик объяснил мне, как это можно сделать. Как временно вывести машину из строя, чтобы никто не мог выявить неисправность. Что-то про коробку предохранителей и пластиковые реле.

Джейн посмотрела на Габриэля, и он кивнул.

– Отключить реле стартера или топливного насоса, – сказал он. – Обнаружить это будет нелегко. А восстановить – без проблем.

– Он внушил нам, что мы попали в переделку, – сказала Милли. – Мы оказались в ловушке, и он мог нас убивать одного за другим. Сначала Кларенса. Потом Исао. Следующим должен был стать Эллиот. Первыми он убивал мужчин, оставляя женщин на потом. Мы считали, что отправились на сафари, хотя на самом деле это была охотничья прогулка Джонни. А мы были его добычей. – Милли перевела дыхание, и ее пробрала дрожь. – В ту ночь, когда он убил остальных, я убежала. Я понятия не имела, куда иду. Мы были далеко от всех дорог, далеко от посадочной полосы. Он знал, что у меня нет шансов выжить, а потому собрал палатки и уехал, оставив тела животным. Все остальное он забрал. Наши бумажники, камеры, паспорта. Полиция сказала, он использовал кредитную карточку Ричарда в Мауне – заправлял там автомобиль. А по карточке Эллиота покупал припасы в Габороне. Потом пересек границу с Южной Африкой и здесь исчез. Кто знает, куда он направился. С нашими паспортами и кредитками он мог покрасить волосы и выдать себя за Ричарда. Мог улететь в Лондон и быстро пройти пограничный контроль. – Она обхватила себя руками. – Он мог прийти на порог моего дома.

– В Великобритании не зафиксировано пересечение границы Ричардом Ренуиком.

– А если он убил кого-то еще и использовал их документы? Он мог отправиться куда угодно, выдавать себя за кого угодно.

– Вы уверены, что вашим проводником на самом деле был Джонни Постьюмус?

– В полиции мне показали фотографию с его паспорта, снятую двумя годами ранее. Это он.

– Существует очень мало его подтвержденных фотографий. Вы видели только эту.

– Вы думаете, я ошиблась?

– Знаете, люди на фотографиях, снятых в разное время, могут выглядеть совершенно по-разному.

– Если это был не Джонни, то кто же?

– Самозванец.

Милли уставилась на Габриэля, пораженная этой вероятностью.

Они услышали позвякивание фарфора – Дебрюйн возвращался из кухни с подносом. Приняв к сведению молчание в гостиной, он поставил поднос на кофейный столик и вопросительно посмотрел на жену.

– Мамочка, можно, я налью чай? – спросила Вайолет. – Обещаю не расплескать.

– Нет, дорогая. На этот раз чай я налью сама. Может, ты с папочкой пойдешь посмотреть телевизор? – Она умоляюще взглянула на мужа.

Дебрюйн взял дочку за руку.

– Пойдем проверим, что там передают, – сказал он, уводя ее из гостиной.

Через минуту из соседней комнаты донесся звук неприятно развеселой музыки из телевизора. Хотя поднос с чаем стоял перед ней на столе, Милли не спешила его разливать, она сидела, обхватив себя руками, все еще переваривая известие, вносившее в ее жизнь новую неопределенность.

– Хенк Андриссен из Интерпола сказал нам, что вы еще лежали в больнице, когда полиция показывала вам фотографию. Вы все еще были слабы, восстанавливались. А с того времени, когда вы в последний раз видели убийцу, прошло несколько недель.

– Вы думаете, я ошиблась, – тихо сказала она.

– Свидетели часто ошибаются, – заметил Габриэль. – Они путают детали и забывают лица.

Джейн подумала обо всех свидетелях, которые действовали из лучших побуждений, но называли невиновных преступниками или давали описания, ничуть не соответствовавшие действительности. Человеческий мозг умело восполняет отсутствующие детали и уверенно преобразует их в факты, даже если все это – игра их воображения.

– Вы пытаетесь пробудить во мне сомнения, – сказала Милли. – Но на фотографии, которую мне показывали, был Джонни. Я помню его лицо во всех подробностях. – Она переводила взгляд с Габриэля на Джейн и обратно. – Может быть, теперь он носит другое имя. Но где бы он ни находился, как бы ни называл себя, я знаю: он меня тоже не забыл.

Они услышали громкий смех Вайолет под все еще звучащую из телевизора веселую музыку. Но в этой комнате так прочно обосновался холод, что его не могли прогнать даже лучи солнца, проникающие через окно.

– Вот почему вы не вернулись в Лондон, – сказала Джейн.

– Джонни знал мой адрес, место работы. Он знал, как меня найти. Я не могла вернуться. – Милли посмотрела туда, откуда доносился смех дочери. – И потом, появился Кристофер.

– Он рассказал, как вы познакомились.

– После того как я вышла из буша, именно он оставался со мной. День за днем он сидел рядом с моей кроватью в больнице. Благодаря ему я чувствовала себя защищенной. Только благодаря ему. – Она посмотрела на Джейн. – Зачем мне было возвращаться в Лондон?

– Ведь у вас там живет сестра.

– Но мой дом теперь здесь. Я здесь своя. – Она посмотрела на дерево с его обнимающими ветвями. – Африка изменила меня. Там, в буше, я потеряла себя прежнюю. Буш затачивает тебя, как на оселке, снимает все лишнее. Он вынуждает тебя заглянуть в лицо самому себе. Попав в буш, я была глупой девчонкой. Меня волновали туфельки, сумочки и кремы для лица. Я потеряла несколько лет, надеясь, что Ричард женится на мне. Я думала, что для счастья мне не хватает только обручального кольца. Но потом, когда я поняла, что близка к смерти, я обрела себя. Настоящую себя. Я оставила прежнюю Милли там и не тоскую по ней. Моя настоящая жизнь здесь, в Таус-Ривере.

– Где вас все еще мучают кошмары.

Милли моргнула:

– Крис сказал вам?

– Он сказал, что вы кричите во сне и просыпаетесь.

– После вашего звонка. Из-за него все вернулось – вы это вернули.

– А значит, оно все еще здесь, Милли. На самом деле оно все еще с вами.

– Я прекрасно жила.

– Так ли? – Джейн оглядела комнату, аккуратно расставленные книги на полках, вазу с цветами, стоящую точно посредине каминной полки. – Или здесь вы просто прячетесь от мира?

– А вы бы не прятались после того, что случилось?

– Я бы хотела снова почувствовать себя в безопасности. И для этого есть один способ: найти убийцу и упрятать его за решетку.

– Это ваша работа, детектив. Не моя. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам. Я просмотрю все фотографии, которые вы привезли. Отвечу на все вопросы. Но я не полечу в Бостон. Не оставлю мой дом.

– И мы никак не сможем вас переубедить?

Милли взглянула ей прямо в глаза:

– Никак.

27

Сегодня они остаются в нашей гостевой спальне. Если есть что-то, благодаря чему я могу чувствовать себя в безопасности, так это пребывание женщины-полицейского и американского специального агента под моей крышей. Но я все равно не могу уснуть. Крис лежит рядом, глубоко дышит, теплое тело в темноте, рядом с которым спокойно. Какая это роскошь – спать вот так крепко по ночам и просыпаться утром свежим, без опутавшей тебя паутины страшных снов.

Я вылезаю из кровати, но он даже не замечает этого. Надеваю халат и выскальзываю из комнаты.

Я иду по коридору, минуя гостевую спальню, где остановились детектив Риццоли с мужем. Странно: я сообразила, что они муж и жена, только проведя с ними целый день. Они показывали мне одну за другой фотографии подозреваемых на ноутбуке. Столько лиц, столько людей. Ко времени обеда все снимки смешались в моей голове. Я протерла уставшие глаза, а когда вновь открыла их, увидела руку агента Дина на плече детектива Риццоли. Это было отнюдь не платоническое прикосновение, а ласка человека, которому важна именно эта женщина. Тогда-то отдельные детали и слились в единое целое. Одинаковые обручальные кольца. То, как они заканчивали друг за друга предложения. Тот факт, что ему не нужно было ни о чем ее спрашивать: он просто положил ложку сахара в кофе и размешал, прежде чем передать ей.

Внешне отношения между ними были строго деловые, в особенности со стороны замкнутого и холодного Габриэля Дина. Но за обедом, после нескольких бокалов вина, они стали рассказывать об их браке, их дочери и совместной жизни в Бостоне. Сложной, как мне представляется, жизни, потому что работа у них нелегкая. И вот теперь эта работа

заставила их лететь в такую даль – в отдаленный уголок Западно-Капской провинции.

Я на цыпочках прохожу мимо их спальни в кухню и щедро наливаю себе виски. Достаточно, чтобы меня стало клонить в сон, но не настолько много, чтобы захмелеть. По опыту знаю: немного виски помогает мне уснуть, а перебор ведет к нескольким часам кошмаров. Я сажусь на стул за кухонным столом и медленно потягиваю виски, а на стене громко тикают часы. Если бы Крис не спал, мы выпили бы вместе в саду и посидели бы в свете луны, наслаждаясь запахом распускающегося в ночи жасмина. Одна я никогда не выхожу из дома в темноте. Крис говорит, что я самая смелая из всех известных ему женщин, но выжить в Ботсване мне помогла вовсе не храбрость. Даже самое низкоорганизованное животное не хочет умирать и будет бороться за жизнь. В этом смысле я ничуть не отважнее кролика или воробья.

Я слышу за спиной какой-то звук и замираю, выпрямившись на стуле. Поворачиваю голову и вижу детектива Риццоли, она босая входит в кухню. Ее непричесанные волосы похожи на корону из черных колючек, на ней большая, не по размеру, футболка и мужские удлиненные шорты.

– Извините, если напугала вас, – говорит она. – Вышла попить водички.

– Могу предложить что-нибудь покрепче, если хотите.

Она смотрит на мой стакан с виски:

– Что ж, за компанию с удовольствием.

Она наливает себе виски в стакан, добавляет столько же воды и садится на стул напротив меня.

– И часто вы это делаете?

– Что?

– Выпиваете в одиночестве.

– Это помогает мне уснуть.

– У вас с этим трудности?

– Вы же знаете. – Делаю еще глоток, но это не помогает мне расслабиться, потому что она смотрит на меня темными вопрошающими глазами. – А вы почему не спите?

– Разница во времени. В Бостоне сейчас шесть вечера, и мой организм никак не хочет обманываться. – Она отхлебывает виски и ничуть не морщится, чувствуя его вкус. – Спасибо еще раз, что предложили здесь переночевать.

– Ну не могли же мы позволить, чтобы вы ехали в Кейптаун ночью. После всех часов, что провели со мной. Я надеюсь, вам не нужно сразу же возвращаться в Штаты. Будет жаль, если вы не посмотрите страну.

– У нас будет еще завтрашний вечер в Кейптауне.

– Всего один?

– Я с трудом уговорила босса одобрить эту поездку. У нас теперь первый пункт повестки дня – урезание расходов. Упаси нас боже повеселиться за их счет.

Я гляжу на свой виски, сверкающий, как жидкий янтарь.

– Вам действительно нравится ваша работа?

– Я всегда хотела этим заниматься.

– Ловить убийц? – Я трясу головой. – Мне бы, наверное, это было не по силам. Видеть то, что видите вы. Каждый день сталкиваться с мерзостями, на какие способны люди.

– Ну, вы ведь все это видели своими глазами.

– И больше никогда не хочу видеть.

Я опрокидываю остатки виски себе в рот и проглатываю в один прием. Вдруг выясняется, что этого недостаточно, даже чтобы успокоить нервы. Я встаю и наливаю себе еще.

– У меня тоже были кошмары, – говорит детектив Риццоли.

– Неудивительно – при вашей-то работе.

– Я их преодолела. И вы тоже можете.

– Как?

– Так же, как и я. Нужно убить монстра. Усадить его туда, откуда он не сможет достать ни вас и никого другого.

Я вставляю пробку в бутылку и смеюсь:

– Я похожа на женщину, работающую в полиции?

– Вы похожи на женщину, которой страшно ложиться спать.

Я ставлю бутылку на стол и поворачиваюсь к Риццоли:

– Вы не пережили того, что пережила я. Вы, может, и охотитесь за убийцами, но они не охотятся за вами.

– Вы ошибаетесь, Милли, – спокойно говорит она. – Я точно знаю, что вы чувствуете, потому что за мной тоже охотились. – Она устремляет на меня пронзительный взгляд, и я оседаю на стуле.

– И что случилось? – спрашиваю я.

– Это было несколько лет назад, приблизительно в то же время, когда я познакомилась с мужем. Я искала убийцу нескольких женщин. Учитывая, что он делал с этими несчастными, я сомневаюсь, что его можно назвать человеком, – вероятно, он принадлежит к какому-то другому виду. Существо, которое наслаждается болью и страхом других, которому в радость их ужас. Чем сильнее вы боитесь, тем больше он вас желает. – Она подносит стакан к губам, делает большой глоток. – И он знал, что мне страшно.

Я удивлена, что она признается в таком, эта женщина, излучающая бесстрашие. За обедом она рассказывала, как вышибла первую дверь, как преследовала убийц по крышам домов, в темных проулках. А теперь, когда она сидит передо мной в футболке и шортах, с растрепанными черными волосами, она выглядит как любая другая женщина. Маленькая, уязвимая. Слабая.

– И он охотился за вами? – спрашиваю я.

– Да. Вот повезло в жизни.

– А почему за вами?

– Потому что ему уже удалось до этого поймать меня. Я оказалась там, где ему было нужно. – Она поднимает руки и показывает мне шрамы на ладонях. – Это его работа. Он сделал это скальпелями.

Еще днем я заметила эти шрамы в необычном месте, похожие на залеченные раны после распятия. Я смотрю на них в ужасе, потому что теперь знаю, как эти раны появились.

– Даже когда его уже посадили в тюрьму и я знала, что больше он не может причинить мне зло, у меня случались кошмары – мне снилось то,

что он почти что сделал со мной. Да и как я могла забыть, когда у меня на руках навечно остались эти напоминания о нем? Но дурные сны стали постепенно уходить. Год спустя он мне почти не снился, и на этом все должно было закончиться. Могло закончиться.

– Почему же не закончилось?

– Потому что он бежал. – Она смотрит на меня, и я вижу свой собственный взгляд, отраженный в ее глазах. Я вижу перед собой женщину, которая понимает, что такое жить в перекрестье прицела направленного на тебя оружия, не зная, когда убийца нажмет на спусковой крючок. – Вот тут-то кошмары снова начали меня мучить.

Я встаю и снова беру бутылку виски. Несу ее на стол, ставлю между нами.

– Чтобы не было кошмаров, – говорю я.

– Их не прогнать алкоголем, Милли. Сколько бутылок ни выпей, они останутся.

– И что вы мне предлагаете?

– То же, что сделала я. Загнать в угол монстра, который преследовал вас в ваших снах. Разрезать на куски и похоронить. Тогда и только тогда вы сможете спать спокойно.

– А вы спите спокойно?

– Да. Но лишь потому, что я решила не убегать и не прятаться. Я знала, что, пока он на свободе и описывает круги вокруг меня, никогда мне не спать спокойно. И потому охотником стала я. Габриэль знал, что я рискую, и пытался отстранить меня от дела. Но я должна была участвовать в охоте. Для моего собственного психического здоровья нужно было дать отпор, а не прятаться за семью замками в ожидании нападения.

– Муж вас не остановил?

– Мы тогда не были женаты, так что остановить меня он не мог. – Она смеется. – Да и сейчас не может. Хотя изо всех сил старается меня приструнить.

Я думаю о Крисе, мирно похрапывающем на нашей кровати. О том, как он спеленал меня и принес на эту ферму, чтобы я чувствовала себя в безопасности.

– Именно это пытается делать и мой муж.

– Держать за семью замками?

– Защитить меня.

– Но вы все равно не чувствуете себя в безопасности. Даже шесть лет спустя.

– Здесь чувствую. По крайней мере, чувствовала. Пока вы не вернули это в мою жизнь.

– Я просто делаю свою работу, Милли. Не вините меня. Не я внедрила кошмары в вашу голову. Не я сделала вас пленницей.

– Я не пленница.

– Правда?

Мы смотрим друг на друга через стол. У нее темные светящиеся глаза. Эти опасные глаза сквозь черепную коробку видят, что происходит в извилинах моего мозга, где я прячу свои тайные страхи. Я и в самом деле пленница. Я не просто избегаю мира, я прячусь от него.

– Вы не должны так жить, – говорит она.

Я отвечаю не сразу. Вместо этого я смотрю в свой стакан, который держу обеими руками. Хочу сделать еще глоток, но знаю, что это прогонит страхи всего на несколько часов. Действие алкоголя, как и анестезия, ограничено во времени.

– Расскажите мне, как вы это сделали, – говорю я. – Как дали отпор.

Она пожимает плечами:

– В конечном счете у меня не осталось выбора.

– И вы предпочли сопротивление.

– Нет, я хочу сказать, что у меня и в самом деле не было выбора. Понимаете, после того как он убежал из тюрьмы, я знала, что должна поймать его. Габриэль, мои коллеги из полиции – все они пытались отстранить меня от дела, но это было невозможно. Я знала убийцу лучше, чем кто-либо другой. Я заглядывала в его глаза и видела там зверя. Я понимала его – знала, что приводит его в экстаз, чего он жаждет, как выслеживает жертву. Для того чтобы снова спокойно спать, я должна была поймать его. Беда была только в том, что и он пытался меня поймать. Мы сошлись, как два врага в смертельной схватке, и один из нас должен был умереть.

– И что случилось?

– Я попалась, когда меньше всего ожидала. Оказалась в таком месте, где меня никто не мог найти. Но хуже всего, что он был не один. С другом.

Она говорит очень тихо, и мне приходится податься вперед, чтобы услышать ее. Снаружи в ночном саду верещат насекомые, но в моей кухне тихо, очень тихо. Я думаю обо всех страхах, усилившихся в два раза. Два Джонни преследуют меня. Я не понимаю, как эта женщина может сидеть здесь так спокойно и рассказывать свою историю.

– Я оказалась там, где им было нужно, – говорит она. – И никто не мог прийти мне на помощь, не было никого, кто мог бы меня спасти. Я одна против них. – Она перевела дыхание и расправила плечи. – И я победила, Милли. Вы тоже сможете. Сможете убить этого монстра.

– Вы его убили?

– Лучше бы убила. Пуля повредила его спинной мозг, и теперь он там, откуда бежать не сможет, – в ловушке собственного тела. Парализовано все, что ниже шеи. А его друг гниет в могиле. – Ее улыбка странным образом не сочетается с тем, что она говорит, но если ты побеждаешь монстров, то заслуживаешь право насмехаться над ними. – И в ту ночь я спала лучше, чем целый год перед этим.

Я сутулюсь над столом и ничего не говорю. Конечно, я понимаю, зачем она рассказала свою историю, но на меня это не действует. Нельзя вынудить человека быть смелым, если в нем это не заложено. Мне удалось выжить только потому, что было слишком страшно умирать, а это на самом деле доказывает, что я трусиха. Просто женщина, которая шла и шла мимо слонов и крокодилов, женщина, которую Господь не обделил парой крепких ног и удачей.

Она зевает и встает:

– Пожалуй, пойду попробую уснуть. Надеюсь, мы еще сможем поговорить об этом завтра.

– Я все равно не передумаю. В Бостон не полечу.

– Несмотря на то, что это может изменить вашу жизнь? Вы знаете убийцу лучше, чем кто бы то ни было.

– А он знает меня. Я та, которой удалось бежать, а он – тот, кто ищет меня. Я его единорог, существо, которое нужно извести до полного исчезновения.

– Мы обеспечим вашу безопасность, обещаю.

– Шесть лет назад в буше я узнала, что такое смерть. – Я отрицательно качаю головой. – Не просите меня умирать еще раз.

Несмотря на весь выпитый виски, а может, именно из-за него мне снова снится Джонни.

Он стоит передо мной, тянется ко мне обеими руками, просит бежать к нему. Вокруг нас львы, они все ближе, готовятся к прыжку, и надо сделать выбор. Мне очень хочется верить Джонни так, как я верила ему прежде! Я никогда по-настоящему не думала, что он убийца, и вот он стоит передо мной, широкоплечий, золотоволосый. «Иди ко мне, Милли. Со мной тебе ничего не грозит». Я радостно бегу к нему, жажду его прикосновения. Но как только попадаю в желанные объятия, его рот оказывается пастью, которая широко открывается, обнажая окровавленные зубы, готовые вонзиться в меня.

Я с криком бросаюсь прочь.

Я сажусь на край кровати, сжимаю руками голову. Крис гладит меня по спине, пытается успокоить. Пот льет с меня, охлаждая кожу, но сердце продолжает колотиться как бешеное. Крис бормочет:

– Все в порядке, Милли, ты в безопасности.

Но я знаю, что это не так. Я – треснувшая фарфоровая игрушка, которая может рассыпаться на кусочки от малейшего щелчка. Хотя прошло шесть лет, я не исцелилась. И не исцелюсь, пока Джонни не окажется в тюрьме… или в могиле.

Я поднимаю голову и смотрю на Криса:

– Я больше так не могу. Мы не можем.

Он глубоко вздыхает:

– Я знаю.

– Я не хочу, но должна сделать это.

– Тогда мы все полетим в Бостон. Ты будешь не одна.

– Нет-нет! Я не хочу, чтобы Вайолет оказалась где-то поблизости от него. Я хочу, чтобы она осталась здесь, в безопасности. И ты единственный, кто сможет позаботиться о ней.

– Но кто позаботится о тебе?

– Они. Ты слышал: они не допустят, чтобы со мной что-то произошло.

– И ты им доверяешь?

– Почему бы нет?

– Потому что для них ты – всего лишь инструмент, средство достижения цели. Ты им безразлична. Они просто хотят поймать его.

– И я тоже этого хочу. Я помогу им сделать это.

– Позволив ему взять твой след? Что, если они не смогут его поймать? Что, если он спутает карты и прилетит за тобой сюда?

Я не думала о такой возможности. Я думаю только о том кошмаре, который заставил меня проснуться. Джонни зовет, обещает безопасность, а потом разевает клыкастую пасть. Мое подсознание предупреждает меня: не лезь в это дело. Но если я останусь в стороне, ничто не изменится, раны не заживут. Я навсегда останусь треснувшей фарфоровой игрушкой.

– У меня нет выбора, – говорю я. – Следует довериться им.

– Ты можешь ведь остаться дома.

Я беру его за руку. Это рука фермера, большая и мозолистая, в ней хватает силы пригнуть овцу к земле, в ней хватает нежности расчесать волосы маленькой девочке.

– Я должна покончить с этим, дорогой. Я лечу в Бостон.

Кристофер вручает детективу Риццоли и агенту Дину составленный им список требований, и глаза его при этом горят.

– Вы должны каждый день отзваниваться мне, чтобы я знал, что с ней все в порядке, – приказывает он им. – Хочу знать, что она здорова и в безопасности. Хочу знать, если она тоскует по дому. Хочу знать, если она чихает.

– Прошу тебя, Крис. – Я вздыхаю. – Я же не на Луну лечу.

– Может, на Луне безопаснее.

– Даю слово, мистер Дебрюйн, она будет под нашим присмотром, – говорит детектив Риццоли. – Мы не просим ее ходить по городу с пистолетом. Она просто будет консультировать команду детективов и нашего криминалиста-психолога. Через неделю, максимум через две она вернется.

– Не хочу, чтобы она сидела одна в номере какого-нибудь отеля. Хочу, чтобы она была с кем-нибудь. В семье, где не будет чувствовать себя брошенной.

Детектив Риццоли переглядывается с мужем.

– Мы что-нибудь придумаем.

– Где?

– Сначала мне нужно созвониться. Выяснить, смогут ли ее там принять.

– Чей это дом?

– Дом человека, которому я доверяю. Подруги.

– Хочу, чтобы вы подтвердили мне это, прежде чем Милли сядет в самолет.

– Мы согласуем все детали, прежде чем покинем Кейптаун.

Крис несколько секунд разглядывает их лица, ищет причины, по которым им можно было бы отказать в доверии. У моего мужа это с детства – он не доверяет людям. Он рос с отцом, на которого нельзя было положиться, а мать бросила его семилетним. Он всегда боится потерять людей, которых любит. И теперь боится потерять меня.

– Все будет хорошо, дорогой, – говорю я убежденно, хотя не так уж уверена в этом. – Они прекрасно знают, что делают.

28

Бостон

Маура поставила вазу с желтыми розами на прикроватную тумбочку и в последний раз оглядела гостевую спальню. Белое пуховое одеяло только что выстирано, турецкий коврик вычищен, в ванной свежие махровые

полотенца. В последний раз в этой комнате спали в августе, когда к ней приезжал на каникулы семнадцатилетний Джулиан Перкинс. После его отъезда она почти не входила сюда. Теперь она изучала спальню критически, дабы удостовериться, что все готово к приему гостьи. Из окна открывался вид на задний садик, но в этот ноябрьский день «украшали» его лишь голые многолетники и пожухлая трава. Ну что ж, кой-какие яркие краски привносили висевшая над кроватью картина с изображением роскошных розовых пионов и ваза с желтыми розами. Бодрое приветствие для гостьи, приехавшей по не самым радостным делам.

Джейн прислала письмо по электронной почте, объясняя ситуацию, и Маура прочла дело Милли, так что знала, к чему нужно готовиться. Но когда раздался звонок в дверь и Маура впервые увидела Милли, ее поразил измученный вид этой женщины. Перелет из Кейптауна был долгим, и Джейн тоже имела далеко не лучший вид, но Милли казалась хрупкой, как скорлупка, глаза у нее запали, тело почти терялось в большом, не по размеру, свитере.

– Добро пожаловать в Бостон, – сказала Маура, когда они вошли в дом, причем Джейн несла чемодан Милли. – Извините за погоду.

Милли выдавила слабую улыбку:

– Даже не предполагала, что будет так холодно. – В громадном свитере она выглядела потерянной. – Вот, купила в аэропорту. Пожалуй, в него может влезть еще один человек.

– Вы, наверное, устали. Чашечку чая?

– Это будет кстати, но сначала мне нужно в ванную.

– Ваша комната дальше по коридору, дверь справа, там отдельная ванная. Пожалуйста, не торопитесь, устраивайтесь, как вам удобно. Чай может подождать.

– Спасибо. – Милли взяла свой чемодан. – Мне понадобится несколько минут.

Маура и Джейн дождались, когда закроется дверь гостевой спальни, и тогда Джейн спросила:

– Ты уверена, что тебя это не затруднит? Я пыталась придумать что-нибудь другое, но наш дом слишком мал.

– Все в порядке, Джейн. Ты же сказала, что это всего на неделю и что ты не можешь засунуть бедную женщину в отель.

– Спасибо тебе. Единственным оставшимся вариантом была моя мать, но там теперь настоящий бедлам, отец ее с ума сводит.

– Как она себя чувствует?

– Если не говорить о ее психотической депрессии? – Джейн покачала головой. – Жду не дождусь, когда она наберется мужества и выкинет его из дома. Беда в том, что она изо всех сил старается сделать всех счастливыми, а о себе забывает. – Джейн вздохнула. – Моя мать – святая.

«Вот уж чего никогда нельзя будет сказать про мою мать», – подумала Маура. Она вспомнила последнее посещение Амальтеи в тюрьме. Бездушные глаза, расчетливый взгляд. Даже опухоль, видимо, развивалась в Амальтее – зло внутри зла – как ядовитая матрешка. Теперь, когда ее пожирал рак, не стала ли она раскаиваться? Возможно ли искупление для такого существа? Через несколько месяцев, максимум через шесть, эти глаза закроются навсегда. «И я буду до конца дней мучить себя этими вопросами».

Джейн взглянула на часы:

– Мне пора. Скажи Милли, что я заеду за ней завтра около десяти утра, будет встреча с командой. Я просила бруклинскую полицию почаще присылать сюда патрульную машину, приглядывать за домом.

– Какая в этом необходимость? Никто не знает, что она здесь.

– Это для того, чтобы она чувствовала себя в безопасности. Ты не представляешь, как трудно было вытащить ее сюда. Ей кажется, мы привезли ее прямо в логово зверя.

– Может, так и есть.

– Но она нам нужна. Мы должны обеспечить ей комфорт, чтобы она не улетела домой.

– Я не против гостей в доме, – сказала Маура. Она посмотрела на кота, который выбрал этот момент, чтобы запрыгнуть на телефонный столик. – Хотя вот от этого я бы с удовольствием избавилась. – Она взяла кота и опустила на пол.

– Между вами все никак не устанавливается связь?

– Ну, он-то связь установил. С моим консервным ножом. – Маура с отвращением отряхнула руки от кошачьей шерсти. – Так что ты о ней думаешь?

– Она боится, и я не могу ее за это корить. Она единственная из той экспедиции выжила, единственная может опознать его в суде. Шесть лет прошло, а он все еще является ей в страшных снах.

– Понять ее нетрудно. Мы с тобой побывали в ее шкуре.

Уточнять не было нужды – обе знали, что значит быть преследуемой, лежать без сна в постели, прислушиваясь, не задребезжало ли окно, не щелкнул ли дверной замок. Они принадлежали к несчастливому сообществу женщин, которым довелось столкнуться с убийцей.

– Завтра ей будут задавать вопросы, много вопросов, которые разбудят болезненные воспоминания, – сказала Джейн. – Сделай все, чтобы она хорошо выспалась.

Когда детектив Риццоли вышла на крыльцо, зазвонил ее сотовый, и она остановилась, чтобы ответить.

– Привет, Там, мы только что вернулись. Я еду, чтобы вы ввели меня в курс дел… – Она замерла. – Что? Ты уверен?

Она отключилась и уставилась на телефон так, будто он предал ее.

– Что случилось? – спросила Маура.

Джейн повернулась к ней:

– У нас проблема. Ты помнишь тот скелет неизвестной?

– Кости с заднего двора?

– Ты убедила меня, что ее убил человек-леопард.

– Я все еще верю в это. Отметины когтей на черепе. Признаки эвисцерации. Нейлоновая веревка. Все соответствует гипотезе.

– Проблема в том, что скелет идентифицирован, получено подтверждение по ДНК. Ее зовут Натали Тумз, двадцати лет. Она училась в колледже Карри. Белая, рост пять футов три дюйма.

– Все это соответствует останкам, которые я исследовала. В чем проблема?

– Натали исчезла четырнадцать лет назад.

Маура уставилась на нее:

– Четырнадцать? Нам известно, где тогда находился Джонни Постьюмус?

– Работал в охотничьем домике в Южной Африке. – Джейн покачала головой. – Он никак не мог убить Натали.

– Это камня на камне не оставляет от твоей теории всемогущего человека-леопарда, Риццоли, – сказал Даррен Кроу. – Четырнадцать лет назад, когда в Бостоне исчезла Натали Тумз, этот парень работал в заповеднике Саби-Сэндс, в Южной Африке. Все это задокументировано в отчете Интерпола. Сведения от работодателя, журнал явки на работу, справки о начислении жалованья. Он явно не убивал Натали. А это означает, что вы впустую притащили свидетельницу из ЮАР.

Джейн все еще не пришла в себя после смены часового пояса и теперь пыталась сосредоточиться на своем ноутбуке. Проснувшись с туманом в голове, они выпила две чашки кофе, чтобы привести себя в чувство перед началом совещания, но новых фактов было слишком много, и она не успела их обдумать. Джейн листала страницы, подтверждающие то, что сообщил ей вчера по телефону Там, и ощущала на себе взгляды трех других детективов. Натали Тумз, прежде числившаяся в деле как неизвестная, была двадцатилетней студенткой колледжа Карри (находившегося всего в двух милях от того места, где были найдены ее останки), специализировалась в английском языке. Натали жила с двумя другими студентками, снимала квартиру за пределами кампуса. Подружки отзывались о ней как об отзывчивой, спортивной девушке, любительнице природы. В последний раз ее видели в субботу, во второй половине дня, ее рюкзак был полон книг, она направлялась позаниматься вместе с приятелем по имени Тед. Никто из ее подружек этого Теда не видел.

На следующий день подружки заявили о пропаже девушки.

На протяжении четырнадцати лет дело лежало без движения в базе данных пропавших людей вместе с тысячами других подобных дел. Ее мать, которая после исчезновения дочери умерла, дала ФБР образец своей ДНК на случай, если тело Натали будет найдено. По этой ДНК и были идентифицированы останки, обнаруженные во время строительства бассейна на заднем дворе.

Джейн посмотрела на Фроста, и тот, словно извиняясь, покачал головой.

– С фактами спорить трудно, – сказал он не без боли в голосе.

Признавать правоту Кроу всегда было нелегко.

– Вы потратили изрядный кусок бюджета бостонской полиции, доставив сюда эту свидетельницу из Южной Африки, – сказал Кроу. – Хорошая работа, Риццоли.

– Но мы имеем физическое свидетельство, которое связывает по крайней мере одно убийство с Ботсваной, – заметила она. – Эта зажигалка. Мы знаем, что она принадлежала Ричарду Ренуику. Как она попала из Африки в Мэн, если ее не привез убийца?

– Кто знает, сколько раз она меняла хозяев за последние шесть лет? Зажигалку мог привезти сюда какой-нибудь ни о чем не подозревающий турист, который подобрал ее бог знает где. Как ни посмотри, совершенно ясно, что Натали Тумз убита не Джонни Постьюмусом. Ее смерть почти на десять лет предшествует всем остальным делам. Я считаю, на этом наше совместное расследование закончилось. Ты продолжай искать человека-леопарда, Риццоли, а мы будем искать нашего преступника. Потому что я не думаю, что между этими делами имеется какая-то связь. – Он обратился к своему напарнику: – Идем, Там.

– Милли Дебрюйн проделала долгий путь из Кейптауна, – сказала Джейн. – Она сейчас ждет с доктором Цукером. Хотя бы выслушайте ее.

– Зачем?

– Что, если есть только один убийца? Что, если он перемещается из штата в штат, из страны в страну под разными именами?

– Постойте. Это что, новая гипотеза? – Кроу рассмеялся. – Самозванец, который убивает под именами других людей?

– Хенк Андриссен, наш контакт в Интерполе, первым высказал это предположение. Хенка насторожил тот факт, что у Джонни Постьюмуса не было криминального прошлого. У него безупречная репутация организатора сафари, его уважали коллеги. Что, если семерых туристов в буш повез вовсе не он? Никто из туристов не видел его прежде. Следопыт-африканец работал с ним в первый раз. Кто-то другой мог выдать себя за Джонни.

– Самозванец? Где же тогда настоящий Джонни?

– Вероятно, мертв.

За столом воцарилось молчание – коллеги Джейн втроем осознавали эту новую возможность.

– Я бы сказал, это возвращает вас к самому началу, – подвел итог Кроу. – К поискам убийцы без имени, без лица. Желаю удачи.

– Может быть, имени у нас и нет, но лицо есть, – сказала Джейн. – И у нас есть человек, который видел это лицо.

– Ваш свидетель опознал Джонни Постьюмуса.

– На основании фотографии для паспорта. Мы все знаем, что фотографии могут лгать.

– Как и свидетели.

– Милли не лжец, – парировала Джейн. – Она пережила настоящий ад и даже не хотела лететь сюда. Но вот теперь она сидит с доктором Цукером. Минимум, что вы можете сделать, – это выслушать ее.

– Хорошо. – Кроу вздохнул, снова садясь на место. – Я пока останусь. Выслушать ее делу не повредит.

Джейн подошла к интеркому:

– Доктор Цукер, вы можете привести Милли?

Минуту спустя вошла Милли в сопровождении доктора Цукера. На ней был шерстяной костюм – юбка и жакет, белая рубашка, но все на размер больше, словно она похудела за последнее время. Она была похожа на девочку, нарядившуюся в одежды матери. Она робко села на стул, выдвинутый для нее доктором Цукером, но взгляд устремила в стол, как будто опасаясь посмотреть на детективов, которые разглядывали ее.

– Это мои коллеги, – сказала Джейн. – Детективы Кроу, Там и Фрост. Они читали дело и знают, что произошло в дельте Окаванго. Но они хотели бы знать больше.

Милли нахмурилась:

– Больше?

– О Джонни. О человеке, которого вы знали как Джонни.

– Расскажите им то, что сейчас рассказывали о Джонни мне, – предложил доктор Цукер. – Помните, я сказал, что у каждого убийцы свои привычки, характерные особенности? Детективы хотят знать, что делает Джонни непохожим на других. Как он работает, как думает. В том, что вы расскажете, может обнаружиться маленькая деталь, которая и нужна, чтобы его поймать.

Милли на несколько секунд задумалась.

– Мы доверяли ему, – тихо сказала она. – Все сводилось к этому. Мы… Я верила, что он позаботится о нас. В дельте столько возможностей умереть. Каждый раз, выходя из джипа или палатки, ты оказываешься в опасности. В таком месте ты должен доверять проводнику. Человеку опытному, вооруженному. У нас были все основания ему доверять. Ричард, прежде чем подписаться на это путешествие, провел кое-какие изыскания. Он говорил, что у Джонни восемнадцатилетний опыт, что есть отзывы других путешественников. Людей со всего мира.

– И эту информацию он почерпнул из Интернета? – спросил Кроу, выгнув брови.

– Да, – зарумянившись, ответила Милли. – Но все вроде бы шло абсолютно нормально, когда мы прибыли на место. Он встретил нас на посадочной полосе. Палатки были простые, но удобные. А дельта была прекрасной. По-настоящему дикие места, даже не верилось, что такие еще существуют. – Милли помедлила, устремив взгляд вдаль и погрузившись в воспоминания об этом месте. Она перевела дыхание. – Первые две ночи прошли, как и было обещано. Лагерные стоянки, еда, фотоохота из машины. Но потом… все изменилось.

– После убийства следопыта, – уточнила Джейн.

Милли кивнула:

– На рассвете мы нашли тело Кларенса. Вернее… его части. Его разорвали гиены, и от него почти ничего не осталось. Мы понятия не имели, что произошло. К тому времени мы достаточно далеко заехали в буш, никакой связи не было. Рация не действовала. Как и машина. – Она проглотила слюну. – Мы оказались в трудной ситуации.

В комнате воцарилась тишина. Даже Кроу воздержался от своих обычных саркастических замечаний. Возрастающий ужас рассказа Милли захватил их всех.

– Я хотела верить, что это просто несколько не связанных между собой событий. Смерть Кларенса. Поломка машины. Ричард продолжал считать, что это замечательное приключение и он сможет включить его в очередную книгу. Его герой Джекман Трипп заблудился в буше, но выжил, невзирая на все трудности. Мы знали, что нас в конечном счете спасут. На наши поиски отправят самолет. И поэтому мы решили воспользоваться шансом и получить от буша удовольствие. – Она проглотила слюну. – Потом был убит мистер Мацунага, и приключение кончилось. Начался кошмар.

– Вы подозревали, что за этим стоял Джонни? – спросил Фрост.

– Тогда нет. По крайней мере, я не подозревала. Тело Исао было найдено на дереве – это типично для жертвы леопарда. Смерть Исао казалась мне еще одним несчастным случаем, еще одним неудачным поворотом судьбы. Но остальные начали шептаться по поводу Джонни. Начали задумываться, не стоит ли за всем этим он сам. Он обещал нам безопасность, а уже погибли два человека. – Милли уперлась взглядом в стол. – Надо было прислушаться к ним. Помочь им свалить Джонни, но я не могла в это поверить. Отказывалась верить, потому что… – Она замолчала.

– Почему? – мягко спросил доктор Цукер.

Милли сморгнула слезы.

– Потому что я немного влюбилась в него, – прошептала она.

Влюбилась в человека, который пытался ее убить. Джейн оглядела коллег за столом – на их лицах застыло удивление, но сама она не видела ничего шокирующего в признании Милли. Сколько женщин было убито мужьями и любовниками, мужчинами, которыми жертвы восторгались? Влюбленная женщина – плохой судья для объекта обожания. Неудивительно, что кошмары Милли были такими сильными, – ее предал не только Джонни, но и собственное сердце.

– Я никогда не признавалась в этом. Даже себе самой, – сказала Милли. – Но там, в буше, все иначе. Все прекрасное и необычное. Звуки по ночам, запахи. Ты просыпаешься каждое утро немного испуганной. Взвинченной. Живой. – Она посмотрела на Цукера. – Это был мир Джонни. И благодаря Джонни я чувствовала себя в этом мире в безопасности.

Самый сильный афродизиак. Перед лицом опасности нет никого желаннее, чем защитник, подумала Джейн. Вот почему женщины влюбляются в копов и телохранителей, вот почему певички мурлычут песенки о том, «кто бы позаботился обо мне». В африканском буше самый желанный человек – тот, кто помогает тебе выжить.

– Остальные хотели напасть на Джонни и отобрать у него ружье. Я с этим не соглашалась, считала, что у них паранойя. А Ричард их подстрекал, пытался сыграть в героя, потому что завидовал Джонни. Мы находились в окружении животных, готовых нас сожрать, но настоящее сражение развернулось внутри лагеря. Мы с Джонни против всех. Они перестали мне доверять, перестали делиться планами. Я думала, мы сможем как-нибудь перебиться, пока нас не спасут, и тогда они увидят, какими

смехотворными были их подозрения. Я думала, нам нужно успокоиться и подождать. А потом… – Она проглотила слюну. – Он попытался убить Эллиота.

– Змея в палатке, – сказала Джейн.

Милли кивнула:

– И вот тогда я поняла, что должна сделать выбор. Но я все еще не верила, что это Джонни. Не хотела верить.

– Потому что он втерся к вам в доверие, – сказал Цукер.

Милли смахнула с глаз слезы, ее голос звучал надтреснуто.

– Так он это делает. Втирается к вам в доверие. Выбирает человека, который хочет ему верить. Может, выискивает девушку, не пользующуюся успехом. Или совершенно непримечательную женщину. Или женщину, от которой уходит бойфренд. Он точно ее определяет. Улыбается ей, и она впервые в жизни чувствует себя по-настоящему живой. – Милли снова отерла глаза. – Я была самой слабой газелью в стаде. Он это знал.

– Вряд ли самой слабой, – мягко сказал Там. – Только вы ведь и выжили.

– И только она может его опознать, – сказала Джейн. – Каково бы ни было его настоящее имя. У нас есть его описание. Мы знаем его рост – шесть футов два или три дюйма, атлетическое телосложение. Светлые волосы, голубые глаза. Он мог перекраситься, но свой рост ему не изменить.

– Или глаза, – сказала Милли. – И то, как он смотрит на вас.

– Опишите это.

– Он словно в душу к вам заглядывает. Читает ваши мечты, страхи. Он словно точно знает, что вы собой представляете.

Джейн вспомнила глаза другого человека, глаза, в которые она смотрела когда-то, готовясь к смерти, чувствуя, как покрывается мурашками ее кожа. «Мы оба знаем, что такое глаза убийцы, – подумала она. – Но я поняла это с первого взгляда. Милли – нет, и теперь ее недовольство собой проявляется в ссутулившихся плечах, склоненной голове».

Телефон Джейн зазвонил. Резко и пронзительно. Она встала и вышла из комнаты, чтобы ответить.

Звонила криминалист Эрин Волчко:

– Помнишь волоски животного с халата Джоди Андервуд?

– Кошачьи волоски, – уточнила Джейн.

– Да. Два из них определенно принадлежат домашней кошке. Но там был и третий волосок, с идентификацией которого возникли проблемы. Я отправила его в лабораторию дикой природы в Орегоне. И вот мы получили результаты по кератину.

– Снежный барс?

– Нет, к сожалению. Волосок принадлежит виду Panthera tigris tigris.

– Это что-то похожее на тигра.

– Это бенгальский тигр, если говорить точно. Меня это просто поразило. Может быть, ты объяснишь, как тигриный волос попал на халат убитой?

Ответ у Джейн был готов.

– Дом Леона Готта – настоящий Ноев ковчег, он наполнен чучелами животных. Я вроде помню тигриную голову у него на стене, но я понятия не имею, бенгальский это тигр или нет.

– Ты можешь выдрать из него два волоска? Если окажется, что это волоски того же тигра, то можно будет сказать, что они попали на халат Джоди Андервуд из дома Леона Готта.

– Две жертвы. Один убийца.

– Все на то указывает.

29

Он здесь, где-то в этом городе. Мы едем в вечернем потоке машин, я смотрю в окно и вижу тяжело ступающих пешеходов – они наклоняют головы, борясь с ветром, гуляющим между зданиями. Я столько лет прожила на ферме, что забыла, каково это – жить в большом городе. Бостон мне не по душе. Мне не нравится холод и серые тучи, высокие здания, которые закрывают от меня небо, погружают в вечный сумрак. Мне не нравится грубоватость людей, они такие бесцеремонные и жесткие. Детектив Риццоли за рулем погружена в свои мысли и не пытается завязать разговор, поэтому мы едем молча. Улица полнится звуками автомобильных гудков и далеких сирен… и людьми. Так много людей. Как и буш, это дикое место, где неправильное движение –

неосторожный шаг на проезжую часть, перебранка с рассерженным человеком – может стать роковым.

Где в этом гигантском городском лабиринте прячется Джонни?

Куда ни посмотрю, мне кажется, я вижу его. Я вижу возвышающуюся над другими светловолосую голову и пару широких плеч, и мое сердце екает. Потом человек поворачивается, и я понимаю: это не Джонни. И следующий высокий светловолосый человек, который привлекает мой взгляд, тоже не Джонни. Он одновременно везде и нигде.

Мы останавливаемся перед очередным светофором. Детектив Риццоли смотрит на меня:

– Мне нужно заскочить в одно место, прежде чем я завезу вас к Мауре. Не возражаете?

– Нет проблем. Куда мы поедем?

– В один дом. Там убили Готта.

Она произносит это небрежно, но ведь это ее работа. Она ездит по местам, где находят трупы. Она вроде Кларенса, нашего следопыта в дельте, который всегда отыскивал следы дичи. Дичь, на которую охотится детектив Риццоли, убивает сама.

Наконец мы сворачиваем из сутолоки уличного движения в гораздо более спокойный район, застроенный семейными домами. Здесь есть деревья, хотя в ноябре листья с них уже облетели и теперь летают по улицам города бурыми конфетти. У дома, перед которым мы останавливаемся, закрыты все ставни, на дереве развевается обрывок полицейской ленты, единственный яркий штрих среди осенней серости.

– Всего несколько минут, – говорит Риццоли. – Вы можете подождать в машине.

Я оглядываю пустую улицу и вижу чьи-то очертания в окне – кто-то наблюдает за нами. Конечно, люди будут наблюдать. В их районе объявился убийца, и они боятся, что он заявится снова.

– Я пойду с вами, – говорю я. – Не хочу сидеть здесь одна.

Поднимаюсь за ней на крыльцо и нервничаю: что мне предстоит здесь увидеть? Я никогда не бывала в доме, где убили человека, и представляю себе забрызганные кровью стены, очерченную мелом фигуру на полу. Но внутри я не вижу ни крови, ни каких-либо других признаков насилия. Если не считать этой отвратительной выставки голов убитых животных.

Их десятки, а глаза такие живые, что мне кажется, они смотрят на меня. Обвинительная галерея жертв. От сильного запаха хлорки у меня начинают слезиться глаза, из носа течет.

Риццоли замечает мою гримасу и говорит:

– Бригада уборщиков, вероятно, залила весь дом «Хлороксом». Но этот запах гораздо лучше того, что был прежде.

– Это случилось… здесь?

– Нет, в гараже. Мне туда не нужно.

– А что нам здесь нужно?

– Мы охотимся на тигра. – Она оглядывает головы на стене. – Вот и он. Я помню, что видела тигра здесь.

Она подтаскивает стул, чтобы дотянуться до тигриной головы, а я представляю себе, как перешептываются души этих мертвых животных, обмениваются мнениями о нас. Африканский лев совсем как настоящий, и я почти боюсь приближаться к нему, хотя он и притягивает меня как магнит. Я вспоминаю настоящих львов, которых видела в дельте, их мускулы под рыжеватой шкурой. Думаю про Джонни, золотоволосого и почти такого же сильного, и представляю, что его голова тоже смотрит на меня. Самое опасное существо на этой стене.

– Джонни говорил, что предпочтет убить скорее человека, чем большую кошку.

Риццоли замирает, перестает тащить волосок из головы тигра и поворачивается ко мне:

– Тогда этот дом наверняка должен был вывести его из себя. Столько животных, убитых ради забавы. Да к тому же Готт хвастался об этом в журнале. – Она показывает на ряд фотографий на противоположной стене. – Это отец Эллиота.

На всех картинах я вижу одного и того же человека средних лет, который позирует с ружьем в руках рядом со своим трофеем. Еще я вижу статью в рамочке: «Мастер охотничьих трофеев: интервью с бостонским таксидермистом».

– Я и понятия не имела, что отец Эллиота – охотник.

– Эллиот вам не говорил?

– Ни слова. Он вообще не говорил об отце.

– Может, потому, что стыдился его. Эллиот рассорился с отцом за несколько лет до экспедиции. Леон убивал животных направо и налево. А Эллиот хотел спасать дельфинов, волков и мышей-полевок.

– Я знаю, что он любил птиц. Во время сафари он всегда показывал нам на них, пытался определить вид. – Я смотрю на фотографии Леона Готта с его добычей в виде мертвых животных и качаю головой. – Бедняга Эллиот. Он был для всех мальчиком для битья.

– Что вы имеете в виду?

– Ричард постоянно его шпынял, подшучивал над ним. Мужчины, с их тестостероном, всегда пытаются переиграть соперника. Ричард должен был играть короля, а Эллиот – склоняться перед ним. Им важно было произвести хорошее впечатление на блондинок.

– Двух девушек из Южной Африки?

– Сильвия и Вивиан. Эллиот был в них влюблен. А Ричард не упускал случая продемонстрировать, что он в гораздо большей степени мужчина, чем Джонни.

– Вас это все еще огорчает, Милли, – спокойно замечает Риццоли.

Это и правда меня огорчает, вот что удивительно. Шесть лет спустя мне все еще больно вспоминать о тех вечерах у костра, о внимании Ричарда к девицам.

– А где был Джонни во время борьбы самцов за главенство? – спрашивает Риццоли.

– Как ни странно, его это, казалось, ничуть не волновало. Он стоял в стороне и наблюдал. Все наши мелочные схватки и ревность – ничто из этого не трогало его.

– Может, у него на уме было другое. Вроде того, что он сделал с вами.

Неужели он обдумывал свой план, сидя рядом со мной у костра? Неужели представлял себе, что прольет мою кровь, что будет смотреть, как жизнь гаснет в моих глазах? Мне вдруг становится холодно, и я, глядя на фотографии Леона Готта, стоящего рядом с поверженными животными, обхватываю себя руками.

Риццоли подходит и становится рядом.

– Мне говорили, что он был мерзавцем, – говорит она, глядя на фотографию Готта. – Но даже мерзавцы заслуживают правосудия.

– Неудивительно, что Эллиот никогда о нем не говорил.

– А о своей подружке он что-нибудь говорил?

Я смотрю на нее:

– О подружке?

– О Джоди Андервуд. Она два года жила с Эллиотом.

Это удивляет меня.

– Он так страдал по блондинкам – никогда ни о каких подружках не упоминал. Вы ее видели? Что она собой представляет?

Риццоли отвечает не сразу. Ее что-то беспокоит, что-то заставляет задуматься, прежде чем ответить.

– Джоди Андервуд умерла. Ее убили в ту же ночь, что и Леона Готта.

Я широко открываю глаза:

– Вы мне этого не говорили. Почему?

– По этому делу активно ведется следствие, о некоторых вещах я не могу говорить, Милли.

– Вы привезли меня в такую даль и при этом не все мне говорите. Утаиваете от меня важные вещи. Вы должны были мне сказать об этом.

– Мы не уверены, что между этими смертями есть связь. Убийство Джоди похоже на ограбление. И метод убийства совсем другой – Леона убили иначе. Поэтому я приехала за образцами волосков. Мы ищем, есть ли что-то общее между этими двумя нападениями.

– Разве это не очевидно? Это общее – Эллиот. – И тут понимание обрушивается на меня с такой силой, что несколько секунд я не могу говорить, не могу даже дышать. Я шепчу: – Это общее – я.

– Что вы имеете в виду?

– Почему вы отыскали меня? Почему решили, что я могу вам помочь?

– Потому что мы шли по связующим звеньям. И они вывели нас на ботсванские убийства. И на вас.

– Вот именно. Эти звенья вывели вас на меня. Я шесть лет скрывалась в Таус-Ривере, жила под другим именем. Держалась подальше от Лондона, потому что боялась, что Джонни меня отыщет. Вы считаете, он здесь, в Бостоне. И теперь я тоже в Бостоне. – Я с трудом проглатываю слюну. – Там, где ему нужно.

Моя тревога отражается в ее глазах.

– Идемте. Я отвезу вас к Мауре, – тихо говорит она.

Мы выходим из дома, и я чувствую себя уязвимой, как газель на равнине. Мне повсюду чудятся глаза, они наблюдают за мной из домов, из проезжающих машин. Сколько людей знает, что я в Бостоне? Мне вспоминаются толпы в аэропорту, где мы приземлились вчера, я думаю обо всех людях, которые, возможно, видели меня в холле бостонского управления полиции, или в кафетерии, или на площадке в ожидании лифта. Если бы Джонни был там, заметила бы я его?

Или я как та газель, которая видит льва, только когда он прыгает на нее?

30

– Он вырос у нее в голове в настоящего мифологического монстра, – сказала Маура. – Она шесть лет была одержима этой персоной. Естественно, она считает, что охота объявлена на нее.

Из гостиной до Джейн доносился звук душа в гостевой ванной. Пока Милли не слышала их, они имели возможность поговорить о ней, и Маура быстро высказала свое мнение:

– Ты только подумай, насколько нелепа эта мысль, Джейн. Она считает, что супермен Джонни убил отца Эллиота, убил подружку Эллиота и, руководствуясь фантастическим даром предвидения, пять лет назад подбросил нам в качестве улики серебряную зажигалку. И все это для того, чтобы выманить ее из укрытия? – Маура отрицательно покачала головой. – Это даже для гроссмейстера слишком.

– Но не исключено, что все это связано с ней.

– Где доказательство того, что Джоди Андервуд и Леон Готт были убиты одним преступником? Он подвешен и выпотрошен. Она задушена в одно мгновение. Если не обнаружится совпадения ДНК этих кошачьих волосков…

– Тигровый волосок довольно убедителен.

– Какой еще тигровый?

– Перед нашим отъездом к тебе мне позвонили из криминалистической лаборатории. Ну, той, что идентифицировала третий волосок на синем халате Джоди. Это волосок бенгальского тигра. – Джейн вытащила из кармана пластиковый пакетик для вещдоков. – У Леона Готта есть чучело тигриной головы на стене. Каковы шансы на то, что два разных убийцы отирались около тигра?

Маура, нахмурившись, взглянула на волоски в пакете.

– Да, в таком случае твоя аргументация выглядит более убедительной. За пределами зоопарка мало найдешь… – Она замолчала и посмотрела на Джейн. – В зоопарке есть бенгальский тигр. Что, если это волосок с живого зверя?

Зоопарк.

Перед мысленным взором Джейн вдруг возникла эта картинка. Клетка леопарда. Дебра Лопес, искалеченная, истекающая кровью. И ветеринар, доктор Оберлин, склонившийся над телом Дебры, давит ей на грудь, делает искусственное дыхание в отчаянной попытке запустить ее сердце. Высокий, светловолосый, голубоглазый. Как Джонни Постьюмус.

Джейн вытащила сотовый.

Полчаса спустя доктор Алан Роудс перезвонил ей:

– Не знаю, зачем это вам, но мне удалось найти фото Грега Оберлина. Не очень хорошее. Его сделали на мероприятии по сбору пожертвований в пользу зоопарка несколько недель назад. Но к чему все это?

– Вы ничего не сказали об этом доктору Оберлину? – спросила Джейн.

– Вы же просили молчать. Откровенно говоря, я чувствую себя неловко, действуя за его спиной. Это что, какие-то полицейские дела?

– Не могу посвятить вас в подробности, доктор Роудс. Это должно остаться между нами. Можете отправить мне фото по электронной почте?

– То есть прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас. Маура, – крикнула Джейн, – мне нужно воспользоваться твоим компьютером. Он отправляет фотографию.

– Компьютер у меня в кабинете.

Когда Джейн села за компьютер и открыла свой почтовый ящик, фотография уже лежала там. Роудс сказал, что снимок сделан во время мероприятия по сбору пожертвований, и собрание это явно было торжественным. Она увидела с полдюжины улыбающихся гостей в большом зале, с бокалами вина в руках. Доктор Оберлин стоял вполоборота на самом краю снимка, протягивая руку к подносу с канапе.

– О’кей, получила, – сказала Джейн доктору Роудсу в трубку. – Но снимок и правда не хорош. Может, есть другие?

– Нужно поискать. Или спросить у него?

– Нет. У него не спрашивайте ни в коем случае.

– Пожалуйста, скажите мне, что это за история? Вы в чем-то подозреваете Грега? Но это нелепо, он самый добропорядочный человек из всех, кого я знаю.

– Вы не знаете, он бывал в Африке?

– Какое это может иметь отношение к делу?

– Вы не знаете, он посещал Африку?

– Наверняка. Его мать – уроженка Йоханнесбурга. Слушайте, вам лучше поговорить с Грегом. Мне это совсем неловко.

Джейн услышала шаги, повернулась и увидела Милли, стоящую у нее за спиной.

– Что скажете? – спросила ее Джейн. – Это он?

Милли не отвечала. Она стояла, вцепившись руками в спинку стула Джейн и устремив взгляд на фотографию. Ее молчание затянулось настолько, что экран компьютера почернел, и Джейн пришлось «будить» его.

– Это Джонни? – спросила она.

– Может… может быть, – прошептала Милли. – Я не уверена.

– Роудс, – сказала Джейн в трубку, – мне необходимо фото получше.

Она услышала вздох.

– Спрошу у доктора Миковица. А может, у его секретарши есть что-то в пиар-службе.

– Нет, так слишком много людей окажется в курсе.

– Слушайте, я не знаю, каким еще образом помочь вам. Разве что вы сами приедете сюда с камерой.

Джейн посмотрела на Милли, которая не отрывала взгляда от изображения доктора Грегори Оберлина, и сказала:

– Именно так я и поступлю.

31

Она обещает, что я буду в безопасности, что мне не придется сталкиваться с ним лицом к лицу, поскольку все будет сделано с помощью видео, что на месте будет много полицейских. Я сижу с детективом Фростом на парковке зоопарка и наблюдаю из его машины за семьями с детьми, толпящимися у входа. Вид у них возбужденный и радостный – им предстоит день в зоопарке. Сегодня суббота, и наконец выглянуло солнце. Я и в себе чувствую изменение. Да, я нервничаю, и мне очень страшно, но впервые за шесть лет я думаю, что солнце может засиять и в моей жизни и скоро все тени рассеются.

Детектив Фрост отвечает на звонок сотового:

– Да, мы все еще на парковке. Мы придем. – Он смотрит на меня. – Риццоли разговаривает с доктором Оберлином в ветеринарном отделе. Это в южной оконечности зоопарка, далеко от нас. Вам совершенно не о чем беспокоиться. – Он открывает дверь. – Идем, Милли.

Мы направляемся ко входу, и он идет рядом со мной. Никто из покупающих билеты и не подозревает, что здесь проводится полицейская операция: мы идем так же, как и все остальные посетители, предъявляем билеты, проходим через турникет. Первое, что я вижу, – это лагуна фламинго, и я вспоминаю Вайолет, мою дочурку, которая видела зрелище в тысячи фламинго в дикой природе. Я сочувствую городским жителям, для которых фламинго – это десяток вялых птиц в пруду с цементным дном. У меня нет возможности посмотреть на других животных, потому что мы с детективом Фростом идем по дорожке, ведущей в административное здание.

Мы ждем в конференц-зале, где стоят длинный тиковый стол, десяток удобных стульев и тумбочка с видеооборудованием. На стене в рамочке

грамоты и награды, полученные зоопарком Суффолка и его персоналом. «За совершенство в разнообразии». «За достижения в маркетинге». «Грамота Марлина Перкинса»[25]. «За лучший экспонат, Северо-Запад». Тут они хвастаются своими достижениями, хотят показать гостям, какое это достойное учреждение.

На противоположной стене я вижу научные биографии персонала, и мой взгляд сразу же находит доктора Оберлина. Сорок четыре года. Бакалавр наук, Вермонтский университет. Доктор ветеринарии, Корнеллский университет. Фотография отсутствует.

– На это может уйти какое-то время, так что нам нужно набраться терпения, – говорит детектив Фрост.

– Я ждала шесть лет, – говорю я. – Могу подождать еще немного.

32

При росте шесть футов три дюйма светловолосый и голубоглазый доктор Грегори Оберлин поразительно походил на паспортную фотографию Джонни Постьюмуса. У него была такая же квадратная челюсть, такой же широкий лоб, который он недоуменно наморщил, когда Джейн нажала кнопку «Запись» на видеокамере.

– Вам и в самом деле нужно это записывать? – спросил он.

– Мне нужна точность. А кроме того, это освобождает меня от необходимости делать заметки, и я могу сосредоточиться на разговоре.

Джейн улыбнулась и села. Сюда доносились отвлекающие шумы, звуки, издаваемые животными из ветеринарных клеток, расположенных близ кабинета доктора Оберлина, но Джейн это устраивало. Она хотела, чтобы он находился в привычной обстановке и чувствовал себя непринужденно. Разговор в бостонской полиции наверняка насторожил бы его.

– Я рад, что вы не оставляете дело Дебры, – сказал он. – Меня это несчастье выбило из колеи. Совершенно.

– Что именно выбило вас из колеи? – спросила Джейн.

– Такое не должно было произойти. Мы с Деброй несколько лет работали бок о бок. Она была ответственным человеком и знала, как обращаться с крупными кошками. Не могу себе представить, чтобы она забыла запереть ночную клетку леопарда.

– Доктор Роудс говорит, что такое случается даже с опытными смотрителями.

– Да, все верно. Во всех хороших зоопарках были такого рода происшествия даже со смотрителями-ветеранами. Но Дебра из тех людей, которые не выходят из дома, не проверив, выключен ли газ, и не убедившись, что все окна заперты.

– Так что, по-вашему, случилось? Кто-то другой отпер ночную клетку?

– Вы, наверно, так и считаете, да? Поэтому и решили со мной поговорить?

– Дебра не могла именно в этот день проявить беззаботность, для этого не было причин? – спросила Джейн. – Ничто не могло ее отвлечь?

– Мы разорвали отношения за несколько месяцев до этого, но она, казалось, не особенно переживала. Я не знаю, что могло бы ее обеспокоить.

– Вы сказали, что инициатором разрыва была она.

– Да. Я хочу детей, а она не хотела. В этом вопросе мы не могли найти компромисс. Между нами не было горьких чувств, и она оставалась мне небезразлична. Вот почему я очень хочу знать, не упустили ли мы чего.

– Если не она оставила дверь незапертой, кто мог это сделать?

– В этом-то и вопрос. Я не знаю! Это служебное помещение, оно не видно публике, так что теоретически проскользнуть туда незамеченным мог любой.

– Враги у нее были?

– Нет.

– Новый бойфренд?

Пауза.

– Не думаю.

– Вы, кажется, не очень уверены.

– Вообще-то, мы не очень много общались в последнее время, в основном только по работе. Она была расстроена в тот день, когда пришлось усыпить Ково, но выбора у меня не было. Мы сохраняли жизнь

этой кошке как можно дольше. Но в конце было бы жестоко заставлять его страдать.

– Значит, у Дебры были причины для расстройства.

– Да, и еще она была зла, что из Ково сделают чучело для какого-то богатого говнюка. В особенности когда узнала, что этот говнюк – Джерри О'Брайен.

– Насколько я понимаю, вы не особый его почитатель.

– Этот человек считает Африку своей персональной бойней. Хвастается этим в радиопередачах. Так что она была зла. Как и я. Часть нашей работы здесь – это сохранение дикой природы. В следующем месяце я собираюсь в Йоханнесбург. Там будет конференция по защите редких видов. А здесь мы заключили сделку с дьяволом. И все ради денег.

– Так вы собираетесь в Африку, – сказала Джейн. – Бывали там прежде?

– Конечно. Моя мать из Йоханнесбурга, и у нас там семья.

– А Ботсвана? Я собираюсь туда в путешествие. Вы там бывали?

– Да. Очень вам советую.

– А когда вы там были?

– Не помню. Семь-восемь лет назад. Прекрасное место. Одно из последних диких мест на земле.

Джейн остановила запись:

– Спасибо. Думаю, пока это все, что я хотела знать.

Он нахмурился:

– Все, что вы хотели знать?

– Если у меня возникнут еще вопросы, я с вами свяжусь.

– Вы не оставите это дело? – сказал он, глядя, как она собирает видеокамеру. – Кажется, что это автоматически списали как несчастный случай.

– Пока, доктор Оберлин, у нас нет оснований назвать это чем-либо иным. Только несчастный случай. Мне все говорят, что крупные кошки опасны.

– Прошу, дайте мне знать, чем еще я могу быть полезен. Сделаю все, что в моих силах.

«Ты уже сделал», – подумала она, выходя из его кабинета с камерой в руках. Суббота и солнечная погода привлекли в зоопарк толпы народа, и ей пришлось проталкиваться по заполненной дорожке. Теперь дело могло закрутиться. Неподалеку четверо полицейских в гражданской одежде ждали ее звонка с приказом арестовать Оберлина. Команда айтишников была готова захватить его компьютер с файлами, а Маура уже собирала волоски бенгальского тигра для криминалистической лаборатории. Ловушка стояла на изготовку, и, чтобы привести ее в действие, Джейн нужно было лишь опознание от Милли.

Входя в конференц-зал административного здания, где ее ждали Фрост и Милли, Джейн почувствовала, что ее нервы напряжены до предела. Как охотник, увидевший зверя, она уже ощущала в воздухе запах крови.

Джейн подключила камеру к видеомонитору и повернулась к Милли – та стояла, вцепившись в спинку стула, руки ее были так напряжены, что связки, казалось, готовы порваться. Для Джейн это была обычная охота, для Милли – миг избавления, окончания кошмаров, и она смотрела на видеомонитор, как смертник, молящий об отсрочке приведения приговора в исполнение.

– Ну, начали, – сказала Джейн и нажала кнопку «Воспроизведение».

«– Вам и в самом деле нужно это записывать? – спросил он.

– Мне нужна точность. А кроме того, это освобождает меня от необходимости делать заметки, и я могу сосредоточиться на разговоре»...

Видео крутилось, а Джейн не отрывала глаз от Милли. В комнате звучали лишь вопросы Джейн и ответы Оберлина. Милли стояла прямо, по-прежнему цепляясь руками за спинку стула, словно это был единственный надежный якорь в комнате. Она не шевелилась. Казалось, даже не дышала.

– Милли? – спросила Джейн. Она нажала клавишу «пауза», и на мониторе замерло лицо Грегори Оберлина. – Это он? Джонни?

Милли посмотрела на нее.

– Нет, – шепотом ответила она.

– Но вы вчера видели фотографию. Вы сказали, что, возможно, это он.

– Я ошиблась. Это не он. – У нее подогнулись ноги, и она рухнула на стул. – Это не Джонни.

От этого ответа в воздухе словно исчез кислород. Джейн была практически уверена, что убийца у них в кармане. А они вместо человека-леопарда, похоже, поймали Бэмби. Это вознаграждение ей за то, что она поставила все на неуверенного в себе свидетеля с ненадежной памятью.

– Господи Исусе, – пробормотала Джейн. – Мы снова вернулись к началу, у нас ничего нет.

– Да брось, Риццоли, – сказал Фрост. – Она никогда не была по-настоящему уверена.

– Лейтенант Маркетт и без того уже грызет меня за эту командировку в Кейптаун. А теперь еще и это.

– А чего вы ожидали? – Милли с неожиданной злостью посмотрела на Джейн. – Для вас это всего лишь головоломка, пазл, и вы решили, что у меня есть недостающий фрагмент. А если у меня его нет?

– Послушайте, мы все устали, – сказал Фрост, выполняя, как всегда, роль миротворца. – Думаю, нам нужно поглубже вдохнуть. Может быть, перекусить.

– Я сделала то, что вы просили. Больше ничем не могу помочь вам! – сказала Милли. – Теперь я хочу домой.

Джейн вздохнула:

– Хорошо. Знаю, день для вас выдался трудный. Сейчас патрульный отвезет вас к Мауре.

– Нет. Я имею в виду – домой. В Таус-Ривер.

– Послушайте, прошу прощения, что сорвалась. Завтра мы все обсудим еще раз. Может быть, мы что-то…

– Я с этим покончила. Хочу к семье. Я возвращаюсь домой. – Милли оттолкнула стул и встала. Глаза ее горели яростью, какой Джейн не видела прежде. Вот эта женщина и выжила в буше, несмотря на мизерные шансы. Женщина, которая не пожелала упасть на колени и умереть. – Завтра я улетаю.

Зазвонил сотовый Джейн.

– Мы можем поговорить об этом позднее.

– Говорить здесь не о чем. Если вы не посадите меня в самолет, я улечу сама. Я с этим покончила. – Она вышла из зала.

– Милли, постойте, – сказал Фрост, выходя за ней в коридор. – Я найду кого-нибудь, кто отвезет вас.

Джейн ответила на звонок:

– Риццоли.

– Похоже, я звоню не в самое удачное время, – сказала криминалист Эрин Волчко.

– Время, откровенно говоря, паршивое. Я тебя слушаю. Что там есть?

– Это улучшит твое настроение, а может, и нет. Те образцы волосков, что ты извлекла из чучела бенгальского тигра. Из дома Готта.

– И что?

– Они хрупкие и поблекшие. Поверхностная кутикула разложилась и ослабла. Думаю, этот тигр убит не одно десятилетие назад, потому что волоски претерпели возрастные изменения и воздействие ультрафиолетового облучения. Вот тебе и проблема.

– В чем?

– На тигрином волоске с халата Джоди Андервуд никаких следов блеклости. Он свежий.

– Хочешь сказать, он с живого тигра? – Джейн вздохнула. – Плохо дело. Мы только что исключили ветеринара зоопарка из списка подозреваемых.

– Ты говорила, что в тот день в дом Готта тело снежного барса доставляли два работника зоопарка. На их одежде должна быть масса всяческих волосков. Может быть, они слетели там с их одежды, а на одежде убийцы оказались потом. Передача через третье лицо могла бы объяснить присутствие тигриного волоска на халате Джоди.

– Значит, мы все еще можем считать, что оба убийства совершил один человек.

– Да. Это хорошая новость или плохая?

– Не знаю.

Джейн вздохнула и отключилась. «Понятия не имею, как связать воедино все это дерьмо». Расстроенная, она принялась отключать видеокамеру от монитора, свернула кабели, затолкала все это в сумку. Прикинула, на какие вопросы ей придется отвечать завтра на совещании, как защищать свои решения. Не говоря уже о расходах. Кроу вцепится в нее, как стервятник, – он таков и есть. И что она ответит?

«По крайней мере, я побывала в Кейптауне».

Она откатила тумбочку к стене, на прежнее место. И замерла – кое-что привлекло ее внимание. Здесь в рамочках висели сведения о сотрудниках учреждения. Доктор Миковиц, ветеринары, разные специалисты по птицам, приматам, амфибиям и крупным млекопитающим. Но ее взгляд остановился на сведениях об Алане Роудсе.

ДОКТОР АЛАН Т. РОУДС

бакалавр наук, колледж Карри.

доктор наук, университет Тафтса

Натали Тумз тоже училась в колледже Карри.

Алан Роудс, вероятно, был на выпускном курсе в тот год, когда исчезла Натали. Она ушла из дома для занятий с неким Тедом, и больше ее никто не видел. Увидели только ее кости четырнадцать лет спустя, завернутые в синий пластик, со щиколотками, связанными оранжевой нейлоновой веревкой.

Джейн бросилась из конференц-зала вверх по лестнице, туда, где размещались кабинеты администрации.

Секретарша посмотрела на вбежавшую Джейн и взметнула брови:

– Если вы ищете доктора Миковица, то он ушел, его сегодня не будет.

– А где доктор Роудс? – спросила Джейн.

– Могу вам дать его сотовый. – Секретарша открыла ящик и вытащила справочник зоопарка. – Сейчас найду.

– Нет, я хочу знать, где он находится. Он еще на работе?

– Да. Он, вероятно, в тигрином вольере. Именно там они договорились встретиться.

– Встретиться?

– С женщиной из офиса коронера. Ей понадобился тигриный волосок для каких-то исследований.

– Силы небесные, – пробормотала Джейн.

«Маура».

33

– Он такой красавец, – сказала Маура, глядя в вольер.

С другой стороны ограждения на нее, помахивая хвостом, смотрел бенгальский тигр. Окрас идеально скрывал его, он был почти невидим, если не считать внимательных глаз, устремленных на нее сквозь траву, и слегка колеблющегося хвоста.

– Вот это настоящий людоед, – заметил Алан Роудс. – Их в мире осталось всего несколько тысяч. Мы так глубоко вторглись в их среду обитания, что они неизбежно нападают на людей. Если посмотрите на эту кошку, то поймете, почему охотники так их ценят. Не только за шкуру, но и за то, что одолеть такого страшного хищника очень нелегко. В этом есть что-то извращенное. Как могут люди убивать то, чем мы больше всего восхищаемся?

– Меня вполне устраивает восхищение издалека.

– Ну, подходить к нему нет нужды. Как и любая кошка, он теряет немало волос. – Он посмотрел на нее. – Так зачем вам понадобились его шерстинки?

– Для криминалистического анализа. Лаборатории требуется образец волос бенгальского тигра, а у меня есть знакомый, который может помочь. Да, кстати, спасибо вам.

– Это какое-то расследование? Как-то связано с Грегом Оберлином, да?

– Извините, я не могу об этом говорить. Надеюсь, вы меня понимаете.

– Конечно. Любопытство меня убивает, но вам нужно работать. Пройдемте к служебному входу. Вы сможете найти его шерсть в ночной клетке. Если только вы не собирались вырвать несколько шерстинок у него со спины. Но в этом случае, доктор, флаг вам в руки.

Маура рассмеялась:

– Нет, недавно выпавшие волоски меня вполне устроят.

– Какое облегчение! Потому что подходить к этому парню не рекомендуется. В нем пятьсот фунтов мышц да зубы….

Роудс повел ее по дорожке, над которой висело предупреждение: «Только для персонала». Укрытая от глаз публики густыми кустами, дорожка напоминала каньон между стенами двух соседствующих вольеров – тигра и пумы. Животных за этими стенами видно не было, но Маура почти ощущала сквозь бетон исходящую от них мощь и спрашивала себя, знают ли и кошки о ее присутствии. Возможно, в этот самый момент они фиксируют ее перемещения. Хотя Роудс чувствовал себя совершенно уверенно, Маура поглядывала на верх стен, чуть ли не ожидая увидеть там пару желтых глаз.

Они подошли к заднему входу в тигриный вольер, и Роудс отпер ворота.

– Могу проводить вас в ночную клетку. Или подождете здесь, пока я соберу для вас образцы?

– Я должна сделать это сама. Таков порядок сбора вещдоков.

Роудс вошел внутрь, отпер внутреннюю дверь в ночную клетку:

– Прошу. Клетку еще не чистили, так что волос там сколько угодно. Я побуду снаружи.

Маура вошла в ночную клетку, которая представляла собой закрытое пространство площадью около двенадцати квадратных футов со встроенной поилкой и бетонной полкой для спанья. На бревне в углу виднелись глубокие царапины – тигр точил здесь свои когти. Яркое напоминание о тигриной мощи. Присев у бревна, Маура вспомнила похожие параллельные царапины на теле Леона Готта. Пучок тигриной шерсти прилип к бревну, и она потянулась в карман за пинцетом и пакетом для вещдоков.

В этот момент зазвонил ее сотовый.

Она позволила звонку уйти в голосовую почту и сосредоточилась на своей задаче. Отобрала первый образец, закрыла молнию на пакете. Увидела еще волосы на бетонной полке.

Телефон зазвонил снова.

Пока она отбирала второй образец, телефон продолжал звонить, пронзительно, настойчиво, требуя ответа. Маура закрыла второй пакет и вытащила телефон, даже «слушаю» не успела сказать, как раздался голос Джейн:

– Ты где?

– Собираю тигриные волосы.

– Доктор Роудс с тобой?

– Он ждет за клеткой. Хочешь с ним поговорить?

– Нет. Слушай меня. Я хочу, чтобы ты немедленно ушла от него.

– Что? Почему?

– Веди себя спокойно. Дружески. Он не должен понять, что что-то произошло.

– А что, собственно, происходит?

– Я сейчас иду к тебе, позвала остальных ребят, чтобы встретили нас. Мы будем через несколько минут. А ты уходи от Роудса.

– Джейн…

– Делай, что сказано, Маура!

– Хорошо. Хорошо.

Она глубоко вдохнула, но это ничуть ее не успокоило. Дрожащими пальцами она отключила телефон. Посмотрела на пакетик с вещдоком в руке. Подумала о Джоди Андервуд и тигрином волоске, оставшемся на ее синем халате. Волоске, попавшем на нее с убийцы. С убийцы, который работал с крупными кошками, который знал, как они охотятся и убивают.

– Доктор Айлз, все в порядке?

Голос прозвучал пугающе близко. Роудс вошел в ночную клетку совершенно бесшумно, и Маура даже не почувствовала, что он стоит у нее за спиной. Достаточно близко, чтобы слышать ее разговор с Джейн. Достаточно близко, чтобы видеть ее дрожащие руки, когда она засовывала телефон в карман.

– Да-да. – Она выдавила улыбку. – Все, я здесь закончила.

Роудс внимательно посмотрел на нее, и Маура почувствовала, как его взгляд пронзает ее черепную коробку, внедряется в мозг. Она шагнула к выходу, но он твердо стоял между ней и дверью, и она не могла протиснуться мимо него.

– Я взяла то, что мне было нужно, – сказала Маура.

– Вы уверены?

– Да, а теперь позвольте мне уйти.

Секунду-другую он, казалось, взвешивал варианты, потом отошел в сторону, и Маура выскользнула из клетки, соприкоснувшись с ним плечами. Он наверняка ощутил исходящий от ее кожи запах страха. Маура не посмотрела ему в глаза, не осмелилась оглянуться, выходя из вольера. Она шла по дорожке для сотрудников зоопарка, и сердце выпрыгивало из груди. Идет ли он за ней? Догоняет ли?

– Маура! – Голос Джейн прозвучал откуда-то из-за кустов. – Где ты?

Она бросилась на звук голоса, продралась сквозь плетение живой изгороди на открытое пространство и увидела Джейн и Фроста, а с ними других полицейских. Все они одновременно подняли оружие, и Маура остановилась перед направленной на нее полудюжиной стволов.

– Маура, не двигайся! – потребовала Джейн.

– Что за ерунду вы затеяли?

– Иди на меня. Медленно. Не беги!

Их оружие по-прежнему было направлено в ее сторону, но глаза смотрели не на нее. Они смотрели на что-то за ее спиной. У нее мгновенно встали дыбом волосы.

Маура повернулась и взглянула прямо в янтарные глаза. Несколько мгновений они с тигром смотрели друг на друга, хищник и жертва, их взгляды соприкоснулись. Потом Маура поняла, что она не одна противостоит ему. Джейн только что обошла ее сбоку и встала так, чтобы оказаться между Маурой и тигром.

Смущенный появлением новой фигуры, зверь отступил назад.

– Давайте, Оберлин! – прокричала Джейн. – Скорее!

Раздался резкий хлопок. Тигр дернулся, когда игла с транквилизатором вонзилась ему в плечо. Он не отступил, остался на месте, продолжая смотреть на Джейн.

– Еще одну! – потребовала Джейн.

– Нет, – возразил Оберлин. – Я не хочу его убивать! Сейчас транквилизатор начнет действовать.

Тигра начало покачивать, но он попытался удержаться на ногах. Начал описывать круг, как пьяный.

– Ну вот, сейчас заснет! – сказал Оберлин. – Еще несколько секунд, и он…

Оберлин замолчал, потому что с дорожки для публики раздались крики. Люди бросились в разные стороны, охваченные паникой.

– Пума! – раздался вопль. – Пума на свободе!

– Что за фигня там происходит? – вытаращила глаза Джейн.

– Это Роудс, – догадалась Маура. – Он выпускает кошек из клеток!

Оберлин лихорадочно перезарядил транквилизатор.

– Все уходим! Объявляется срочная эвакуация!

Подгонять публику не пришлось. Все и без того бежали к выходу – перепуганное стадо впавших в панику родителей и визжащих детей. Бенгальский тигр лежал горой вздыбленной шкуры, но пума… где пума?

– Иди к выходу, Маура, – приказала Джейн.

– А ты?

– Я остаюсь с Оберлином. Мы должны найти эту кошку. Иди!

Маура, присоединившаяся к всеобщему исходу, то и дело поглядывала через плечо. Она помнила, как внимательно наблюдала за ней пума в прошлый приход, и сейчас она тоже могла следить за ней, за кем угодно. Она чуть не споткнулась о малыша, который, вопя во все горло, лежал на дорожке. Маура подняла его, огляделась в поисках матери и увидела молодую женщину, которая лихорадочно озиралась по сторонам, прижимая к себе младенца и сумку с детскими вещами.

– Он у меня! – крикнула Маура.

– Боже мой, вот ты где! Боже мой!

– Я его понесу. Идите!

Выход был забит людьми, протискивающимися через турникет, перепрыгивающими через забор. Потом кто-то из персонала открыл ворота, и толпа хлынула на парковку, словно приливная волна. Маура передала малыша матери и остановилась у турникета в ожидании Джейн.

Полчаса спустя зазвонил ее телефон.

– Ты в порядке? – спросила Джейн.

– Я стою у выхода. Что с пумой?

– Усыпили на время. Оберлину пришлось стрелять дважды, но теперь она снова в клетке. Господи, какой кошмар. – Она помолчала. – Роудс ускользнул. Когда возник этот хаос, он ушел вместе с толпой.

– Как ты поняла, что это он?

– Четырнадцать лет назад он учился в том же колледже, что и Натали Тумз. У меня пока нет доказательств, но я подозреваю, что Натали была одной из его первых жертв. А может, самой первой. Ты видела это своими глазами.

– Я видела только…

– Гештальт, как ты это называешь. Картину в целом. Все дело в способе убийства. Леон Готт. Натали Тумз. Туристы, охотники. Боже мой, нужно было сразу прислушаться к тебе!

Маура смущенно покачала головой:

– А что с теми убийствами в Ботсване? Роудс ничуть не похож на Джонни Постьюмуса. Как это связано?

– Я думаю, никак.

– А Милли? Она тут при чем?

В трубке раздался вздох.

– Может, и ни при чем. Может быть, я ошибалась, построив эту гипотезу.

– Разбивай, – сказала Джейн Фросту.

Стекло треснуло, осколки полетели в дом, посыпались на плиточный пол. Еще несколько секунд, и они с Фростом открыли дверь и оказались в кухне Алана Роудса. С оружием наготове Джейн уловила ряд отблесков установленных в сушилке тарелок, увидела чистейший кухонный стол, холодильник из нержавеющей стали. Все было в порядке, все чисто – слишком чисто.

Джейн с Фростом – она впереди – прошли по коридору в гостиную. Она посмотрела налево, направо и не заметила никакого движения, никаких признаков жизни. Только книжный шкаф, диван, кофейный столик. Все на своем месте, ни одного брошенного где попало журнала. Дом холостяка с обсессивно-компульсивным расстройством.

С нижней ступеньки лестницы она посмотрела на второй этаж, пытаясь услышать что-нибудь за громким биением собственного сердца. Наверху было тихо, как в могиле.

Фрост стал подниматься первым. Хотя в доме было прохладно, у Джейн блузка промокла от пота. Самое опасное животное – загнанное в угол, и к этому моменту Роудс должен был понять, что игра закончена. Они добрались до площадки второго этажа. Здесь было три двери. Джейн заглянула в первую – это оказалась скромно обставленная спальня. Ни пыли, ни мусора. Неужели в этом доме обитал живой человек? Она осторожно подошла к стенному шкафу, распахнула дверцу. На стержне покачивались пустые вешалки.

Джейн вернулась в коридор, миновала ванную, подошла к последней двери.

Ей не нужно было входить – она и так знала, что Роудса там нет. Вероятно, он и не возвращался домой. Стоя в его спальне, она оглядела пустые стены. Большая кровать была укрыта белоснежным покрывалом. На прикроватной тумбочке ни одной вещицы, ни единой пылинки. Джейн вспомнила собственную тумбочку, магнит для ключей и монеток, носки и бюстгальтеры. О человеке многое можно узнать, изучив его тумбочку или кухонный стол, а здесь, глядя на тумбочку Алана Роудса, она видела человека без лица. «Кто ты?»

Из окна спальни Джейн выглянула на улицу и увидела еще одну, только что подъехавшую, данверсскую патрульную машину. Это место было за пределами юрисдикции бостонской полиции, но, спеша арестовать Роудса, они с Фростом не стали дожидаться помощи детективов из Данверса. Теперь начнется бюрократический ад, и придется расплачиваться.

– Тут есть люк, – сказал Фрост, стоявший в кладовке.

Джейн протиснулась к нему и посмотрела на панель в потолке, откуда свешивалась веревка. Вероятно, так можно было подняться на чердак, куда ставят всякие коробки, чтобы потом прочно забыть о них, – коробки с вещами, которые рука не поднимается выкинуть. Фрост потянул за веревку, и панель открылась, появилась опускная лестница и темное пространство наверху. Они переглянулись, и Фрост начал подниматься по лестнице.

– Все чисто! – крикнул он сверху. – Куча всякого старья.

Джейн поднялась следом и включила карманный фонарик. Луч выхватил из мрака ряд картонных коробок. Такой чердак мог быть в любом доме, кладовка для хлама, стопок налоговых документов и финансовых бумаг, которые могут понадобиться бог знает когда – в один прекрасный день, когда придет налоговая служба. Джейн открыла одну из коробок, увидела справки о состоянии счета и кредитные документы. Она переходила от одной коробки к другой. Нашла несколько экземпляров журнала «Биоразнообразие и сохранение природы». Старые простыни и полотенца. Книги, еще книги. Здесь не было ничего, что свидетельствовало бы о причастности Роудса к каким-либо преступлениям. Не говоря уже об убийствах.

«Неужели мы опять ошиблись?»

Она спустилась по лестнице, снова вошла в спальню с ее голыми стенами и безупречной кроватью. Ее беспокойство возросло, когда подъехала еще одна машина, из которой вышел детектив Кроу и направился к дому. Несколько секунд спустя кто-то постучал во входную дверь. Джейн спустилась и увидела на крыльце ухмыляющегося коллегу.

– Так что, Риццоли, Бостон стал для тебя маловат? Теперь ты врываешься в дома в пригороде? – Кроу вошел, неторопливо прогулялся по гостиной. – Что у тебя на этого парня, Роудса?

– Мы пока ищем.

– Забавно, потому что за ним ничего не числится. Ни арестов, ни судимостей. Ты уверена, что это ваш человек?

– Он бежал, Кроу. Выпустил двух крупных кошек, чтобы прикрыть побег. С тех пор его не видели. И смерть Дебры Лопес все больше кажется неслучайной.

– Убийство леопардом? – Кроу смерил ее скептическим взглядом. – Зачем ему убивать смотрительницу?

– Не знаю.

– Зачем убивать Готта? И Джоди Андервуд?

– Не знаю.

– Что-то слишком много «не знаю».

– Есть косвенное доказательство, связывающее его с Джоди Андервуд. Тигриный волосок на ее халате. Еще нам известно, что он учился в колледже Карри в тот год, когда исчезла Натали Тумз, так что связь с ней тоже есть. В последний раз Натали видели, когда она уходила заниматься с кем-то по имени Тед. Среднее имя Роудса – Теодор. Из его биографии, имеющейся в зоопарке, следует, что, прежде чем поступить в колледж, он провел год в Танзании. Может, там и узнал про культ леопарда.

– Это все второстепенные детали, которые ничего не доказывают. – Кроу обвел рукой стерильную гостиную. – Должен сказать, здесь ничто не говорит о человеке-леопарде.

– Может быть, это-то и важно. Здесь слишком многого не хватает, вот что. Ни фотографий, ни картинок, даже дивиди или сиди нет – ничто не говорит о вкусах хозяина. Все книги и журналы только по работе. Единственное лекарство в ванной – аспирин. И знаешь, что отсутствует?

– Что?

– Зеркала. Есть одно – маленькое для бритья в ванной наверху.

– Может, ему безразлично, как он выглядит. Или ты хочешь сказать, что он – вампир?

Он рассмеялся, и Джейн отвернулась.

– Гигантское белое пятно – вот что такое этот дом. Словно Роудс пытался создать стерильную зону, жилище напоказ.

– А может, оно в точности отражает его сущность. Бесконечно скучный тип, которому нечего прятать.

– Нет, тут что-то должно быть. Просто мы еще не нашли.

– А если не найдете?

Джейн отказывалась рассматривать такую вероятность, потому что была уверена в своей правоте. Не могла она быть неправа.

Но день клонился к вечеру, бригада криминалистов прочесывала дом в поисках улик, а ее желудок от чувства неопределенности все туже сворачивался в узел. Джейн не могла поверить, что ошиблась, но никаких подтверждений ее теории не обнаруживалось. Они ворвались в дом человека без всякого криминального прошлого. Разбили окно, перевернули все вверх дном и не нашли ничего, что говорило бы о его причастности к убийствам. Даже нейлоновой веревки в доме не было. Кроме того, они привлекли внимание весьма любопытных соседей, и они тоже не смогли сказать ничего плохого об Алане Роудсе, хотя все как один заявили, что мало его знают. «Тихий и вежливый. Подружек, похоже, у него нет. Любил работать в саду, всегда привозил мешки с грунтом».

Услышав последнее замечание, Джейн вышла еще раз осмотреть задний дворик Роудса. Она один раз уже обошла весь участок, занимавший почти три четверти акра и переходивший в территорию природоохранной зоны. В темноте Джейн порыскала лучом фонарика по кустам, по траве. Потом прошла в дальний конец участка, ограниченного забором. Здесь на холмике с крутым склоном росли розовые кусты, довольно-таки хилые. Джейн, нахмурившись, рассматривала эту ландшафтную диковинку, размышляя о природе холмика. В плоском дворе он возвышался, как вулкан в долине. Она так сосредоточилась на своих мыслях, что заметила приближение Мауры, лишь когда луч фонарика скользнул по ее лицу.

– Нашла что-нибудь? – спросила Маура.

– Покойников тебе на вскрытие пока нет. – Она нахмурилась, глядя на Мауру. – А ты что приехала?

– Не смогла сидеть дома.

– Тебе нужно иметь круг общения получше.

– Вот это и есть мой круг общения. – Маура помолчала. – Что на самом деле глупо.

– Здесь ничего не происходит, – раздраженно сказала Джейн. – И Кроу не устает напоминать мне об этом.

– Это наверняка Роудс. Я знаю, он – убийца.

– А какие основания у тебя так говорить? Или ты опять про свой гештальт? Но у меня нет ничего, что я могла бы предъявить суду.

– Ему было всего около двадцати, когда он убил Натали Тумз. До убийства Готта она, возможно, была его единственной жертвой в Бостоне. Причина, по которой нам не удается установить связи, в том, что он слишком умен, чтобы охотиться в одном месте. Он расширяет территорию до Мэна. Включает в нее Неваду и Монтану. В такой ситуации выявить почерк преступника практически невозможно.

– Как мы объясним убийство Леона Готта и Джоди Андервуд? Это такие авантюрные убийства, совершенные в один день. На расстоянии в десять миль одно от другого.

– Может быть, его мания усиливается. Он теряет контроль над собой.

– Не вижу никаких признаков этого в доме. Ты заходила внутрь? Все в идеальном порядке. Ничто не указывает на чудовище.

– Значит, у него есть еще одно место. Берлога, где чудовище и обитает.

– Другой собственности у Роудса нет. А здесь мы даже обрезка веревки не нашли. – Джейн разочарованно пнула грунт и нахмурилась, глядя на розовый куст, покосившийся от удара. Она потянула за него, ощущая минимальное сопротивление корней. – Он посажен совсем недавно.

– У этого холмика вообще какой-то странный вид. – Маура провела лучом фонарика по двору, по траве и кустам, по гравиевой дорожке. – Похоже, никаких других недавних насаждений тут нет. Только это.

Джейн пристально посмотрела на холмик. Внезапно по спине пробежал холодок: она поняла, что это такое. «Земля. Откуда взялась вся эта земля?»

– Она здесь, под нашими ногами, – сказала Джейн. – Его берлога.

Она опустилась на газон, вглядываясь в землю в поисках отверстия, шва, чего угодно, что указывало бы на ход под землю, но во дворе было слишком темно. Чтобы найти этот ход, может потребоваться несколько дней. А если они ничего не обнаружат? Она могла себе представить, какие шуточки будет отпускать по этому поводу Кроу.

– Радиолокационный зонд, – сказала Маура. – Если там есть какое-то помещение, то самый быстрый способ его обнаружить – с помощью зонда.

– Сейчас спрошу у криминалистов. Посмотрим, смогут ли они доставить сюда зонд завтра утром.

Джейн вошла в дом и услышала сигнал мобильника – пришло текстовое сообщение.

Сообщение было от Габриэля: «Проверь почту. Сведения от Интерпола».

Полностью сосредоточившись на обыске в доме Роудса, Джейн весь день не заглядывала в свой почтовый ящик. Теперь она стала просматривать входящие, где накопилось много всякой ерунды, но наконец нашла нужное. Сообщение пришло три часа назад, его прислал Хенк Андриссен.

Она вгляделась в экран, плотно заполненный текстом. Наконец ей в глаза бросились слова: «На окраине Кейптауна найдены скелетированные останки. Белый мужчина, множественные повреждения черепа. Проведен анализ ДНК, установлена личность».

Джейн уставилась на имя убитого. «Бессмыслица какая-то. Это невозможно».

Зазвонил ее телефон. Снова Габриэль.

– Прочла? – спросил он.

– Ничего не понимаю. Это какая-то ошибка.

– Останки мужчины были найдены два года назад. Полностью скелетированные, значит кости пролежали в земле гораздо дольше. Они не смогли сразу провести анализ ДНК и установить личность убитого, но теперь сомнений не осталось. Нам известно, кто это. Эллиот Готт не погиб на сафари, Джейн. Он был убит. В Кейптауне.

35

Я больше не представляю интереса для полиции. Убийцу, которого они ищут, зовут Алан Роудс, он всегда жил в Бостоне, и это не Джонни. Об этом мне сообщила вечером доктор Айлз, прежде чем поехать к детективу Риццоли на место преступления. Они живут в каком-то совсем ином мире, в искореженной вселенной, о существовании которой мы, обычные люди, не подозреваем, пока не прочтем что-нибудь о ней в газете или не увидим в новостях по телевизору. Пока большинство из нас живут своей повседневной жизнью, кто-то где-то совершает невообразимое.

И тут в дело вступают Риццоли и Айлз.

Я с облегчением покину мир, в котором они живут. Им требовалось что-то от меня, но я не могла им это дать, и завтра я улечу домой. К моей семье в Таус-Ривер. Назад к моим кошмарам.

Я собираю вещи, готовясь к утреннему рейсу, засовываю носки в уголок чемодана, складываю шерстяные свитера, которые мне в Кейптауне не понадобятся. Как мне не хватает ярких красок моего дома и запаха цветов! Здесь я словно погрузилась в зимнюю спячку, кутаясь в свитера и куртки, чтобы защититься от холода и уныния. Я кладу пару трусиков поверх свитеров, а когда складываю вторую пару, в мой чемодан неожиданно запрыгивает серый кот. Все дни, что я провела здесь, он меня совершенно игнорировал. И вот теперь – на` тебе, мурлычет и катается по моей одежде, словно просит меня взять его с собой. Я хватаю его и ставлю на пол, но он тут же запрыгивает обратно и начинает мяукать.

– Еды дать? Ты проголодался?

Конечно, в этом все дело. Доктор Айлз почти не задержалась дома, не успела его покормить.

Я иду в кухню, он бежит рядом, трется о мои ноги, когда я открываю кошачьи консервы и вываливаю их в плошку. Он начинает чавкать, поедая кусочки курятины в пахучем соусе, и я вдруг понимаю, что тоже проголодалась. Доктор Айлз предоставила мне полную свободу в своем доме, так что я отправляюсь в кладовку и оглядываю полки в поисках чего-нибудь, что можно приготовить на скорую руку и насытиться. Нахожу пакет спагетти, вспоминаю, что видела бекон, яйца и кусок пармезана в холодильнике. Сварю спагетти, добавлю туда сыра, бекона и яиц – то, что нужно в холодный вечер.

Я снимаю пакет спагетти с полки, и в это время кот начинает громко шипеть. Через полуоткрытую дверь я вижу: он уставился на что-то невидимое мне. Выгнул спину, шерсть у него встала дыбом. Не знаю, что его испугало. Знаю только, что меня мороз продирает по коже.

Слышится звон разбитого стекла, осколки градом рассыпаются по столу. Один из них ярко сверкает прямо за дверью.

Я тут же выключаю свет в кладовке и стою, дрожа, в темноте.

Кот издает вопль и бросается прочь. Я хочу кинуться следом, но тут распахивается входная дверь, и я слышу чьи-то тяжелые шаги по битому стеклу.

Кто-то входит в кухню. Я в ловушке.

36

Джейн вдруг почувствовала, как вся комната пошла кру´гом. Она не ела с полудня, много часов провела на ногах, и это открытие потрясло ее настолько, что она оперлась о стену, чтобы не свалиться мешком на пол.

– Это какой-то ошибочный отчет, – продолжала упорствовать она.

– ДНК не лжет, – сказал Габриэль. – Останки, найденные под Кейптауном, совпадают по ДНК с тем, что уже есть в базе данных Интерпола. С ДНК, которую им предоставил шесть лет назад Леон Готт после исчезновения его сына. Эти кости принадлежат Эллиоту. По черепным травмам его смерть классифицируется как убийство.

– И эти кости были найдены два года назад?

– В парковой зоне на окраине города. Точное время смерти определить невозможно, так что он вполне мог быть убит шесть лет назад.

– Но мы знаем, что он был жив. Милли видела его на сафари в Ботсване.

– Ты абсолютно уверена? – тихо спросил Габриэль.

Эти слова погрузили ее в молчание. «Абсолютно ли мы уверены, что Милли сказала правду?» Джейн прижала руку к виску – мысли смерчем проносились в ее голове. Милли не могла лгать, потому что ее слова подтверждены известными фактами. Летчик и в самом деле доставил семерых туристов на посадочную полосу в дельте, и среди них был пассажир с документами на имя Эллиота Готта. Некоторое время спустя Милли вышла из буша и рассказала ужасающую историю о бойне в туристском лагере. Падальщики растащили останки, и кости четверых туристов так и не были найдены. Ричарда. Сильвии. Кейко. И Эллиота.

Потому что настоящий Эллиот Готт был уже мертв. Убит в Кейптауне еще до начала сафари.

– Джейн? – услышала она голос Габриэля.

– Милли не лгала. Она ошибалась. Она считала, что убийца – Джонни, а он был жертвой, как и остальные. Его убил человек, который, регистрируясь на сафари, воспользовался документами Эллиота. А когда все закончилось, когда он насладился этой охотой из охот в буше, то отправился домой. Вернулся в свое прежнее состояние.

– Алана Роудса.

– Поскольку он путешествовал с документами Эллиота, пересечение им границы с Ботсваной не зарегистрировано. Ничто не связывает его с тем сафари. – Джейн окинула взглядом гостиную Роудса. Голые стены, обезличенное собрание книг. – Он – пустая оболочка, как и этот дом, – тихо сказала она. – Он не может позволить себе выпустить на свободу монстра, который в нем живет. Поэтому превращается в других людей. Но сначала крадет их личности.

– И не оставляет следов.

– Но в Ботсване он совершил ошибку. Одна из намеченных жертв бежала, и она может его опознать… – Джейн вдруг повернулась к Мауре, которая вошла в дом и смотрела на нее вопросительным взглядом. – Милли одна в доме, – сказала ей Джейн.

– Да. Собирает вещи.

– Боже мой. Мы оставили ее одну.

– Какое это имеет значение? – спросила Маура. – Она теперь никак не связана с расследованием, верно?

– Нет, как выясняется, она ключевая фигура. Она единственная может опознать Алана Роудса.

Маура недоуменно покачала головой:

– Но она никогда не видела Роудса.

– Видела. В Африке.

37

Шаги приближаются. Я сжимаюсь за дверью кладовки, мое сердце стучит, как барабан. Мне не видно, кто проник в дом. Я только слышу, что он задержался в кухне. Я вдруг вспоминаю, что оставила сумку на кухонном столе, и теперь слышу, как он расстегивает на ней молнию, слышу, как падают на пол монетки. Боже, пусть это будет обычный вор. Пусть он возьмет мой бумажник и уберется отсюда.

Видимо, он нашел то, что ему было нужно, потому что я слышу, как стукается о столешницу брошенная сумка. Пожалуйста, уходи. Пожалуйста, уходи.

Но он не уходит. Нет, он идет по кухне. Ему придется пройти мимо кладовки, чтобы попасть вглубь дома. Я замираю в темноте, не осмеливаюсь даже дышать. Он проходит мимо, и сквозь приоткрытую

дверь я вижу его спину, кудрявые темные волосы, угловатые плечи, квадратную голову. В нем есть что-то поразительно знакомое. Но это невозможно. Тот человек, о котором я подумала, мертв. Его кости разбросаны где-то в дельте Окаванго. Потом он поворачивается к приоткрытой двери, и я вижу его лицо. Все, во что я верила прошедшие шесть лет, все, что казалось мне очевидным, переворачивается с ног на голову.

Эллиот жив. Бедный, неловкий Эллиот, увивавшийся за блондинками, с трудом ковылявший по бушу, постоянный объект язвительных шуток Ричарда. Эллиот, заявивший, что нашел у себя в палатке змею, которую никто, кроме него, не видел. Я вспоминаю последнюю ночь, когда мои попутчики были еще живы. Помню темноту, панику, выстрелы. И последний крик женщины: «У него ружье! Боже мой, у него…»

Не у Джонни. Это был вовсе не Джонни.

Он проходит мимо кладовки, его шаги затихают. Где он? Замер где-то, где я его не вижу, и ждет, когда я проявлю себя? Если выберусь из кладовки и постараюсь проскользнуть в кухонную дверь, заметит ли он меня? Я лихорадочно пытаюсь представить себе задний дворик за этой дверью. Там ограда по всему периметру, но есть ли в ней калитка? Не могу вспомнить. Деваться мне там будет некуда, я окажусь пойманной на территории бойни.

Или могу остаться здесь и ждать, когда он найдет меня.

Я беру с полки банку. Малиновый джем. Банка достаточно массивная и увесистая. Не очень много, но другого оружия у меня нет. Я подхожу к двери и выглядываю.

Никого.

Осторожно выхожу из кладовки в ярко освещенную кухню, где я вся на виду. До задней двери шагов десять по полу, усыпанному битым стеклом.

Раздается звонок телефона, громкий, как крик. Я замираю и слышу, как включается автоответчик. Голос детектива Риццоли: «Милли, пожалуйста, возьмите трубку. Милли, вы меня слышите? Это важно…»

Голос звучит взволнованно, а я отчаянно пытаюсь услышать за ним другие звуки в доме, но не слышу их.

«Иди. Самое время».

Страшась выдать свое присутствие, я на цыпочках ступаю между осколками стекла. Девять шагов до двери. Восемь. Пройдено уже

полпути до двери, и в этот момент в комнату вбегает кот, его когти скользят по гладким плиткам, громко звякают осколки.

Этот звук привлекает убийцу, и я слышу приближающиеся тяжелые шаги. Я на открытом месте, спрятаться негде. Бросаюсь к двери, успеваю схватиться за ручку, но тут он хватает меня за свитер и разворачивает.

Я закидываю руку назад и вслепую наношу ему удар банкой. Она попадает ему сбоку по голове и разбивается, из нее льется струя малинового джема, яркого, как кровь.

Он рычит от бешенства и отпускает меня. Какое-то мгновение я свободна и опять хватаюсь за ручку. И опять мне почти удается уйти.

Но он вновь поймал меня, и мы оба падаем на пол, скользим по стеклу и разлитому джему. Переворачиваем мусорный бачок, из которого вылетают грязные обертки и кофейная гуща. Я поднимаюсь на колени, пробираюсь сквозь разбросанный мусор.

И тут мою шею обхватывает шнур, он затягивается, и голова откидывается назад.

Я хватаюсь за шнур, но он плотно впился в мою шею, так плотно, что врезался в кожу. Я слышу, как убийца кряхтит от усилий. Мне не удается ослабить шнур. Я не могу дышать. Свет начинает тускнеть в глазах. Ноги перестают действовать. Вот, значит, как мне суждено умереть. Так далеко от дома, от всех, кого я люблю.

Я падаю на спину, и что-то острое впивается мне в руку. Мои пальцы смыкаются вокруг этого предмета, я его едва чувствую, потому что все вокруг тускнеет. Вайолет. Кристофер. Я не должна была покидать вас.

Я закидываю руку назад, стараясь попасть ему в лицо.

Хотя туман вокруг меня сгущается, я слышу крик. Внезапно шнур на моей шее ослабевает. Лампочки начинают гореть ярче. Кашляя, хватая ртом воздух, я отпускаю предмет, оказавшийся в моей руке, и он падает на пол. Это вскрытая консервная банка из-под кошачьей еды, ее отогнутая крышка остра как бритва.

Я поднимаюсь на ноги, передо мной на столешнице подставка с кухонными ножами. Убийца наступает на меня, и я поворачиваюсь к нему. Из рассеченной брови течет кровь, много крови, она застилает ему глаза. Он бросается вперед, вытянув руки к моему горлу. Частично ослепленный собственной кровью, он не видит, что у меня в руке, чем я замахиваюсь, когда сталкиваются наши тела.

Нож для разделки мяса вонзается ему в живот.

Руки, схватившие меня за горло, ослабевают, падают. Убийца опускается на колени и остается в таком положении секунду-другую, глаза его открыты, на лице кровавая маска. Потом тело его наклоняется вбок, и, когда оно валится на пол, я закрываю глаза.

Неожиданно меня тоже начинает покачивать. Я пробираюсь по стеклу и крови к стулу и падаю на него. Роняю голову на руки и сквозь шум крови в ушах слышу другой звук. Вой сирены. У меня нет сил поднять голову. Я слышу, как хлопает входная дверь, слышу громкие голоса: «Полиция!» Но не могу пошевелиться. Только когда они входят в заднюю дверь и один из них разражается испуганными восклицаниями, я наконец поднимаю голову.

Передо мной стоят двое полицейских, оглядывая разгромленную кухню.

– Вы Милли? – спрашивает один из них. – Милли Дебрюйн?

Я киваю.

Он говорит в рацию:

– Детектив Риццоли, она здесь. Жива. Но вы не поверите, что я тут вижу.

38

На следующий день его берлогу нашли.

После того как радар обнаружил подземный бункер на заднем дворе Алана Роудса, потребовалось всего несколько минут работы лопатами, чтобы найти вход – деревянную крышку, присыпанную грунтом на дюйм.

Джейн первая спустилась по ступенькам в прохладную темноту, пахнущую сырой землей. Внизу она ступила на цементный пол и уставилась на растянутую на стене шкуру снежного барса, выхваченную лучом ее фонарика. На крюке рядом со шкурой висели стальные когти, их острые как бритва концы были отполированы до блеска. Джейн вспомнила о трех параллельных царапинах на теле Леона Готта. Вспомнила о Натали Тумз и трех царапинках на ее черепе. И вот она увидела инструмент, который оставлял эти метки на плоти и костях.

– Что ты там видишь? – крикнул Фрост.

– Человека-леопарда, – тихо ответила она.

Фрост спустился по лестнице, и они встали рядом, рассекая темноту лучами фонариков, словно саблями.

– Господи Исусе, – пробормотал Фрост, когда луч его фонарика остановился на противоположной стене. К пробковой плите были приколоты две дюжины водительских прав и фотографии из паспортов. – Из Невады, Мэна, Монтаны…

– Стена трофеев, – сказала Джейн.

Как у Леона Готта и Джерри О'Брайена. Алан Роудс тоже устроил выставку трофеев, но на стене, доступной лишь его взору. Джейн вгляделась в страничку, вырванную из паспорта: Милли Джекобсон. Роудс думал, что она стала его трофеем, но поторопился. Рядом с фотографией Милли были другие лица, другие имена. Исао и Кейко Мацунага. Ричард Ренуик. Сильвия ван Офвеген. Вивиан Крёйсвик. Эллиот Готт.

И Джонни Постьюмус, проводник, пытавшийся сохранить им жизнь. В открытом взгляде Джонни Джейн увидела человека, готового без страха и колебаний сделать все, что необходимо. Человека, которому не страшны звери буша. Вот только Джонни не знал, что самым опасным животным, с которым он столкнется, будет улыбающийся ему клиент.

– Тут есть ноутбук, – сказал Фрост, наклонившийся над картонным ящиком. – «Макбук эйр». Как думаешь, может, это ноутбук Джоди Андервуд?

– Включи.

Надев перчатки, Фрост взял ноутбук и нажал кнопку «пуск».

– Аккумулятор сдох.

– А блок питания там есть?

Он залез поглубже в коробку:

– Не вижу. Тут какое-то битое стекло.

– От чего?

– Это фотография.

Фрост вытащил фотографию в рамочке с разбитым стеклом. Осветил фонариком фотографию, и несколько секунд оба детектива не могли произнести ни слова – осмысляли увиденное.

Двое мужчин стояли рядом, освещенные солнцем, подчеркивающим каждую черту лица. Они были достаточно похожи, чтобы сойти за братьев, – оба темноволосые, с квадратными лицами. Человек слева улыбался в объектив, но второго словно застали врасплох – щелкнули, когда он повернулся лицом к камере.

– Когда сделан этот снимок? – спросил Фрост.

– Шесть лет назад.

– Откуда ты знаешь?

– Я просто знаю место, где он сделан. Я там была. Это Столовая гора в Кейптауне. – Джейн посмотрела на Фроста. – Эллиот Готт и Алан Роудс. Они были знакомы.

39

Детектив Риццоли стоит у входной двери в дом доктора Айлз, держа в руках ноутбук.

– Последняя часть пазла, Милли, – говорит она. – Я думаю, вам будет интересно увидеть.

Прошла почти неделя с того вечера, как я осталась в живых после нападения Алана Роудса. Хотя крови и осколков здесь больше нет и стекло вставлено в дверь, я все еще неохотно захожу в кухню. Слишком живы воспоминания. И свежи ссадины на моей шее. Поэтому мы идем не в кухню, а в гостиную. Я сажусь на диван между доктором Айлз и детективом Риццоли, двумя женщинами, которые охотились на монстра и пытались уберечь меня от него. Но в конечном счете я сама себя спасла. Я – та самая, которая должна была умереть дважды, чтобы жить снова.

Серый кот сидит на кофейном столике и с умным выражением (от которого становится не по себе) смотрит, как Риццоли открывает ноутбук и вставляет в него флешку.

– Это фотографии с компьютера Джоди Андервуд, – говорит Риццоли. – Вот почему Алан Роудс убил ее. Потому что эти фото говорят сами за себя, и он не мог допустить, чтобы их кто-то увидел. Ни Леон Готт. Ни Интерпол. И уж конечно не вы.

На экране появляются названия файлов с иконками, но они такие маленькие – разглядеть в подробностях невозможно. Риццоли кликает по первой иконке, и фотография открывается во весь экран. Улыбающийся темноволосый человек лет тридцати, одетый в джинсы и жилет фотографа, с рюкзаком через плечо. Он стоит в аэропорту в

очереди на регистрацию. У него квадратная форма лица и мягкие глаза, во всем его облике какая-то счастливая невинность, невинность ягненка, который не подозревает, что путь ведет его на скотобойню.

– Это Эллиот Готт, – говорит Риццоли. – Настоящий. Снято в Бостоне шесть лет назад перед посадкой в самолет.

Я разглядываю черты его лица, кудрявые волосы, форму черепа.

– Он так похож на…

– На Алана Роудса. Вероятно, потому Роудс и выбрал его в качестве жертвы. Он нашел похожего человека и выдал себя за Эллиота Готта. Знакомясь с Сильвией и Вивиан в ночном клубе в Кейптауне, он представился уже как Готт. Он воспользовался паспортом и кредитными карточками Эллиота, заказывая билет в Ботсвану.

Там-то я с ним и познакомилась. Помню день, когда впервые увидела человека, назвавшегося Эллиотом. Это было в малом терминале аэропорта в Мауне, где мы всемером ждали посадки на рейс в дельту. Помню, что побаивалась лететь на таком маленьком самолете. Помню, как Ричард сетовал, что я, мол, не прониклась духом приключения, удивлялся, почему я не могу смотреть на это веселее, подобно хорошеньким блондинкам, хихикавшим на скамье. О первой встрече с Эллиотом я не помню почти ничего, потому что полностью была сосредоточена на Ричарде. На том, что теряю его. На том, что он пресытился мной. Это сафари было моей последней отчаянной попыткой спасти то, что было между нами, и я почти не обращала внимания на неловкого человека, который обхаживал блондинок.

Риццоли показывает следующую фотографию. Это селфи, снятое на борту самолета. Настоящий Эллиот улыбается с сиденья, а его соседка приветственно поднимает на камеру бокал с вином.

– Это фотографии, сделанные на сотовый. Эллиот отправил их по электронной почте своей подружке Джоди. Это ежедневная хроника того, что он видел и с кем встречался, – говорит Риццоли. – У нас нет текста, сопровождавшего фотографии, но это документальные свидетельства его путешествия. И наснимал он их немало.

Она показывает следующие фотографии: Эллиот ест на борту самолета, солнце восходит за иллюминатором. Еще одно селфи: он с глуповатой ухмылкой свешивается в проход, чтобы показать кабину у себя за спиной. Но на этот раз я смотрю не на Эллиота, а на человека, сидящего рядом с ним, его лицо хорошо видно.

Алан Роудс.

– Они летели одним рейсом, – говорит Риццоли. – Там, в самолете, наверно, и познакомились. А может быть, еще раньше – в Бостоне. Но вот что нам точно известно: ко времени прилета Эллиота в Кейптаун у него был друг, с которым он проводил время.

Она кликает еще по одной иконке, и на экране возникает новая фотография. Эллиот и Роудс на Столовой горе.

– Это последняя фотография Эллиота. Джоди Андервуд поместила ее в рамочку и подарила отцу Эллиота. Мы полагаем, она висела в доме Леона, когда Алан Роудс привез туда снежного барса. Леон узнал Роудса по фотографии. Вероятно, спросил, откуда тот знал Эллиота и как они оба оказались в Кейптауне. Позднее Леон сделал несколько телефонных звонков. Первый звонок – Джоди Андервуд, он просил у нее фотографии, присланные Эллиотом. Второй – в Интерпол, пытался связаться с Хенком Андриссеном. Эта фотография стала катализатором всего, что случилось потом: убийство Леона Готта, убийство Джоди Андервуд, может быть, даже смотрительницы зоопарка Дебры Лопес, потому что она, скорее всего, присутствовала во время его разговора с Готтом. Но больше всего Роудс боялся вас.

Я смотрю на экран ноутбука:

– Потому что только я знала, кто из них двоих был на сафари.

Риццоли кивает:

– Он не мог допустить, чтобы вы увидели эти фотографии.

Я не могу больше смотреть на лицо Роудса и отворачиваюсь.

– Джонни, – шепчу я.

Это единственное слово, которое я произношу. Просто «Джонни». Он внезапно возникает перед моим мысленным взором – стоит в лучах света, с рыжеватыми, как львиная грива, волосами. Я помню, как он стоял, твердо упершись ногами в почву, словно дерево в его родной африканской земле. Помню, как просил меня верить ему, говорил, что я должна научиться доверять самой себе. И еще я вспоминаю, как он смотрел на меня у костра, как отблески пламени плясали на его лице. Если бы я только прислушалась к моему сердцу. Если бы вручила свою судьбу человеку, которому хотела верить.

– Теперь вы знаете правду, – мягко говорит доктор Айлз.

– Все могло быть совсем иначе. – Я моргаю, и по моей щеке стекает слеза. – Он изо всех сил пытался сохранить нам жизнь. А мы все обратились против него.

– В некотором роде, Милли, он спас вашу жизнь.

– Как?

– Благодаря Джонни… вашему страху перед ним… вы скрывались в Таус-Ривере, где вас не мог найти Алан Роудс. – Доктор Айлз кидает взгляд на Риццоли. – Пока мы так неудачно не доставили вас в Бостон.

– Наша вина, – признает Риццоли. – Мы думали про другого человека.

И я тоже. Я вспоминаю, как Джонни преследовал меня в ночных кошмарах, хотя его-то мне и не нужно было бояться. Те кошмары теперь отступают. Прошлой ночью я спала лучше, чем когда-либо за последние шесть лет. Монстра больше нет, и это я победила его. Несколько недель назад детектив Риццоли сказала, что для меня это единственный способ снова спать спокойно, и я уверена, что вскоре кошмары навсегда оставят меня.

Джейн закрывает ноутбук:

– Так что завтра можете лететь домой со спокойной душой: все закончилось. Ваш муж наверняка уже соскучился.

Я киваю:

– Крис звонил по три раза на день. Он говорит, там эта история освещалась в новостях.

– Вы вернетесь домой героем, Милли.

– Я счастлива, что возвращаюсь.

– Но прежде… Я подумала, что вы захотите иметь это. – Она залезает в сумку от ноутбука и вытаскивает оттуда большой конверт. – Мне переслал по электронной почте Хенк Андриссен. А я распечатала для вас.

Я открываю конверт и вытаскиваю оттуда фотографию. У меня перехватывает горло, и несколько секунд я не могу произнести ни звука. Могу только смотреть на фотографию Джонни. Он стоит по колено в траве, держа ружье. Солнце золотит его волосы, вокруг глаз морщинки – он готов рассмеяться. Это тот Джонни, в которого я влюбилась, настоящий Джонни, которого на время затмила тень монстра. Вот таким я и должна его помнить: в буше, где был его дом.

– Одна из немногих хороших фотографий, какие удалось найти Хенку. Фотографию сделал другой проводник около восьми лет назад. Я подумала, вам она понравится.

– Как вы узнали?

– Я понимаю, какая сильная травма обнаружить, что все ваши представления о Джонни Постьюмусе оказались неверными. Он заслуживает, чтобы его помнили таким, каким он был на самом деле.

– Да, – говорю я и глажу улыбающееся лицо на фотографии. – Таким я его и буду помнить.

40

Кристофер будет ждать меня в аэропорту. Он возьмет с собой Вайолет, и она почти наверняка будет держать громадный букет цветов. Я окажусь в их объятиях, а потом мы поедем домой в Таус-Ривер, где вечером состоится прием в честь моего возвращения. Крис предупредил меня об этом, так как знает, что я не люблю сюрпризов, да и приемов тоже. Но я чувствую, что наконец пришло время отпраздновать важное событие: я возвращаюсь к жизни. Воссоединяюсь с этим миром.

Крис сказал, что соберется полгорода, потому что всем любопытно. Пока они не прочли эту историю в газетах, мало кто из них знал о моем прошлом или почему я веду затворническую жизнь. Прежде я не могла позволить себе появляться на людях. Теперь они всё знают, и я стала новой знаменитостью нашего городка – обычная мамочка, которая съездила в Америку и победила серийного убийцу.

– Здесь начнется настоящее сумасшествие, – сказал Крис по телефону перед моей посадкой в самолет. – Все время звонят из газеты и с телевидения. Я просил, чтобы нас оставили в покое, но ты должна быть готова ко всему.

Через полчаса мой самолет приземлится в Кейптауне. Эти завершающие минуты полета – последняя возможность для меня побыть наедине с собой. Мы начинаем снижаться, и я в последний раз достаю фотографию.

Шесть лет прошло с того дня, когда я видела его в последний раз. С каждым годом я становлюсь все старше, а Джонни не состарится никогда. Он всегда будет стоять такой прямой и высокий, трава будет шелестеть у его ног, солнце – отражаться в его улыбке. Я думаю обо всем, что могло бы произойти с нами, если б обстоятельства сложились иначе. Возможно, сейчас мы были бы женаты и счастливо жили в нашем

сельском домике в буше? Возможно, у наших детей был бы такой же, как у него, пшеничный цвет волос и они росли бы, свободно бегая босиком по траве? Я никогда этого не узнаю, потому что настоящий Джонни упокоился где-то в дельте, его кости стали частью почвы, его атомы рассеялись в земле, которую он любил. В земле, которая была его домом. Все, что у меня есть, – это воспоминания о нем, и я буду хранить их глубоко в сердце. Они принадлежат только мне.

Самолет садится, выруливает к терминалу. Небо сияет голубизной, я знаю, что воздух будет мягкий, с запахом цветов и моря. Я засовываю фотографию Джонни в конверт и прячу в сумочку. Он не будет на виду, но я его никогда не забуду.

Я поднимаюсь на ноги. Пора возвращаться к семье.

Благодарности

Никогда не забуду ощущений, которые я испытала, впервые увидев леопарда в его естественной среде обитания. За это драгоценное воспоминание я благодарна замечательному персоналу охотничьего домика «Улусаба сафари» в заповеднике Саби-Сэндс. Особое спасибо рейнджеру Грегу Постьюмусу и следопыту Дану Ндубане, которые познакомили меня с красотой африканского буша… и не дали погибнуть моему мужу.

Огромная благодарность моему литературному агенту Мег Рули, которая на протяжении многих лет была моим отважным другом и союзником, и моим редакторам Линде Марроу (США) и Саре Адамс (Великобритания) за их неоценимую помощь – они придали блеска этой книге.

Более всего я благодарна моему мужу Джекобу, который разделил со мной это путешествие. Приключение продолжается.

Примечания

1

Окаванго – река в Юго-Западной Африке. Дельта Окаванго – самая большая внутренняя дельта планеты, не имеющая стока в Мировой океан. Находится на территории Ботсваны, главный источник воды в этом регионе, примыкающем к пустыне Калахари.

2

Маун – небольшой город в Ботсване.

3

Фамилия созвучна с английским словом posthumous, что означает «посмертный».

4

Африканеры – группа населения ЮАР, потомки колонистов голландского, немецкого и французского происхождения.

5

Тсонга (батсонга) – народ, живущий в Мозамбике.

6

X-хромосома – половая хромосома, у самок имеются две X-хромосомы, у самцов одна X-хромосома и одна Y-хромосома.

7

Имеется в виду персонаж сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

8

Бабушка *(ит.)*.

9

Эвисцерация – в медицине извлечение внутренних органов трупа с целью их изучения.

10

Кот Флаффи – персонаж серии мультипликационных фильмов студии Диснея.

11

«Швейцарский Робинзон» – роман Йоханна Давида Висса, опубликованный в 1812 году; рассказывает о швейцарской семье, которая, отправившись в Австралию, оказалась на острове в Вест-Индии.

12

Найтсбридж – один из богатых районов Лондона.

13

Фидо – популярная в США кличка собаки.

14

«Джи Кью» – международный ежемесячный журнал для мужчин.

15

В психологии термин «гештальт» означает целостную структуру, образ.

16

Имеется в виду город в штате Массачусетс, к западу от Бостона.

17

Компания, занимающаяся розничными продажами в Интернете.

18

Различают три стадии развития фолликула: анаген (период роста), катаген (переход от одной стадии к другой) и телоген (период покоя).

19

Салат нисуаз, или салат с анчоусами, – кулинарный рецепт Ниццы, города, который и дал название салату.

20

Слова из английской песни, написанной для постановки «Оперы нищих» в Лондоне.

21

ВиКАП (*ViCAP* – The Violent Criminal Apprehension Program) – программа предотвращения насильственных преступлений.

22

«Габелас инкорпорейтед» – компания, специализирующаяся на розничной продаже охотничьего, рыболовного, туристского снаряжения.

23

Йеллоустоун – национальный парк в штатах Вайоминг, Монтана и Айдахо.

24

Столовая гора – гора, расположенная к юго-западу от Кейптауна на южном берегу Столовой бухты, визитная карточка города.

25

Ричард Марлин Перкинс (1905–1986) – американский зоолог, ведущий телепрограммы, посвященной животным.